

55380-1
80 FI A 19

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES
SLAVICAE**

**МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ
ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ
STUDIES IN SLAVIC PHILOLOGY
SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN**

**SECTIO
LINGUISTICA
XXVI
2005**

2008 APR. 26

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

DISSERTATIONES SLAVICAE

SECTIO LINGUISTICA

XXVI

SZEGED
2005

KÖNYV

PUBLICATIONES INSTITUTI SLAVICAE IN UNIVERSITATE SZEGEDIENSI

REDACTORES CONSTITUENTES:

József Juhász

Imre H. Tóth

SOCII REDIGENDI:

Ibolya Bagi, István Ferincz, Mihály Kocsis

REDIGIT:

Károly Bibok

SERIEM PUBLICATIONUM EDENDAM CURAT:

Mónika Farkas Baráti

© Auctores, 2005

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged.
HU ISSN 0237-9554 Diss. Slav.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	v
Саламин, Эдит: К 80-летию Йожефа Юхаса	1
Балаж, Габор: К морфологии Фрейзингских отрывков	7
Бояджиев, Андрей: О славянских словах со значением 'водяной пузырь'	13
Dršatová, Jitka – Dršatová, Marta: Způsoby oslovení v Česku a Maďarsku	19
Жерева, Мария Стоилова: Общефактического значение на несвършен вид в сегашно историческо време в български език	29
Лепяхин, Валерий: Об одном письменном свидетельстве мудрости философа и иконника Феофана Грека	35
Лесничкова, Лиляна: По въпроса за избора на езиковите средства и огра- ниченията при тяхната употреба в процеса на речевото общуване (върху български и унгарски езиков материал)	47
Майорош, Хенриета: Характеристика на съществителните имена във Ватиканското евангелие	57
Mešter, Andrea: O prevodu frazeologizama S. Babića u romanu <i>Jednouchi</i> Tibora Derija	69
Мокань, Шандор: Две кукушкины детки: <i>болташ</i> и <i>*капура</i>	77
Panajotov, Plamen: Perfektiv im Präsens und Imperfekt im Neubulgarischen	81
Пожгаи, Иштван: К вопросу формирования русского церковнославян- ского языка (Гибридный (церковно-книжный) языковой слой в Синайском патерике)	87
Szabó, József: Die ungarische Identität und Fragen des Muttersprachgebrauchs in der Slowakei (aufgrund einer Befragung unter Pressburger Studenten)	101
Феринц, Иштван: Некоторые примеры лексического и фразеологиче- ского богатства частных писем конца XVII – начала XVIII века	107
Х. Тот, Имре: Статика, динамика, история языка (Фердинанд де Соссюр и И.А. Бодуэн де Куртенэ)	121
Эрдеи, Илона: Асимметричность эксплицирования при переводе инфинитивных конструкций	131
Рецензия	
Куглер, Каталин: István Fenyvesi, Orosz–magyar és magyar–orosz szlen- gyszótár. Русско-венгерский и венгерско-русский словарь сленга.	141

Научная жизнь

Кочиш, Михай: Десять лет новым славянским специальностям 147

Некролог

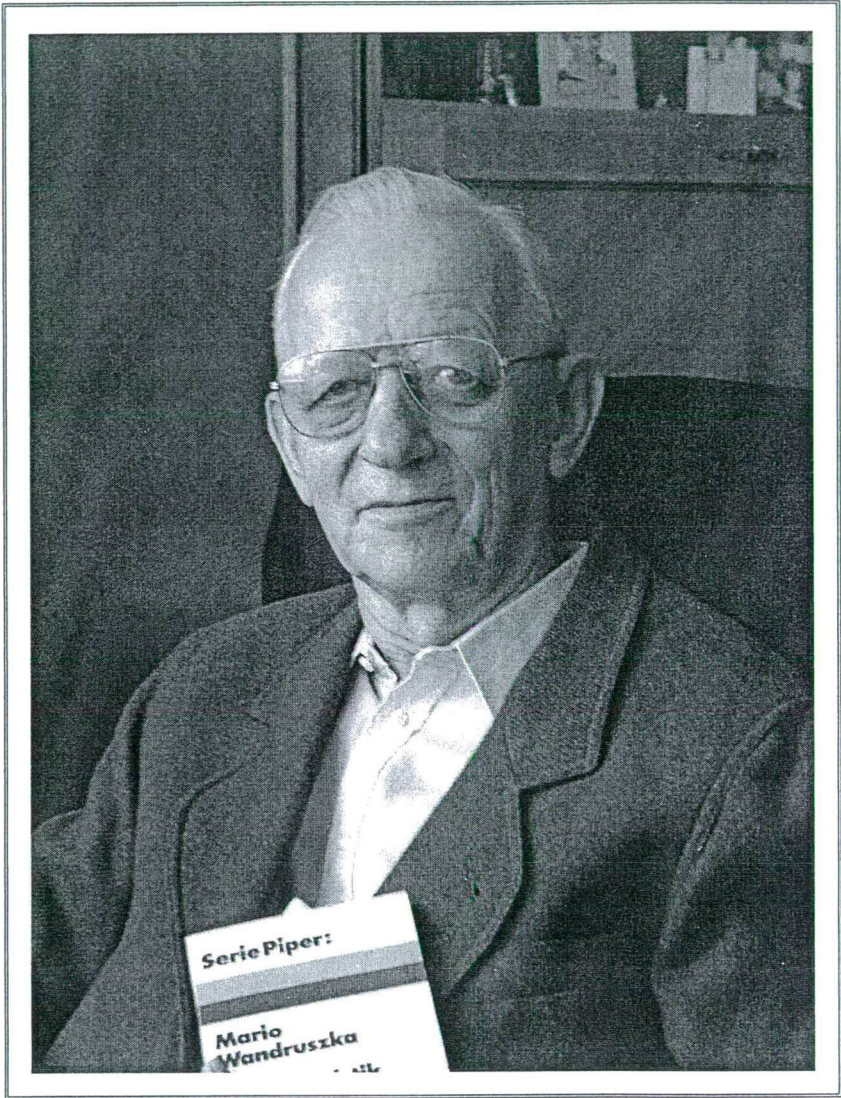
Благой Шклифов (30 януари 1935 г. – 24 септември 2003 г.) 149

К сведению авторов 155

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной XXVI выпуск сборника Института славистики Сегедского университета *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* посвящается 80-летию со дня рождения Йожефа Юхаса. В лице юбиляра мы поздравляем бывшего заведующего Кафедрой русского языка и литературы Сегедского университета, редактора-основателя ученых записок *Dissertationes Slavicae*, автора немалого количества значительных научных работ как по славистике, так и по венгерскому языкознанию, а также одного из редакторов обоих изданий толкового словаря венгерского языка (*Magyar értelmező kéziszótár*. Budapest, 1972, 2003).

Хотим выразить надежду, что предлагаемый том нашего сборника заслужит одобрение юбиляра и в то же время вызовет интерес у широкого круга читателей.

К 80-ЛЕТИЮ ЙОЖЕФА ЮХАСА¹

Эдит Саламин

(Szalamin Edit, 6726 Szeged, Blaha Lujza u. 9.)

В лице нашего уважаемого юбиляра, доцента Йожефа Юхаса мы поздравляем бывшего заведующего Кафедрой русского языка и литературы Сегедского университета, любимого преподавателя многих наших коллег. Поздравляющий его коллега, хотя выполняет свое поручение с большой радостью, находится в трудном положении. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, общеизвестные скромность, сдержанность нашего юбиляра, установка на внимание к другим искренне протестуют против всяких официальных, торжественных жестов. Вторая причина имеет сугубо профессиональный характер: отечественная лингвистическая общественность считает Йожефа Юхаса в первую очередь специалистом в области венгерского языка, хотя наш юбиляр достиг серьезных результатов и в славистике.

Эта двойная направленность деятельности отражается и в его работе как организатора науки: он является членом как Комиссии по общему языкознанию, так и комиссии по славистике при Венгерской академии наук, далее он член правления Общества венгерского языкознания и участвует в работе редколлегии лингвистического журнала "Nyelvtudományi Közlemények" ("Сообщения по языкознанию").

Любой, кто намерен высказать свое мнение о значении преподавательской и исследовательской деятельности Йожефа Юхаса, должен обозреть две большие научные области, чтобы объективно показать его научные достижения. Объективность, как мне кажется, представляет собой совершенно искреннее требование нашего юбиляра, вытекающее из его личности, поскольку для деятельности и решений нашего бывшего заведующего кафедрой больше всего был характерен классический принцип "sine ira et studio".

Йожеф Юхас родился 27 августа 1923 г. в городе Карцаг. В начальной и средней школе он учился в своем родном городе, с которым до сих пор крепко связан эмоционально: он является председателем дружеского кружка бывших выпускников карцагской гимназии. Интерес к языкам и языкознанию в талантливом ученике был пробужден ученым преподавателем латинского языка гимназии. Выпускник гимназии поступил в университет в городе Деб-

¹ Поздравительные слова были произнесены на Филологическом факультете, в Сегеде, 3-го октября 2003 г.

рецен, диплом же учителя русского языка и литературы получил в Казанском государственном университете в 1953 г.

Как известно, во второй половине XIX-го века Казанский университет был одним из значительных центров русского языкознания. В период с 1875 по 1883 г. здесь работал И.А. Бодуэн де Куртенэ, который вместе со своими учениками Н.В. Крушевским и В.А. Богородицким создал казанскую лингвистическую школу. Эта научная школа, преодолев историзм младограмматиков, еще до Ф. де Соссюра сделала попытку сформулировать различия между диахронией и синхронией. Она выступала за развитие синхронных исследований наряду с диахронными.

Будучи казанским студентом-филологом, Йозеф Юхас познакомился не только с научными взглядами И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников, но и с трудами таких лингвистов, как например О. Есперсен, синтаксическую концепцию которого во многих отношениях можно считать уже предшественницей генеративной грамматики. В Казани же наш юбиляр изучал работы представителей структуралистического Пражского лингвистического кружка, созданного в 1926 г. В. Матезиус и Р. Якобсон были членами первого, а А.В. Исаченко – второго поколения этого кружка. В исследованиях последнего особый интерес Йозефа Юхаса вызвал анализ связи перфективного глагола и определенного объекта. Глубокий интерес к современной лингвистике и серьезное изучение ее достижений принесли свои плоды и в дальнейшей преподавательской работе Йозефа Юхаса: в его лекциях и на семинарских занятиях по современному русскому языку все изучаемые проблемы освещались и с точки зрения истории лингвистики, что развивало у студентов способность рассматривать все языковые и языковедческие проблемы в их взаимосвязях.

После окончания университета Йозеф Юхас начал работать в Будапеште, в Институте языкознания Венгерской академии наук. В 1953–1958 гг. он работал младшим научным сотрудником, в 1958–1981 гг. – научным сотрудником, затем после защиты кандидатской диссертации (в 1981 г.) до ухода на пенсию в 1993 г. – старшим научным сотрудником.

В начале 60-х годов он рецензировал двухтомную академическую описательную грамматику современного венгерского языка (*A mai magyar nyelv rendszere I–II. Budapest, 1961–1962*). С 1962 по 1972 г. работал главным редактором однотомного толкового словаря венгерского языка (*Magyar Értelmező Kéziszótár. Budapest, 1972*). Этот однотомник содержит на двенадцать тысяч заглавных слов больше, чем выпущенный ранее семитомный толковый словарь, своим объемом в почти семьдесят тысяч словарных статей, является подлинным шедевром изложения в сжатом виде. Следует отметить, что наш уважаемый юбиляр также принимал активное участие в подготовке только

что вышедшего нового, переработанного издания толкового словаря венгерского языка.

Кроме исследований в области грамматики и лексикографий, Йожеф Юхас занимается семантическими, фразеологическими, лексикологическими исследованиями, а также лингвистикой текста, в частности, анализом криминологических текстов. Основной областью его научной деятельности является фразеология: *A frazeológiai egységek néhány kérdése* (Tanulmányok a magyar nyelv életrajza köréből. Budapest, 1963); *A frazeológia mint nyelvészeti diszciplína* (Tanulmányok a mai magyar nyelv szókészlettana és jelentéstana köréből. Budapest, 1980); *Die semantische Teilbarkeit der phraseologischen Einheiten* (Linguistische Studien. Reihe A, Arbeitsberichte. Berlin, 1983). Тема кандидатской диссертации – классификация венгерских фразеологических единиц (*A magyar frazeológiai egységek osztályozása. Kand. ért. Budapest, 1980*). В своей диссертации он дает монографическое описание предшествующих фразеологических исследований как в зарубежной, так и в венгерской лингвистике. В его описательной классификации доминируют в первую очередь формально-структурные и функциональные аспекты, но важную роль играют и семантические признаки. В этой работе автора сделаны основополагающие выводы, открывающие новые перспективы в изучении венгерских фразеологических единиц.

Начиная с 1958 г. в течение целого десятилетия Йожеф Юхас в должности доцента заведовал Кафедрой русского языка и литературы Сегедского университета им. Аттилы Йожефа. В эти годы он основал и редактировал научный журнал Кафедры русского языка и литературы "Dissertationes Slavicae", очередной (XXVI) том которого мы, бывшие ученики, коллеги, посвящаем его 80-летию. У поздравляющих его сейчас коллег именно к этому периоду относятся больше всего личных воспоминаний о Йожефе Юхасе, о тактичном, чутком, никогда не повышающем голоса преподавателе, в педагогическом кредо которого центральное место всегда занимали готовность помочь, ободрить, отметить прежде всего положительные моменты. Благодаря такой преподавательской установке на его "вертикальных" семинарах, где вместе занимались студенты старших и младших курсов, даже студенты младших курсов чувствовали себя свободно, нескованно и могли работать в ободряющей атмосфере. В создании такой дружеской, почти семейной атмосферы большую роль играл особый, тихий юмор Йожефа Юхаса, но главным образом, конечно, его уравновешенная, спокойная, полная доверия к студентам личность. Я уверена, что Кафедра современного венгерского языка Будапештского университета им. Л. Этвеша, оценив именно эти педагогические достоинства его преподавательской работы, в 1968 г. присвоила нашему юбиляру звание титулярного доцента.

С 1984 по 1991 г. Йозеф Юхас работал в Карловом университете в Праге, руководя языковой подготовкой студентов венгерского отделения. Здесь углубилась его связь с чешским языком и чешской культурой, и вероятно, благодаря этому углубленному интересу он обязан своими успехами в исследовании немецко-чешско-венгерско-русских фразеологических параллелей: *A frazémák jelentéstani vizsgálatának módszertanához* (Slavica Pragensia, 1995); Немецко-чешско-венгерско-русские фразеологические параллели (*Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXIV*. Szeged, 1996). Для этих его исследований особенно характерны широкий культурологический подход, анализ связи языка с обществом.

Известно, что начиная с 30-х и до середины 60-х годов XX-го столетия проблематикой актуального членения предложения занимались почти исключительно чешские лингвисты. В центре их внимания стояла коммуникативная, текстообразующая функция структуры "тема-рема", получившая позднее – с изменением их концепции – название "топик-комментарий", потом "топик-фокус". В 70-е годы в европейской и американской лингвистике начался качественно новый период в исследовании структуры "топик-комментарий". В целом ряде языков мира было обнаружено, что поверхностная структура предложений основана в первую очередь не на структуре "подлежащее-сказуемое", а на структуре "топик-комментарий". Было обнаружено также, что структура "топик-комментарий" – это больше, чем актуальное, следующее за контекстом членение предложения, на самом деле она является проявлением логической структуры предложения.

В 60-е годы в связи с анализом коммуникативно-логической структуры предложения исследования Йозефа Юхаса по русистике привели к ценным выводам. Таким результатом мы считаем, например, раскрытие функций энклитической частицы *-то*. В посвященной этой теме статье "Об энклитической частице *-то* в русском языке" (*Dissertationes Slavicae V*. Szeged, 1967) автор, правда, иными терминами описывает функцию выделения топика как одну из основных функций данной частицы, чем на несколько лет опередил российских исследователей русской разговорной речи. Также, на мой взгляд, "пионерским" начинанием оказалось и исследование явлений смешения конструкций и сплетения частей сложного предложения как признак "разговорности" стиля в художественных произведениях, о котором автор сделал сообщение на VI-м международном съезде славистов в Праге в 1968 г.

В том же году в Сегедском университете у Йозефа Юхаса закончилось десятилетнее заведование Кафедрой русского языка и литературы. Этот большой отрывок времени, как уже "видится на расстоянии", имел решающее значение в развитии нашей кафедры. Именно в этот период им были приглашены для работы на кафедре Иштван Пете, Имре Х. Тот, Елизавета

Феньвеш-Коняева, Наталия Салма-Вихтер, Дьёрдь Сёке, Адам Фейёр, Иштван Феринц и Эдит Саламин, коллеги которые как основной кадровый состав (к сожалению, в большинстве своем они уже на пенсии) воспитали целый ряд поколений преподавателей русского языка и литературы. В этой работе для них примером были бескорыстие, педагогический такт нашего юбиляра, за которые мы сейчас, спустя 35 лет, все искренне и единодушно его благодарим. Мы благодарны ему как настоящему вожаку, который до сих пор сохранил живой интерес к нам и дружеские отношения с нашей кафедрой. От всей души мы поздравляем его со славным юбилеем! Желаем крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, счастья и радостей в кругу семьи.

К МОРФОЛОГИИ ФРЕЙЗИНГСКИХ ОТРЫВКОВ

Габор Балаж

(Balázs L. Gábor, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Целью настоящей работы является морфологический анализ имен существительных с основой на согласный, встречающихся в Фрейзингских отрывках. Такой анализ представляет собой продолжение начатых нами наблюдений в области именных парадигм с консонантной основой в древних славянских рукописях (Балаж 2002: 17–22; Балаж 2004).

Фрейзингские отрывки (ФО) – единственный сохранившийся старославянский памятник (с чертами старословенского языка), который был написан латинским алфавитом. Он состоит из трех частей, возникших между 972 г. (ФО II и ФО III) и 1039 г. (ФО I). Все три отрывка включены в кодекс, хранящийся в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене под сигатурой Clm 6426. Кодекс содержит 169 листов, ФО I расположен на л. 78 и 78 об., ФО II – на л. 158 об. – 160, а ФО III – на л. 160 об. – 161 об. Как известно, ФО I и ФО III по содержанию являются исповедными молитвами (сходными с переводом молитвы Св. Эммерамма в Синайском требнике, но по всей вероятности более ранними версиями), в то время как ФО II – славянским вариантом западного текста *Adhortatio ad poenitentiam*. Наиболее полное издание ФО, которым пользовались и мы, вышло в свет недавно в Любляне (*Brižinski spomeniki* 1993). Оно является научно-критическим изданием Словенской академии наук и содержит в себе факсимиле всех трех отрывков, описание кодекса Clm 6426, транскрипции и переводы текстов ФО, словарь-индекс, обзор исследования и подробную библиографию от 1806 до 1991 г.

Склонение существительных в ФО в целом архаично, соответствуя времени написания памятника. Таким образом оно, как правило, отражает нормы старославянской морфологической системы. Существуют однако, хотя редко, и отклонения от этой нормы. В качестве примера приведем следующие словоформы: *gresnike* [= *grěsnikę*] (III 69–70); *greche* [= *grěxę*] (III 27). Оба слова являются формами вин. п. мн. ч., но в обоих случаях вместо ожидаемого окончания основ на -ǫ- выступает окончание мягкой разновидности данного типа склонения, т.е. флексия основ на -jǫ-. Такое влияние мягкой парадигмы на твердую представляет характерную черту истории словенского языка, в котором в данном падеже окончание мягких основ вытеснило окончание твердых основ во всех диалектах (Ramovš 1952: 47). Таких морфологи-

ческих "исключений" в ФО тем не менее мало, и следует заметить, что рядом с вышеупомянутой словоформой *greche* встречается и *grechi* [= *grěxi* < *grěxy*] (II 111), которая является морфонологическим вариантом оригинального окончания вин. п. мн. ч. основ на -ǫ-.

Архаичность характеризует и склонение существительных с основной на согласный. Хотя лексем, относящихся к данному типу, сравнительно немного, представители всех трех родов выступают в памятнике. Сейчас приступим к анализу конкретных словоформ, встречающихся в ФО.

1) Основы на -n-

Из существительных мужского рода с консонантной основой употребляется лишь *дѣнь*, причем во всех отрывках, всего 7 раз. Оно первоначально относилось к основам на -n-, о чем свидетельствуют словоформы как род. ед. ч. ст.-сл. *дѣне*, словенск. *dne* (или *dneva*), чешск. *dne*, словацк. *dne* и т.д., и местн. п. ед. ч. ст.-сл. *дѣне*, словенск. *dne* (или *dnevu*), чешск. *vedne*, польск. *we dnie*, кайкавск. *dne* и т.д. Как известно, данная форма им. п. ед. ч. Оригинально была формой вин. п. ед. ч. (*дѣнь* < **din-mj*), которая еще в праславянском языке заменила исходную словоформу номинатива. Последнюю нелегко реконструировать. Фонема /n/ выступает в одних индоевропейских примерах: санскр. вин. п. ед. ч. *dīnam*, латинск. *nūn-dinum*, готск. *sin-teins*, ирландск. *denus*, *tre-denus*, литовск. *dienà*, латышск. *diena*, старопрусс. вин. п. ед. ч. *deinan*, в то время как отсутствует в других: санскр. *dyauṣ*, род. пад. ед. ч. *divāḥ*, латинск. *diēs*, *diū*, алб. *ditë*. Индоевропейский корень, следовательно, вероятно был **dī-*, к которому в отдельных случаях присоединялся -n-. Что касается старого праславянского (балто-славянского) номинатива, Вайан его восстанавливает как **dyēn*, а Лескин как **dьję* (< **dijōn*) или **дьву*, но существуют и другие, менее правдоподобные предположения (Vaillant 1958: 193; Hujer 1910: 42; Ramovš 1952: 72).

В ФО фигурируют следующие словоформы:

den – вин. п. ед. ч.: *paki se uztati na zodni den* (I 9), *ese iezem ztuoril zla po t den* (I 12), *I da bim uzlissal na zodni den* (I 32);

dine – род. п. ед. ч.: *od togo dine, ponese cristen bih* (III 39), *dase do diniznego dine* (III 41);

dini – дат. п. ед. ч.: *Da c tomu dini, zinzi, muzlite* (II 83);

dine – местн. п. ед. ч.: *da bim... na zudinem dine pred Tu<o>ima osima ztoial* (III 54).

Существительное среднего рода с основой на -n- в ФО только одно: *имѣ*. Оно выступает в следующих словоформах:

имѣ – вин. п. ед. ч.: *malomogoncka u ime bosie bozzekacho* (II 49), *i u ime bosie te utessahu* (II 55);

imena – им. п. мн. ч.: *da ta tri imena <sunt> edin Bog*.

2) Основы на -s-

Все существительные, входящие в данный тип склонения, относятся к среднему роду. В исследуемом памятнике употребляются следующие словоформы лексем *dělo*, *lice*, *nebo*, *oko*, *tělo*, *slovo*:

delo – вин. п. ед. ч.: *Tebe poronso... me delo* (I 30);

dele – местн. п. ед. ч.: *comusdo po zuem dele* (III 59);

dela – им. п. мн. ч.: *ese sunt dela Sotonina* (II 19);

dela – вин. п. мн. ч.: *eccę tage dela nasnem delati* (II 42), *Tebe... poruso uza... moia dela* (III 63);

del – род. п. мн. ч.: *ozstanem zich mirzcih del* (II 19), *Nizce teh del mirze ne pred bosima ozima* (II 26), *uzeh nepraudnih del* (III 28);

delom – дат. п. мн. ч.: *Iaz ze zaglagolo Zlodeiu, i uzem iego delom* (III 3);

deli – твор. п. мн. ч.: *Temi, temi ti ze deli Bogu briplisaze* (II 57);

liza – вин. п. мн. ч.: *ese bese priuuae zlouezi u liza tazie, acose i mui gezim* (II 31), *egose ne mosem nikimse liza ni ucriti* (II 69);

nebo – вин. п. ед. ч.: *ise z<t>uori nebo i zemlo* (III 10);

nebeze – род. п. ед. ч.: *Bose, Ti pride ze nebeze* (I 27);

osima – твор. п. дв. ч.: *i gest ze pred bosima osima vzacomu zuoimi vzti i zuoim glagolom izbovuedati* (II 76), *nu ge pred bosima osima stati* (II 86), *da bim... pred Tu<o>ima osima ztoial* (III 55);

ozima – твор. п. дв. ч.: *nizce teh del mirze ne pred bosima ozima* (II 27);

telo – вин. п. ед. ч.: *Tebe poronso me telo* (I 29), *Tebe, Bose miloztivui, poruso... i moie telo* (III 65);

teleze – род. п. ед. ч.: *ni slzna teleze imoki* (II 6);

telez – род. п. мн. ч.: *o zcepasgenige telez nasich* (II 40), *ise gest bali telez nassih* (II 90);

zloueza – вин. п. мн. ч.: *glagolite po naz redka zloueza* (I 1), *Tebe poronso... i moia zloueza* (I 30);

zlouuez<a> – вин. п. мн. ч.: *Tebe, Bose miloztivui, poruso uza moia zlouuez<a>* (III 62).

3) Основы на -ŭ-

Из существительных женского рода с основой на -ŭ- в ФО встречается только одна словоформа лексемы *сръку*:

circu|vah – местн. п. мн. ч.: *u circuvah ich clanam ze* (II 35–36).

На основе приведенных словоформ, которые включают в себя все существительные с консонантной основой в ФО, можно подвести следующие итоги.

- 1) В памятнике встречаются существительные с основой на *-n-* (мужского и среднего рода), с основой на *-s-* (среднего рода) и с основой на *-ŭ-* (женского рода), в то время как отсутствуют существительные с основой на *-t-* и на *-r-*.
- 2) Существительное *dělo* перешло в парадигму основ на *-ǫ-*, а *lice* – в парадигму основ на *-jǫ-*. Поскольку формы, как род. п. ед. ч. *dělese* (Супр. 344,11; 365,19; 394,18), *ličese* (Супр. 335,14), твор. п. ед. ч. *dělesemь* (Супр. 333,2; 343,17; 358,5), род.-местн. п. дв. ч. *dělesu* (Супр. 511,18), им.-вин. п. мн. ч. *dělesa* (Супр. 325,18; 343,16; 344,1; 413,22), *ličesa* (Супр. 397,18), род. п. мн. ч. *dělesь* (Син. треб. 89а,17, Супр. 317,27; 367,6; 413,3), дат. п. мн. ч. *dělesemь* (Син. треб. 60а,18, Супр. 337,30; 406,20; 501,29), твор. п. мн. ч. *dělesy* (Супр. 305,16.21; 336,3; 362,20; 412,20; 414,9; 508,20; 543,26) и местн. п. мн. ч. *dělesexь* (Супр. 418,17), являются очень редкими и встречаются только в Супрасльском сборнике и Синайском требнике (наряду с более распространенными флексиями из основ на *-ǫ-*, *-jǫ-*), а в остальных старославянских памятниках выступают исключительно с окончаниями основ на *-ǫ-*, *-jǫ-*, словоформы в ФО не противоречат архаичности языка данного памятника (Diels 1932: 169–171).
- 3) Словоформа *circuvah* свидетельствует о том, что существительные с основой на *-ŭ-* очень рано заимствовали окончания основ на *-ā-* в дат. (твор.) и местн. п. мн. ч. (Примеров на твор. п. мн. ч. нет.) Окончания *-amь* и *-axь* являются исключительными во всех памятниках старославянского языка.
- 4) На основе словоформ род. п. ед. ч. *dine* (III 39, III 41), *nebeze* (I 27) и *teleze* (II 6) можно сделать вывод, что в данной морфологической категории в ФО употребляется только исконное окончание консонантных основ *-e*, в отличие даже от самых древних глаголических и кириллических памятников старославянской письменности, в которых нередко выступает и окончание *-i*, взятое из парадигмы основ на *-ī-*.
- 5) Подобное заключение можно было бы сделать и относительно флексии местн. п. ед. ч. *-e*, но к сожалению она употребляется лишь в одной словоформе: *dine* (III 54).

- 6) Вопреки неточности передачи славянского текста с помощью латинского алфавита с уверенностью можем установить, что отклонений от морфологической нормы старославянского языка в употреблении существительных с консонантной основой в ФО нет.

В заключение приведем еще одну интересную лексему из третьего фрейзингского отрывка. Наречие *lubmi* ('добровольно') кроме ФО не встречается ни в одном старославянском памятнике, таким образом оно представляет собой т.н. гапакс легоменон: *ese iezem uuede ztuoril ili ne uuede, nudmi ili lubmi* (III 32). Что касается другого наречия приведенного контекста, *nudmi* ('на-сильно') и его варианты употребляются и в других старых славянских памятниках: *nqđmi* встречается в Синайском требнике (102b,3), *nudъta* в Супрасльском сборнике (365,14sq), а *nudъmi* и *nqđъta* – в более поздних памятниках (Slovnik 1972: 454). Оба наречия по форме являются производными наречиями с окончанием творительного падежа множественного числа основ на -ĭ-. Флексия тв. п. мн. или дв. ч. в старославянском языке могла образовывать наречия от местоимений, прилагательных, существительных и глаголов (Aitzetmüller 1978: 147). Таким способом образовались и следующие старославянские наречия: *kolъmi*, *tolъmi*, *velъmi*, *boĭъmi*, *boĭъta*, *radъta*, *poĭъta*, *jelъta*, *dělъta*, *tolъta*, *bъxъta*, *тъкъta*.

На первый взгляд может показаться, что *lubmi* (= *ľubъmi*) образовано от существительного с основой на -ĭ- *ľuby*. Теоретически это вполне возможно, ведь существительные данного типа склонения в некоторых падежах рано и часто выступают с окончаниями основ на -ĭ-, напр. род. и местн. п. ед. ч. *сръкъvi* вместо первоначального *сръкъve*. Однако в дат. и местн. п. мн. ч. встречаются только формы с окончаниями из основ на -ā-: *-amъ* и *-axъ*. Хотя примеров на тв. п. мн. ч. в данной парадигме нет, здесь с полной правдой можно предполагать *-ami*. Кроме того, за исключением им. и вин. п. ед. ч., во всех категориях перед окончанием выступает -ъv- (разновидность основы -ĭ-). Таким образом рассматриваемое наречие употреблялось бы в форме **ľubъvami*, а не *ľubъmi*. Другое наречие *nudmi* образовано от глагольной основы *nud-* (*nqđ-*), поскольку именная основа была *nužd-* (*nqžd-*), ср. *nuditi* (*nqđiti*), но *nužda* (*nqžda*) и *nuždъnъ* (*nqždъnъ*). Словоформа *lubmi* следовательно образована не от именной, а от глагольной (или адъективной) основы *ľub-*, ср. *ľubiti* и *ľubъ* ('приятный').

ЛИТЕРАТУРА

- Балаж, Г. 2002, Существительные с основой на согласный в Будапештском евангелии. В кн.: *Cirill és Metód példáját követve... Tanulmányok H. Tóth Imre 70. születésnapjára*. Szeged, 17–22.
- Балаж, Г. 2004, Особенности консонантного склонения в Изборнике Святослава 1073 г. В кн.: *Преславска книжовна школа 7*. Шумен, 73–80.
- Aitzetmüller, R. 1978, *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*. Freiburg.
- Brižinski spomeniki 1993. Znanstvenokritična izdaja. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Ljubljana.
- Diels, P. 1932, *Altkirchenslavische Grammatik*. Heidelberg.
- Hujer, O. 1910, *Slovanská deklinace jmenná*. Praha.
- Ramovš, F. 1952, *Morfologija slovenskega jezika*. Ljubljana.
- Vaillant, A. 1958, *Grammaire comparée des langues slaves. Tome II. Première partie: Flexion nominale*. Lyon–Paris.
- Slovník jazyka staroslověnského* 22, 1972. Praha.

О СЛАВЯНСКИХ СЛОВАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ВОДЯНОЙ ПУЗЫРЬ'

Андрей Бояджиев

(Софийски университет "Св. Климент Охридски", Катедра по кирилометодиевистика
1504 София, бул. "Цар Освободител" 15, България)

Составители данного словаря-индекса идеальным словарем древнеболгарского языка считают такой словарь, в котором был бы представлен полный словарный состав всех памятников древнеболгарского языка. (Тот 1989: I)

Существуют древние тексты, которые сразу привлекают внимание исследователя своим языком и поэтикой. Историческая лингвистика славянских языков не успела пока проанализировать все те тексты, которые несут важную информацию для реконструкции грамматической или лексической системы славянских языков. Причин этому много: неоконченная работа по текстологии отдельных списков произведений, особый акцент на правописание и палеографию древних рукописей за счет проблем композиции и поэтики текста и т.д.

Пандекты монаха Антиоха в средневековой славянской письменности – пример текста, который вызывает интерес не только с точки зрения литературоведа, но и с точки зрения лингвиста. По сравнению с другими текстами древнейшей поры славянской письменности Пандекты Антиоха один из первых по количеству редких и уникальных слов. Если писать историческую лексикологию славянских языков, то в ней это произведение должно найти свое достойное место. Почти в каждом из 130 слов Пандектов можно увидеть примеры необычных слов. Здесь приведем пример только одного из них.

В Слове 43 текста (Воскр. 30,¹ f. 98v6) встречается следующий пример: *накоже гворьци прѣсѣдажше погзыбажть. тако величавааго памѣ, что соответствует греческому тексту из MPG (89: 1572AB): ὁσπερ πομφόλυξ ραγὶς ἀφανίζεται οὕτως μνήμη ὑπερφάνου ὥλλυται. Эта часть – цитата из слова Евагрия Понтийского (MPG 40: 1260–1261). Пример впервые стал известен из словаря Пандектов архим. Амфилохия (1880: 31), а затем вошел в словарь Срезневского (1893–1912: I, 512) и в часть других славянских исторических словарей. Более употребительна в славянских текстах другая форма того же корня – *гворь*. Она появляется в том же значении в Прологе² (Срезневский 1893–1912: I, 512; Аванесов 1989: 317), в сборнике Пчела³ (Срезневский 1893–1912: I, 512; Бархуда-*

¹ См. Сокращения в конце статьи.

² Напр. в Юрьевском прологе сентябрьской половины года, XIV в., РГАДА, ф. 381, № 153, f. 223г.

³ Напр. Пчела XIV–XV вв., РНБ, Ф. п. I. 44 ff. 75, 122. Изд. Семенов 1893.

ров 1977: 15–16; Аванесов 1989: 317), в Палее⁴ (Срезневский 1893–1912: I, 512; Аванесов 1989: 317) и др.

Судя по примерам из Шестоднева, слово было характерно для текстов Иоанна Экзарха: дъждєвѣнѣа гворѣ (64a), капламъ бо паданѣштамъ на водѣ гворѣ възходатъ (63d–64a), видатъ дождєвѣнѣа к апла и водѣнѣа гворѣ акъи клобоучѣа възанѣшта (63d) (Moszyński 1991: 61; ср. Бархударов 1977: 15–16; Aitzetmüller 1958: I, 230).

У корня *гвор-* в славянских рукописных текстах можно найти несколько словообразовательных вариантов. Кроме *гворѣ* можно встретить также форму *гворь* в Прологах (Аванесов 1989: 317), осознанную как слово по *i*-основам, и форму *гворькъ* в позднем (XVI века) списке Толкований на Псалтырь Василия Великого (Срезневский 1893–1912: I, 512).

Засвидетельствован только один случай употребления прилагательного от корня *гвор-* во всей средневековой традиции и он встречается в переводе Хроники Георгия Амартола:⁵ н полати възпрѣнаа стѣнѣ вса н помостъ. сътворенъ пакъи дъскъи златъи ... н сребренъимъ гводъи гворатъимъ .д. мн прѣгвоздн (Срезневский 1893–1912: I, 512; Аванесов 1989: 316). Здесь выражение означает 'гвоздь с выпуклой шляпкой' (Аванесов 1989: 316), хотя в греч. подлиннике соответствующее место отсутствует (Срезневский 1893–1912: I, 512).

Во всех случаях общее значение слова *гворѣ* и его вариантов одинаково: 'водяной (дождевой) пузырь, πομφόλυξ, bulla aquae'. Значение прилагательного *гворатъин* также происходит из характеристики пузыря – его выпуклости, круглости.

Слово *гвор* и однокоренные ему слова были понятны болгарским книжникам на протяжении нескольких веков. Об этом свидетельствуют и примеры поздней замены этого слова словом *пѣна*. Приведем лишь один пример. В XVII в. в Тихонравовском дамаскине⁶ встречается следующее выражение: н пак се вднѣа като пѣна, а като искра згасне (Демина 1971: 240, f. 215v). Этому месту в древнейшем переводе по списку XII в. соответствует *нако гворѣ надъзываетъ са. и тако искра оугасаетъ* (Златоструй XII в., л. 120r).⁷

Слова *гворѣ*, *гворьѣ* и *гворатъин* по всей вероятности были характерны для древнеболгарского, хотя и сохранились только в списках древнерусского и древнесербского происхождения. На это указывают текстологические критерии выявления истории списков. Шестоднев Иоанна Экзарха, Златоуст, Хронику Георгия Амартола, Пандекты Антиоха можно с большой долей уверенности считать возникшими в древнеболг. периоде конца IX – конца X вв. (Popovski

⁴ Напр. Палей толковая 1406 г. РГБ, Тр.-Серг. Лавра, № 38, f. 21a. Изд. Палей толковая 1892–1896.

⁵ Георгий Амартол, РГБ, Фунд. 100 от XII–XIII вв. ff. 90r–v. Изд. Истрин 1920.

⁶ Слово "О душевном покаянии" Иоанна Златоуста.

⁷ Спасибо Т. Георгиевой, которая предоставила мне этот пример.

1989b; Иванова 1992: 178; Николова 1992: 499–500). Одна из задач славянской исторической лексикологии – восстановление утраченных слов, не засвидетельствованных самыми ранними списками (ср. напр. Цейтлин 1977: 68; Тот 1989: I–II; Давидов 1996: 22).

Еще Потебня (1880: 164) предложил связать корень слова с сербохорв. *гура* 'горб', *гурав* 'горбатый', рус. *гурия*, болг. *гура*. С этим мнением согласны большинство исследователей (см. напр. Трубачев 1980: 184; Bezlaĵ 1976: 162; Куркина 1973: 66–67; Петлева 1975: 47–49) и далее связывают с чередованием индоевр. корня **geu-r-/*gou-r-* (Куркина 1973; ср. Pokorny 1959: I, 393, 403). Фасмер (1986–1987: I, 399, 408) сомневается в этой этимологии, но не предлагает свою. Из современных славянских языков исследователи приводят рус. *говор* 'пузырь на воде' (Филин 1970: 255), серб. *гвориш* 'вид ободка с основой для фески' (Петлева 1975: 47–49; ср. Skok 1971: 642). Сомнительна связь со словенским *gôr* 'kup gnoja', а также неясна связь со словенскими *gorjača*, *garjača* 'узловатая, суковая палка, дубинка', вопреки Безлаю (Bezlaĵ 1976: 162).

В современных болгарских говорах слово *говор* не засвидетельствовано. Сохранился однако глагол *гварам* со значением 'толкать в воду, намочить; месить грязь', который по всей вероятности одного корня с существительным (Георгиев 1971: 234).

То, что слово *говор* в болг. говорах не сохранилось, можно объяснить двумя причинами: генерализацией значения слова *мехур* 'пузырь' и развитием аналогичного значения ('водяной пузырь') в других корнях. Особо следует отметить среди последних существительные с основой *кл(')а/о(м)б-*. Все они встречаются на территории Зап. Болгарии (за одним исключением), хотя и обладают разными суффиксами (ср. Илчев 1962: 193; Божкова 1962: 251; Гълъбов 1965: 85).⁸ Н. Геров (1897: 367) привел значение корня в современном болг. языке таким образом: "Клámбук, с. м. клубук, мехурчета, что излизат над водата, кога се пустне нешто в нея. кламбúчец, ум. ср. малък кламбук".

Эти примеры из болгарских диалектов заставляют нас снова вернуться к примеру из Шестоднева Иоанна Экзарха кельма же и сами видатъ дождевънзиа капла и водънзиа гворзи акзи кловоуъще взываѣште подобнзи къ небесн. едннзи и многзи. Греческий текст не совсем соответствует славянскому. В нем отсутствует параллель славянскому акзи кловоуъще, что привело к изменению смысла всего пассажа: εἴπερ ὁρῶντες πομφόλυγας διὰ τῆς ὁμοίας αἰτίας γινόμενας μίαν τε καὶ πολλὰς, εἶτα ἀμφιβάλλουσι περὶ οὐρανὸν πλείονων. В других случаях появления слова *гворз* в тексте вообще отсутствуют греч. соответствия, так как он представляет собой переработку и расширение греч. оригинала (Aitzetmüller 1960: II, 230). Любопытно здесь то, что *гворз* сравнивается и поясняется словом *кловоуъще*, которое по всей вероятности одного

⁸ Материал из архива АДССУ. Приношу свою благодарность Вл. Жобову и Г. Колеву за их помощь в предоставлении материала из архива.

корня с вышеупомянутыми данными современных болг. говоров. То, о чем можно здесь спорить, это существовало ли у этого слова значение 'пузырь' еще с древнейшей поры славянской письменности. В Изборнике 1073 г. оно означает 'шапка' и это значение связывается с тюркским заимствованием в слав. языках *kalpak* (Фасмер 1986–1987: II, 252; Ślawski 1952–1969: 2, 258; Георгиев 1979: 462): на главѣ ношааше, рекъше клобоуѣць, тиароу и дъштицъ жлатоу (Динеков 1991: 497, f. 152a, 11–12; ср. Динеков 1993: 78). В этом же значении ('шапка, тиара, митра' и вообще 'головной убор') клобоуѣць и клобоуѣць засвидетельствованы еще в Успенском сб. XII–XIII в. (Повесть о св. Авраамии, Сказание о святых Борисе и Глебе), в Александрии (Филин 1980: 175–176). Не является ли однако связь с тюркским *kalpak* более поздней? Славски (Ślawski 1952–1969: 2, 258) считает, что значения 'водяной пузырь, шум от воды, опухоль' и 'шапка' происходят от тюркского корня. Авторы этимологического словаря древнеболг. языка приводят значение слова *klobukъ* как 'rokъvka hlavy; Kopfbedeckung' и согласны с мнением Славского (Havlová-Erhart 1996: 320–321; ср. Miklosich 1866: 120; Горяев 1896: 151; Трубачев 1983: 62), а слово *klobъкъ* (один пример из Бесед на евангелие папы Григория Великого) в значении 'kamének, kamenná kostka; Steinwürfel' связывают с общеслав. **klobъ*, **klъbъ* (Havlová-Erhart 1996: 323). По мнению авторов Болгарского этимологического словаря *клѡбук* в значении 'опухоль' имеет связь со словом *кълбо*, древнеболг. *кълво*, а *клѡбук* в значении 'водяной, дождевой пузырь' имеет звукоподражательное происхождение (Георгиев 1979: 461–462). Вряд ли однако можно считать, что эти два слова разного происхождения.

Интересно то, что само слово клобоуѣць в примере из Шестоднева и водънѣи гворѣи акѣи клобоуѣць бѣваѣшѣ в традиции этого текста не осталось без изменения. В двух поздних списках XV и XVII вв. (№ 55 и № 58 Московской Синодальной библиотеки) сравнение было заменено на ѡко и пѣгвѣнѣцъ (Aizetmüller 1960: II, 230). Слово пѣгвѣнѣца, как и сам пример, не вошли в исторические словари славянских языков, хотя корень слова открывается в источнике XIV в. Существительные этого корня, кроме значения 'кружок, шарик, пуговица', встречались еще и в значении 'капля, брызг'. Срезневский (1893–1912: II, 1723) приводит следующий пример последнего значения из Жития Феодора Сикеот в Четых минеях на апрель: дѣйствиѡмъ же божествѣнѣимъ. акѣи пѣгви створиши са надъ мѡромъ. голѣмъ окропи оуи его.

Слова с корнем пѣг- свидетельствуют о старой принадлежности к ѣ-основе, чем и объясняется появление согласной в в косвенных формах существительного и в словообразовании прилагательных (Бернштейн 1974).⁹ Единственные засвидетельствованные следы его употребления в древне- или среднеболгарском, знакомые до сих пор исследователям, кроме упомянутого, это позд-

⁹ Ср. формы им. п. пѣгѣва, пѣгѣа, пѣгѣвица, пѣгвица, пѣгѣвичѣи 'шарообразный' в словаре Срезневского (1893–1912: II, 1723).

ние списки (с XIV в.) ветхозаветных книги Исход и книги Иеремии (Срезневский 1893–1912: II, 1723). В современных болг. диалектах слова с этим корнем не были найдены. Можно предположить, что слова с корнем пжг- были вытеснены в своем основном значении от слов тюркского (*копче*) или персидского (*пул*) происхождения. Во всяком случае в лексикографических источниках и в диалектных архивах болг. языка слов с этим корнем не удалось обнаружить.

Можно, однако, предполагать, что в древнеболгарском существовало несколько слов со значением 'водяной (дождевой) пузырь; шарик': гворъз — гворъць, клобоуцьз — клобоуцьць. Слова пжгъз, пжгвнъца, пжгвнънца засвидетельствованы гораздо позже.

СОКРАЩЕНИЯ И ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- АДССУ — Картотека Архива Идеографического словаря болгарских говоров Софийского университета им. св. Климента Охридского.
- Аванесов, Р.И. (гл. ред.) 1989, *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. II. Москва: Русский язык.
- Амфилохий, архим. 1880, *Словарь из Пандектов Антиоха Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки*. Москва.
- Бархударов, С.Г. (ред.) 1977, *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 4. Москва: Наука.
- Бернштейн, С.Б. 1974, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, т. 2. Москва: Академия наук СССР.
- Божкова, Зл. 1962, Принос към речника на софийския говор. *Българска диалектология. Проучвания и материали*. Кн. 1. София: БАН, 241–273.
- Воскр. 30 — Издание текста по списку ГИМ, Воскр. 30 (древнерусская рукопись XI века) осуществлено Поповским (см. Popovski 1989a).
- Георгиев, Вл. (ред.) 1971, *Български етимологически речник*, т. 1. София: БАН.
- Георгиев, Вл. (ред.) 1979, *Български етимологически речник*, т. 2. София: БАН.
- Геров, Н. 1897, *Речник на българския език*. Пловдив. (Цит. по фототип. изданию: София: Български писател, 1976).
- ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
- Горяев, Н.В. 1896, *Сравнительный этимологический словарь русского языка*. Тифлис.
- Гълъбов, Л. 1965, Говорът на с. Доброславци, Софийско. *Българска диалектология. Проучвания и материали*. Кн. 2. София: БАН, 3–118.
- Давидов, А. 1996, *Старобългарска лексикология*. Велико Търново: Унив. издателство.
- Демина, Е.И. 1971, *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст*. София: БАН.
- Динеков, П. (общ. ред.) 1991, *Симеонов сборник*, т. 1. *Исследования и текст*. София.
- Динеков, П. (общ. ред.) 1993, *Симеонов сборник*, т. 3. *Речник-индекс*. София.
- Иванова, Кл. 1992, Златоструй. В: *Старобългарска литература. Енциклопедичен речник*. Съставител Донка Петканова. София: П. Берон, 178.
- Илчев, Ст. 1962, Към ботевградската лексика. *Българска диалектология. Проучвания и материали*. Кн. 1. София: БАН, 183–205.
- Истрин, В.М. 1920, *Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе*, т. I. Текст. Петроград.

- Куркина, Л.В. 1973, К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -и. *Этимология*, 1971. Москва: Наука, 58–79.
- Николова, Св. 1992, Хроника на Георги Амартол. В: *Старобългарска литература. Енциклопедичен речник*. Составител Донка Петканова. София: П. Берон, 499–500.
- Палея токовая 1892–1896 – *Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н.С. Тихонравова*, вып. I–II. Москва, 1892–1896.
- Петлева, И.П. 1975, Этимологические заметки по славянской лексике III. *Этимология*, 1973. Москва: Наука, 44–54.
- Потебня, А. 1880, Заметки этимологические и о народной поэзии. *Русский филологический вестник* 3, 91–114, 161–196.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Москва.
- РГБ – Российская государственная библиотека. Москва.
- РНБ – Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.
- Семенов, В. 1893, Древнерусская Пчела по пергаменному списку. *Сборник ОРЯС* LIV. Санкт-Петербург.
- Срезневский, И.И. 1893–1912, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 1–4. Санкт-Петербург.
- Тот, И. Х. 1989, Предисловие. В кн.: *Словарь-индекс русской редакции древнеболгарского языка конца XI–начала XII в.* Редактор И. Х. Тот. Том I. Szeged, I–V.
- Трубачев, О.Н. (ред.) 1980, *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский фонд*, вып. 7. Москва: Наука.
- Трубачев, О.Н. (ред.) 1983, *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 10. Москва: Наука.
- Фасмер, М. 1986–1987, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4. Издание второе, стереотипное. Москва: Прогресс.
- Филин, Ф.П. (ред.) 1970, *Словарь русских народных говоров*, вып. 6. Ленинград: Наука.
- Филин, Ф.П. (гл. ред.) 1980, *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 7. Москва: Наука.
- Цейтлин, Р.М. 1977, О старославянских словах, которых нет в рукописях старославянского языка. *Этимология*, 1975. Москва: Наука, 68–76.
- Aitzetmüller R. 1958–1975, *Das Hexaemeron des Exarchen Johannes I–VII*. Graz.
- Bezljaj, Fr. 1976, *Etimološki slovar slovenskega jezika, prva knjiga (A–J)*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Havlová, E. – Erhart, A. 1996, *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 6. Praha: Academia.
- Miklosich, F. 1886, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien.
- Moszyński, L. 1991, Słownictwo wodne w "Szestodniewie" Jana Egzarchy Bułgarskiego. *Gdańskie Studia Językoznawcze* V, 59–69.
- MPG 40 – Migne, J.-P., *Patrologia cursus completus. Series Graeca. Euagrius Ponticus. Rerum monachalium rationes. T. 40*. Paris, 1863, 1251–1264.
- MPG 89 – Migne, J.-P., *Patrologia cursus completus. Series Graeca. Antiochus. Pandectes Scripturae divinis. T. 89*. Paris, 1860, 1419–1856.
- Pokorny, J. 1959, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* 1–2. Bern.
- Popovski, J. 1989a, The Pandects of Antiochus. *Slavic Text in Transcription. Polata knigopisnaja* 23–24.
- Popovski, J. 1989b, *Die Pandekten des Antiochus Monachus*. Amsterdam–Nijmegen.
- Skok, P. 1971, *Etimološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1. Zagreb.
- Sławski, F. 1952–1969, *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.

ZPŮSOBY OSLOVOVÁNÍ V ČESKU A MAĎARSKU

Jitka Dršatová – Marta Dršatová

(Katedra českého jazyka na Pedagogické fakultě Univerzity Hradec Králové
Rokytanského 62, 500 03 Hradec Králové, ČR
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H–6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Motto:

Přesto přese všechno je tu hodně, co by se dalo závidět... jak si vykají a jak si říkají pane, pane Menzele, pane Hrabale. U nás je to nepředstavitelné. Když už na to občas jednou přijde, zní to tak stylizovaně, tak osobně, že se z toho nedá nic obecnějšího vyvodit. Čeští občané – tam to je vidět... (P. Esterházy 2003: 12)

1. Úvod

V posledních letech se na poli srovnávací lingvistiky objevily studie porovnávací jazykový materiál středoevropského teritoria. Patří sem například práce brněnských a vídeňských slavistů zabývajících se areálovým studiem bývalé habsburské monarchie (Pospíšil–Moser 2004) a také výzkumný projekt královéhradeckých češtinářů (J. Dršatová – A. Louženská, *Výuka komunikační strategie – oslovení*. Grant FRVŠ MŠMT ČR 2000–606, viz Dršatová 1999, Dršatová–Louženská–Zdráhalová 2001) zaměřený na zkoumání oslovení v češtině, polštině a němčině. Jako dodatek k tomuto druhému projektu bychom rádi připojili několik poznámek o oslovení v jazyce maďarském.

Oslovení je jazykový prostředek, který vyjadřuje různé vztahy nejen mezi konkrétními komunikanty, ale odráží situaci v celém národním společenství, neboť ve způsobech oslovení se projevují aktuální i historické společenské vztahy. Slouží k navázání kontaktu (podobně jako pozdravy). Tato funkce není jediná. Mluvčí volí oslovení s jistým pragmatickým záměrem a očekává adekvátní reakci adresáta. Způsobem oslovení mluvčí vyjadřuje míru distance, moci, respektu nebo naopak vstřícnost k oslovovanému, vztah soudržnosti. Způsobem oslovení se realizuje společenská etiketa a jazyková zdvořilost. Oslovení tedy obsahuje bohatě strukturované konotace prozrazující vzájemný vztah komunikantů (generační, sociální, osobní) a je výrazným sociolingvistickým prvkem. Výběr oslovení tak determinují vedle sémantických a formálních také mnohé pragmatické faktory.

2. Oslovení z hlediska jazykových možností

2.1 Gramatické prostředky

V obou jazycích existuje pro oslovení možnost užití **zájmena** pro 2. os. sg. *ty, te* a shodně se toto zájmeno užívá při vytýkání, tj. zdůrazňování nebo vyčleňování (*Hej, ty tam! – Hé, te!*). Může také vyjadřovat negativní postoj mluvčího k oslovované osobě, nejčastěji doplňuje nadávku (*ty vole – te tökfejű*).

Při neutrálním vyjádření zdvořilosti se oba jazyky použití zájmen vyhýbají.

Zdvořilost a společenská distance k oslovovanému se v češtině vyjadřuje tvarem 2. os. pl. osobního zájmena (*Vy*) – vykáním.

V maďarštině existují dvě možnosti použití zájmen ve významu českého vykání, v každém případě ve spojení se slovesem ve tvaru 3. os. sg: osobní zájmeno *ön* je velmi formální a může se použít v oficiálních situacích. Zájmenné oslovení *maga* se užívá v asymetrickém vztahu a užívá se v méně oficiálním prostředí.

Pojem *vykání* (maď. *magázás*) budeme nadále užívat pro maďarštinu i češtinu jako společný pojem pro vyjádření zdvořilosti a společenské distance.

Nejstarším osobním deiktikem je v obou jazycích **slovesný tvar** pro 2. osobu singuláru, který je používán při tykání.

Zdvořilost se vyjadřuje v češtině tvarem 2. osoby plurálu, v maďarštině tvarem slovesa ve 3. osobě singuláru.

Z dalších prostředků maďarštiny je zajímavý tvar 3. os. sg. slovesa *tetszik*, které má v tomto významu neúplné paradigma (*ráčíte*, v češtině již nepoužívané) – mohou je užit muži a děti k vyjádření uctivé zdvořilosti k ženám nebo starším osobám.

Čeština si uchovala specifický **tvar substantiva** pro oslovení – vokativ. Zřetelná je tendence pro užití nominativu, ten však lze použít jen u některých pojmenování a ve specifických situacích, užití nominativu při oslovení je zatím nespisovné.

Maďarština používá pro oslovení nominativ. Má ovšem také prostředky, které signalizují rozdíl mezi nominativním a vokativním použitím slova: příkladem je dětské oslovení rodiče *anyu/ci, apu/ci* (*mami, tati*) a také použití posesivní přípony *-ám/-ém* při důvěrném oslovení v rodině (*Mártikám, Tibikém – milá Martičko, milý Tibi*). Zvláštním případem je použití tohoto prostředku ve veřejné, nesoukromé sféře: například tvar *uram* (*pane*) odvozený od *úr* (*pán*) je používán v ironickém významu: *Milý pane, tohle příště nedělejte*.

2.2 Lexikální prostředky

Na oslovovaného se mluvčí může obracet různými substantivními lexémy.

Oslovování **křestním jménem** (*Marto – Márta*; hypokoristikem *Marti, Márti*,¹ deminutivem *Martičko – Mártikám*), ať spojené s tykáním nebo vykáním, je vyhrazeno jen pro vyjádření přátelských vztahů nebo vyjádření věkové distance směrem dolů. Je běžné také v kolektivech, kde je nutná úzká spolupráce. Vztahy společenské symetrie a asymetrie jsou pak rozlišeny tykáním nebo vykáním.

V Česku je použití pouhého **příjmení** bez průvodního apelativa (*Dvořáková*) provázeno silným negativním expresivním nábojem. V Maďarsku je takové oslovení (*Szabó*) bez konotací možné jen namísto přezdívky.

Češi používají hojně a většinou závazně při oslovení různá **apelativa** (obecné, nejběžnější oslovení *pane, paní*, ale také *mladá paní, slečno, kolegyně, člověče, příteli* aj.).

Maďarština apelativa má, mluvčí jich však tak běžně a s takovou četností neužívají. Slovo *úr, uram (pane)* lze běžně pro oslovení použít, vyskytuje se v korespondenci, v mluvené řeči spíše při formalizovaných příležitostech. Podobně je tomu s užitím titulu (specifického apelativa zpravidla před *propriem*, ale i místo *propria*), kterým se vyjadřuje úcta a zdvořilost.

3. Oslovení z hlediska situace

V pojetí pragmatické lingvistiky můžeme u oslovení uvažovat o sociální deixi, tzn. že z formy oslovení můžeme usuzovat na proměnu partnerské úcty v rámci komunikační časoprostorové strategie.

Vycházíme z třídění J. Mistríka (1984), který rozdělil oslovení do tří základních kategorií na oficiální, polooficiální a neoficiální. Dále jsme přihlížely k prostředí a citové příznakovosti oslovení.

3.1. Oficiální oslovení

Má ráz protokolární – oslovení bývají buď předepsaná, nebo konvenční. Předpokládá se zdvořilost a distanční, neosobní vztah mezi mluvčím a posluchačem, ať už se znají nebo ne. Komunikačním záměrem je neutrální vyjádření úcty, respektu. Předpokládají se formální vztahy, sociální odstup a společenská symetrie. V českém prostředí mluvčí v takové situaci vždy vyká a použije dvou až tříčlenné oslovení ve vokativu (*paní ministryně Svobodová, paní poslankyně, pane Sobotko*). Titulování je nezbytné. Pokud u oslovovaného nelze užít profesní titul, obecné

¹ Na tomto místě je zajímavé srovnání se slovenštinou, ve které jsou jinak způsoby oslovování velmi podobné s češtinou. Vokativ je ve slovenštině chápán jako reliktní tvar a zbytky vokativních tvarů se soustředily do familiární mluvy (*ocko*). Ve slovenštině se používá ustrnulý tvar domáckých podob jmen (*Feri, Peti, oci, Marti, Jani*). Podle Slančové a Sokolové (1998) se absence gramatických vokativů kompenzuje těmito hypokoristickými formami. Koncovku – i považují za vokativní exponent.

oslovení (*pane Nováku*) bývá pravidelně doplňováno různými zdvořilostními adjektivy (*vážený pane Nováku, vážený pane, ale také vážená paní doktorko* apod.).

V maďarštině se při oficiálních osloveních používá pro vyjádření zdvořilosti zájmeno *ön* a tvar slovesa pro 3. os. sg., oslovení (titulování, použití apelativa, zdvořilostních adjektiv) je tu shodné s jazykovou praxí češtiny. Problém nastává při oslovení ženy. V maďarštině totiž není slovo odpovídající českému apelativu *paní*.

Způsob oslovení se však liší podle prostředí a situace:

Na veřejném setkání mluvčí použije vždy vykání a trojčlenné oslovení s profesním titulem (*pane doktore Dvořáku*) nebo dvoučlenné obecné oslovení (*pane poslanče*). Maďarština v těchto případech používá častěji zdvořilostních adjektiv v kombinaci s titulem (*tisztelt miniszterelnök úr – vážený pane premiére*), kombinace apelativa s *propriem* (*Szabó úr – pane Szabó*) se téměř neužívá, u žen takové oslovení vůbec neexistuje. Použije se buď oslovení titulem nebo je spíše snaha se přímému oslovení vyhnout.

Při jednání na úřadech je v češtině povinné vykání a dvoučlenné oslovení ve variantách *pan/paní* a příjmení nebo *pan/paní* a profesní oslovení (*paní Svobodová, paní doktorko, paní vedoucí*). Totéž platí pro oslovování při oficiálních vztazích na pracovišti (*paní sekretářko, paní Bubeníčková*).

Při jednání na úřadech a v podobných situacích Maďaři používají 3. osoby singuláru slovesa (ekvivalentu českého vykání) a u žen se vyhýbají přímému oslovení.

Ve vojenském prostředí (*svobodníku, poručíku, kapitáne, majore* atp.) je povinné titulování v obou jazycích.

Záleží na vztazích společenské nadřazenosti a podřazenosti. Nadřazený podřízeného tituluje jen zřídka, zatímco směrem nahoru je titulování povinné. Používá se *pane* a hodnost *pane majore*. Stejně je tomu i v maďarštině.

3.2. Polooficiální oslovení

Mluvčí a posluchač se více či méně znají, při oslovování se předpokládá vyjádření zdvořilosti s určitou mírou distance, ale mohou mezi nimi existovat vztahy sympatie nebo antipatie a oslovení proto může nabýt expresivního charakteru.

V češtině se používá v takových situacích běžně vykání bez oslovení vlastním jménem. Místo toho se uvede apelativní výraz (*pane, paní, mladá paní, slečno, mladý pane* aj.). Tato substantiva nebo slovní spojení ztrácejí ve funkci oslovení svůj lexikální význam. Titul *pane, paní* ve vícečlenném oslovení (*paní Dvořáková*) je zcela formálním prvkem na úrovni členu (i když z hlediska etikety velmi důležitým). Použití vhodného titulování je otázkou společenské etikety.²

² Velmi problematické je např. běžně užívané oslovení *slečno* nebo oslovení již archaickým *panínko*. Neexistují závazná pravidla etikety při oslovování, jen pokusy o zobecnění subjektivních zkušeností, viz Soukupová (1998).

Na tuto možnost, kterou má čeština pro vyjádření zdvořilého odstupu při polooficiálním komunikačním styku, zřejmě naráží citát v úvodu studie, vybraný z eseje maďarského spisovatele Pétera Esterházyho věnované Jiřímu Menzelovi a úvahám o české povaze. Nutno dodat, že nejde o jev specifický jen pro češtinu, Esterházy sám ostatně hned upozorňuje, že ještě formálnější jsou v tomto ohledu Rakušané.

I v maďarštině výrazy *uram, asszonyom (pan, pani)* existují. Pokud však nejde o velmi formalizovanou příležitost (úřední dopis, mluvený projev v parlamentu) nedají se použít, neboť mají příliš oficiální ráz. Oslovení cizí ženy, neznámé-li její jméno či titul, je v maďarštině problematické. Je zvykem se apelativu vyhnout a zastoupit je pouhým zdvořilostním *prosím Vás, promiňte* atp.

Pro vyjádření odstupu se používá v polooficiálním styku zájmeno *maga* v kombinaci s tvarem slovesa 3. os. sg. Lze je použít jen pro vyjádření odstupu shora dolů – převaha je dána vyšším věkem, formální nadřazeností ženy nad mužem, učitele nad studentem. V posledním případě (učitel oslovující studenty) má užití zájmena vysloveně neutrální, až přátelský ráz.

Na tomto místě je třeba pojednat zvlášť o oslovení *strejdo, teto* – v maďarštině *bácsi, néni*. Ve vesnickém prostředí se v Česku (zvláště na Moravě) tato slova udržela jako obecné apelativum používané místo *pane/paní*, které zní na vesnici příznakově městsky. V tomto obecném apelativním významu slova (*stryčku/teto*) definitivně mizí, společně s rozpadem venkovských komunit. Jejich význam se v češtině zúžil na oslovení příslušníka rodiny nebo případně na dětské oslovení dospělých, kteří jsou považováni za blízké (známí rodičů).

V Maďarsku je naopak, jak už jsme výše zmínili, příznakové oslovení *pane/paní*, a i ve městech se používá v řadě situací právě oslovení *strejdo/teto*. Děti a mladí lidé mohou staršího muže zdvořile oslovit *strejdo Bélo* ve spojení s vykáním (např. tak říkají trenérovi, děti na prvním stupni základní školy svému učiteli). Ostatně samotné slovo *néni/bácsi* je v řadě případů třeba překládat do češtiny jako *pán/paní*. (Například ve větě *V Praze jsem poprvé, ale dostal jsem od rodičů adresu na jednu paní* bude v maďarštině na místě *paní* právě ona *néni (teta)*.) Myslím, že právě případ totožného užití tohoto apelativa v maďarštině a na českém venkově poukazuje na mimojazykové faktory, na prvek venkova, který je přítomen v maďarském jazyce nejširších vrstev.

V Čechách je dáván důraz na titulování **profesním označením**, zvl. u akademických titulů (*pane docente, pane ministře, pane plukovníku, pane doktore, pane inženýre*). Používají se běžně i v neoficiálních komunikátech jako konvenční vyjádření vyšší míry zdvořilosti. S titulováním se běžně setkáváme v rozhovorech, kdy se partneři dialogu blíže neznají, je-li mluvčí v roli žadatele (*pane inženýre, potřebuji radu*), ale i v případech, kdy se partneři znají dobře, avšak vykájí si. Užívání profesního titulu je vždy spojeno s vykáním. Nejmladší generace má tendenci

titulování ignorovat a oslovovat zásadně všeobecným oslovením (*pane, paní*) spojeným s příjmením adresáta a vykáním.

Akademické tituly (*doktore, inženýre, docente, profesore*) se v češtině v ženském rodě přechylují (*doktorko, inženýrko, docentko, profesorko*). Pro přechýlení má prostředky i maďarština, ale přechýlené formy se nepoužívají. V češtině je přechylování povinné, v maďarštině příznakové.

V Maďarsku na univerzitě v symetrickém vztahu převládá spíše tykání, jen zřídka si kolegové vykají. Starší profesor může říci *Milá kolegyně, pane kolego*, naznačuje tím však náklonnost a je to důvěrné oslovení.

V Maďarsku se obecně na titulech nelpí, zvykem je užití titulu u lékaře (*doktor úr*) a částečně i na vysokých školách – záleží ovšem na prostředí jednotlivých fakult.

Titulů se používá podle funkce (*poslanče, vedoucí, tajemníku, předsedo, řediteli*) u osob v důležitém postavení. Vždy je provázeno obecným *pane, paní*: *pane tajemníku, pane poslanče, pane prezidente, pane ministře*. V maďarštině se takového oslovení používá v oficiálním prostředí.

Ve školním prostředí na základním stupni se v Česku oslovuje zásadně *paní učitelko, pane učiteli*. Na střední škole se užívá *pane profesore*. V maďarských školách oslovují děti učitele nebo učitelku *teto učitelko, strejdo učiteli*, od druhého stupně pak *paní učitelko/pane učiteli*. U ostatních profesí se v Česku často, ale nikoliv důsledně, užívá k obecnému *pane/paní* označení povolání (*pane průvodčí, paní prodavačko, paní uklízečko, paní sekretářko*). V Maďarsku se takovýto způsob oslovení nepoužívá.

Negativní postoj lze v obou jazycích vyjádřit intonací, v maďarštině také slovíčkem *már (už)*, například v promluvě *ugyan már (ale prosímte)*.

Tykání ve spojení s příjmením je tak jako v českém prostředí i v Maďarsku v polooficiálním prostředí negativně expresivní. S takovým oslovením se lze setkat ve škole, na vojně nebo ve vězení a má konotaci povýšené nadřazenosti.

Stejně tak tykání s užitím titulu (*doktore, nekecej*) je příznakové, mohou je použít žertovně přátelé, jinak nese zápornou emocionalitu (pohrdání) a není-li tak již zamýšleno mluvčím, je tak vnímáno adresátem. Takto oslovovala inteligenci dělnická třída, především však nevzdělaní jedinci, stavící se do role jejího představitel. Tento způsob oslovování se po r. 1989 rychle vytratil.

V obchodě a při návštěvě řemeslníka se prodavač obrací k zákazníkovi vykáním a apelativním oslovením (*pane/paní*). Ženy bývají často osloveny *mladá paní*, mladé ženy také *slečno*. Titulem *mladá paní* může být oslovena např. v obchodě i evidentní padesátnice. Stejně zvyklosti jsou i při návštěvě řemeslníka v bytě. Za korektní se v takové situaci považuje vykání a oslovení apelativem a příjmením (*paní Dvořáková*). Vůbec se již neužívá oslovení ženy podle povolání manžela (*paní radová*).

V maďarštině je stále běžnější, že si zákazník s prodávacem tykají – pravidlem je to, pokud jde o mladé lidi. Oslovení je v případě vykání i tykání nahrazeno zdvořilostními výrazy (pozdravem, příp. *prosím, co si ráčíte přát/co si přejete, s čím mohu pomoci* atp.)

I v češtině se ve všech podobných situacích dnes rozmáhá vykání bez přímého oslovení.

3.3. Neoficiální oslovení

Neoficiální oslovení jsou vyhrazena společnosti blízkých lidí a prostředí přátelských, sportovních nebo zájmových kolektivů. Komunikanti se chovají uvolněně, často se střídají v promluvách, a proto jsou v řeči adresní. Neformální vztahy mezi lidmi jsou velmi různorodé, jsou ovlivňovány mnoha různými okolnostmi, a proto také oslovení jsou pestrá. V českém i maďarském prostředí platí stejná obecná pravidla pro neoficiální oslovení. Lidé si neformálně tykají (někdy ale i vykají) oslovují se vlastním jménem, různými typy apelativ, nebo oslovení vynechávají.

V užších rodinných, zájmových a pracovních vztazích je typická příznakovost oslovení. Důvěrná oslovení podpořená odpovídající intonací a nonverbálními prostředky mohou vyjadřovat celou škálu postojů (*miláčku* může být láskyplné i ironické). Tykání ve spojení s křestním jménem v deminutivní podobě, užití pozitivního hypokoristika, apelativních deminutiv (*děvenko, chlapče, miláčku* apod.), ale i přezdívky zpravidla vyjadřuje pozitivní a vstřícný postoj mluvčího k adresátovi.

V Čechách je základním vyjádřením zdvořilosti vykání. Tyká se dětem, tykají si mezi sebou mladí lidé a přátelé. Zpravidla čím starší člověk, tím méně tykání. Dospělí lidé se musí na tykání předem dohodnout, jeden z účastníků interakce musí tykání nabídnout a to je zpravidla přijato, neboť je chápáno jako gesto sbližení, přízně, náklonnosti až přátelství. Bez této dohody může oslovený vnímat tykání jako projev hrubosti, arogance a někdy mluvčí také tykání s touto konotací záměrně užije.

V maďarštině je bezpříznakové naopak tykání, vykání se používá s větším důrazem pro vyjádření úcty.

4. Užití oslovení v závislosti na sociálním prostředí

V rámci rodiny se v češtině používá řada typů oslovení v různých variantách podle příbuzenského vztahu komunikantů. Zvolená forma varianty oslovení závisí na celé škále okolností (regionálních a rodinných zvyklostech, konkrétní situaci v níž interakce probíhá, vzájemných osobních vztazích atd.). Kromě různých variant oslovování rodičů (např. *mámo, mamó, mami, maminko, mamko, mamčo* atd.), prarodičů a sourozenců se v češtině užívají opět v různých variantách tituly *teto, strejdo*, užívá se i *švagře, švagrová, tcháne*. Oslovení titulem *tchyně* se nepoužívá. Na českém venkově se říká *panímámo* (tchánovi *pantáto*), obecně se však tchyně nejčastěji oslovují *maminko* nebo *babičko*.

V rodinném prostředí se prosadilo vzájemné tykání, i když v některých rodinách se ještě tradičně vyká. Častěji vyká snacha nebo zeť rodičům partnera, již zřídka vyká tchán nebo tchyně partnerům svých dětí. Na východní Moravě ještě nedávno děti vykaly *stařence* a *staříčkovi* (moravská varianta *babičky* a *dědečka*), vykání rodičům již zřejmě zcela vymizelo. Takovéto vykání má vyjadřovat úctu k oslovované osobě. Pokud si ostatní příbuzní mezi sebou vykaají, znamená to obvykle, že se vzájemně odcizili.

V českém a maďarském prostředí není obecným zvykem, aby mladší členové rodiny říkali příslušníkům starší generace vlastním jménem, i když takovou tendenci pozorujeme. Křestním jménem se např. rozlišují babičky nebo dědečkové (*dědeček Ivan* a *dědeček Pavel*) a děti je potom takto i oslovují (*babičko Alenko – Icu mama*). Vzácně děti oslovují vlastním jménem své rodiče.

V Maďarsku oslovení v rodině prochází podobným vývojem. I zde hraje důležitou roli sledovaná oblast (jinak je tomu v Maďarsku a jinak v odlehlejších částech Sedmihradska). Obecně je maďarština v užití oslovení různého stupně příbuzenstva bohatší (u sourozenců se například rozlišuje nejen pohlaví, ale i to, zda je starší či mladší) a archaičtější (v oslovení lze užít i oslovení *kmotříčku*, *kmotříčko*, zcela však již vymizelo dnes již literární oslovení *kend* (*pane*, *brachu*). Tendence ke zjednodušení je patrně ještě silnější, než v češtině. Mizí nebo již vymizelo vykání, nyní se naopak více než v Čechách tyká. Mizí také příliš obecné oslovení *teto*, *strejdo*. Místo toho maďarské děti oslovují dospělé v rodině vlastními jmény.

V rámci zájmového nebo pracovního kolektivu je v Čechách i v Maďarsku velká škála různých typů oslovení. V úzkém pracovním kolektivu je například možné vyjádřit přátelské vztahy oslovením jako: *főnök* (*šéfe*), *mladej*. Způsoby oslovení úzce souvisejí se slangem. Časté jsou přezdívkové a delexikalizované výrazy s různými konotacemi, u české mládeže se setkáme hojně i s delexikalizovanými oslovením typu: *vole*.

5. Závěr

Česko a Maďarsko jsou si blízké geograficky i kulturně, v několika posledních stoletích měly a dodnes mají podobný osud, ale zároveň se od sebe liší jazykovými i historickými kořeny. Zajímalo nás, jak se tyto shody a rozdíly promítají do stylu komunikace.

Obecně lze shrnout popsany materiál takto. Vedle formálních rozdílů vyplývajících z odlišnosti jazykového materiálu se rýsují některé zobecnitelné rysy. Pro oslovení v prostředí formalizovaném „shora“ mají oba jazyky řadu podobných prostředků k vyjádření potřebné úcty a distance. Vykání v oficiálním a polooficiálním prostředí je v češtině formálně nerozlišeno (používá se stejných jazykových prostředků), maďarština má pro formální prostředí speciální zájmeno *ön* používané jen v nejvyšší stylistické vrstvě jazykové komunikace, pro ostatní případy zájmeno

maga. Vykaní je v maďarštině složitější, rozlišuje se nejen na základě věkové příslušnosti, ale i pohlaví – je vyjadřován společenský rozdíl mezi mluvčím ženou a mužem a také se rozlišuje, zda je oslovena žena či muž. S tím souvisí i to, že maďarština zachovala některá zdvořilostní slova patřící k etiketě, která z češtiny již vymizela (*ráčíte, ruku libám*).

Čeština je naopak lépe vybavena pro oslovení v polooficiálním občanském prostředí. Běžně užívaná apelativa *pane/pani/slečno/mladý pane* umožňují oslovit zdvořile a neutrálně ve veřejném sektoru, aniž by si tím mluvčí zadal. Vedle apelativ užívají Češi hojně titulů, zvláště akademických. Pro maďarštinu je v polooficiálním prostředí příznačná neslučitelnost prvků s původem venkovským s prvky příznačnými pro prostředí vyšších společenských tříd. Základním prostředkem k navázání kontaktu mezi účastníky rozhovoru není v Maďarsku přímé oslovení (souvisí to zřejmě i s prostým faktem, že vykaní probíhá ve třetí osobě). Zřetelně častěji než v češtině se v polooficiální komunikaci užívá tykání.

V neformálním prostředí převládá v obou jazycích tykání ve spojení s křestním jménem event. v hypokoristické nebo diminutivní podobě.

V maďarštině lze narozdíl od češtiny použít v přátelském oslovení příjmení stejně jako vlastní jméno.

Podle tohoto jakkoliv povšechného náčrtu se zdá, že i jazyk, který vždy koření v daleké minulosti a nemění se tak rychle, jako politické systémy 20. století, svědčí o tom, že rozvrstvení české a maďarské společnosti se v kořenech liší. Maďarština má řadu prostředků pro zdvořilou konverzaci ve formalizovaném prostředí a stejně jako čeština je bohatá i ve škále oslovení v prostředí neformálním, domácím a přátelském. Čeština, chudší na řadu výrazů formalizovaně zdvořilostních, je naopak bohatá na prostředky užívané v běžném veřejném styku.

LITERATURA

- Dršatová, J. 1999, Oslovení jako projev socializace dítěte. *Čeština doma a ve světě* VII, č. 2, 87–90.
- Dršatová, J. – Louženská, A. – Zdráhalová, M. 2001, Oslovení ve vlaku. In: *Sborník z mezinárodní konference „Konec a začátek v jazyce a v literatuře“*. *Acta Universitatis Purkynianae* 71, *Studia litteraria et linguistica*. Ústí nad Labem, 207–210.
- Esterházy, P. 2003, *A szabadság nehéz mámora*. Budapest: Magvető.
- Mistrík, J. 1984, *Štylistika*. Bratislava: SPN.
- Pospíšil, I. – Moser, M. 2004, *Comparative cultural studies in Central Europe*. Brno: Masarykova Univerzita.
- Slančová, D. – Sokolová, M. 1998, Jazykové prostriedky s vokatívnym exponentom v súčasnej slovenčine. *Slovenská reč* 63, № 4, 210–220.
- Soukupová, L. 1998, Chcete být ozdobou. *Lidové noviny* 11, č. 244 (17.10.1998), 28.

ОБЩОФАКТИЧЕСКОТО ЗНАЧЕНИЕ НА НЕСВЪРШЕН ВИД В СЕГАШНО ИСТОРИЧЕСКО ВРЕМЕ В БЪЛГАРСКИ ЕЗИК

Мария Стоилова Жерева

(Софийски Университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО. България, София–1111
ул. „Коста Лулчев“, 27 – Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék.
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Общофактическото значение (ОФЗ) на несвършен вид се определя от езиковедите като основно частно значение на несвършен вид, тъй като най-слабо зависи от контекста (Станков 1980, Маслов 1981).

Още Поспелов (1948: 112) обръща внимание на специфичното и според него времево значение на глаголни форми от несвършен вид в минало време, при което се губи типичното за несвършен вид значение на процесност: „При отслабване на видовото значение на несвършеност във формите на минало време, несвършен вид може не само да изгуби процесното значение „имперфект“, но и развива друго времево значение – „аористно“ значение на отделния факт от миналото, без връзка на този факт с определен момент от миналото“. Мазон (1958: 93) разглежда подобно действие като „разглеждано като че ли в принципна плоскост и при това обобщено“. Маслов (1981: 249) определя същността на ОФЗ така: „при указание на факт, при неговата принципна констатация (или във въпрос с такъв характер), когато говорещият не навлиза в детайли, конкретни условия, в които се е осъществило (или осъществявало няколко пъти) съответното действие“. Дж. Форсайт (Forsyth 1970: 6) дори счита ОФЗ за „единствено ингерентно значение на имперфектива, от което се извеждат всички останали значения“.

Несвършеният вид в ОФЗ широко се използва за изразяване на действие в миналото, което е достигнало резултат. Всъщност, наличието точно на това значение на несвършен вид дава повод за представянето му като немаркиран член на видовата опозиция.

Водейщо в изразяването на семантиката на фактичността е граматическото значение на времената за предходност. Самата семантика на фактичността има тенденция към ретроспективна насоченост на изказването: „факт, от лат. *factum* – дело, работа, която е станала, която е налице“ (*Български тълковен речник* 1993). Лексемата *факт* вече съдържа в значението си указание за предходност. Във формите на минало свършено, минало неопределено или минало предварително време най-пълно се изразява онова своеобразно съчетание на разнородни по своята природа признаци, които съставляват обобщената фактичност: *Кой праща да ме викат по нощите? Кой е писал*

доноси срещу мене? Пак той, а ти му вярваш още (Петър Константинов, *Прощаване с пролетта*. Пловдив, 1998). Той беше мислил вече по този въпрос и имаше свое решение, но си замълча, защото никой не се интересуваше от мнението му (Константин Кюлюмов, *Полковникът*. София, 1980). Не, днес не съм писал нищо, бях виждал много неща, но картината на това убийство още не може да се изличи от паметта ми (Михаил Халачев, *Нови криминални разкази*. Пловдив, 1990).

Употребата на глаголна форма в несвършен вид в ОФЗ в монопредикативно изказване с акцент на факта на осъществяване на действието би могло да се разглежда като прототипно, например: *Вие говориха ли сте с тях за това?*

Ако в изказването съществуват признаци, които не се отнасят към семантиката на обобщената фактичност, това е свидетелство за отстъпление от прототипа. За отстъпление от прототипа може да счита реализацията на ОФЗ във всички останали глаголни времена, тъй като при тях ОФЗ само отбелязва най-общо действието. Всяка глаголна форма внася в изказването допълнителен модален компонент, който съществено изменя ОФЗ.

Особено сложна се оказва идентификацията на ОФЗ във формите на сегашно време. Тези форми са нетипични за ОФЗ. „При времената за съвременност ОФЗ не се среща. При тях действието се изразява като протичащ в определен момент процес, несвързан с представата за ограниченост или обобщеност на действието, което е присъщо на ОФЗ на несвършен вид“ (Станков 1980: 72).

Е. Падучева (1996: 12–13) също отбелязва невъзможността на сегашно време да се употребява в ОФЗ: „Зависимостта от ретроспективна точка на отчитане обяснява този забележителен факт, че ОФЗ не може да функционира в сегашно време, където точката на отчитане съвпада с момента на речта“. Въпреки тези аргументирани мнения, изразяването на ОФЗ в изказвания с форми на сегашно време е отбелязано в работите на Бондарко (1983: 164) и Шелякин (1983).

Интерес представляват случаите, когато формата за сегашно време означава действие, което се реализира при несъвпадение на точката на отчитане и момента на речта.

Една от основните особености на прякото значение на сегашно време е едновременността на действието с момента на говоренето. Когато, обаче минали събития, действия или факти мислено се пренесат в сегашен план и говорещият ги разглежда като ставащи пред неговите очи в момента, когато говори за тях, тогава формата за сегашно време придобива ново значение с преносен характер. Това значение в граматическата литература се нарича сегашно историческо време (*Praesens historicum*). Пешковский (1956: 209) го нарича „сегашно живописно“, а в академическата руска граматика (*Русская*

грамматика, т. 1. 1980: 484) е отбелязано като „сегашно повествователно“. Ние се придържаме към терминологията на академичната *Граматика на съвременния българския книжовен език* (т. 2 1998: 110), която го нарича „сегашно историческо време“.

Самото действие в примера *Чуваш ли, канят ни в телевизията!* като определен и единичен акт е вече завършено. Представянето му като дискретен акт внася в интерпретацията на употребата оттенък на завършеност на действието, което е представено отдалечено от реалното протичане. При акцентирание върху действие с оттенък на обособеност и отделност, признакът събитийност се съчетава с признака отделност на факта: *Браво! Добре свършена работа! – обърна се Министърът към групата. Стараем се! – отговориха всички в хор* (Андрей Гуляшки, *На чашка коняк*. София, 1989). Фразата *стараем се* е отнесена към миналото, тъй като говорещият е доволен от вече извършената работа от групата в миналото. Тази употреба на сегашно време в ОФЗ е слаба и е нетипичен вариант на общофактическата функция на несвършен вид. Но тя съществува в езика и не може да бъде отмината без внимание. Същата форма *стараем се* изразява и намерението на групата да проявява старание и в бъдеще, въпреки че действието е изразено с форма за сегашно време, то не може да се приеме като съвпадащо с момента на речта. Според нас точно несинхронната точка на отчитане, несъществеността на признака продължителност, краткост и деление на фази позволява на формата от несвършен вид *стараем се* да се вписва в ОФЗ.

Съществуват и примери, при които точката на отчитане на действието в сегашно време спрямо момента на речта има проспективна характеристика (насоченост към бъдещето). Например: *Тази вечер сядаме, правим план на скривалището и пренасяме всичко там* (Гуляшки, Цит. съч.). Действията *сядаме, правим* и *пренасяме* са представени в плана на сегашно време, но се отнасят до бъдещето, тъй като в настоящето съществува само намерението да бъдат изпълнени. При актуализация на намерение за осъществяване на действие и съчетание на модалното значение с признака събитийност, сегашното действие се сближава с функционирането на формите за бъдеще време: *Утре затваряме рано магазина и извеждаме детето на разходка. Представи си – то тича около нас, а ние се прегръщаме като някога!* (Александър Томов, *Мелница на ветровете*. София, 1986). Същото се отнася и до употребата на сегашно време в сценичните ремарки или т.н. сценично сегашно историческо време. Например: *Милка: Смръква се вече, да ставаме. Трябва да си ида, нали имаме вечеринка (Става. Христо ѝ помага да си облече връхната дреха)* (Иван Вазов, *Казарската царица*. Събр. съч., т. 11. София, 1955).

Сценичните ремарки в пиесите, по мнението на Кошмидер (1962: 162), могат да се разбират двойко: „От една страна, те представляват указание за актьорите, т.е. отнасят се към извънвремевите факти и стоят на едно ниво с

други общи предписания (в уставите, правилата за употреба, готварските книги и др.). От друга страна, за читателя те служат за сурогат на действието на пиесата, като че ставащи пред очите им и това ги сближава до известна степен с *Praesens historicum*“.

Интерес представлява тази роля на сценичните ремарки, която те изпълняват за читателя на пиесата, а не за актьора. Това, което Кошмидер нарича „сурогат на действието на пиесата“, всъщност е елемент на преразказ в общия текст на драматургичното произведение. Преразказва се това, което протича на сцената в даден момент от театралното действие. Читателят си представя това действие като ставащо в момента.

Според нас, подобна употреба на сегашно време може да бъде призната като един от периферните варианти на ОФЗ.

При употреба на сегашно историческо време може да се говори за сближаване на семантиката на свършен вид и несвършен вид и конкуренция на видовете, което е една от характерните особености на ОФЗ. Сегашно историческо време се използва в художествените произведения като един от времевите планове. Такава употреба е невъзможна при ОФЗ. Но сегашно историческо време, употребено в жив разказ за действие от миналото е друг тип. В плана на тази употреба се актуализира миналото: *Това го знаех за най-безчестно, бог да ме прости, ама аз го направих вчера за пръв и последен път. Припкам у дома, заключавам се в писалището, разляям полека червения восък на плика и турям вътре други вестници... После оставям писмото пак на мястото му...* (Иван Вазов, *Под игото. Събр. съч., т. 12.* София, 1956). Спецификата на такава употреба се корени в това, че говорещият се пренася в спомените си от миналото, за да опише по-емоционално и нагледно ситуацията. По този начин изказването придобива по-голяма описателност. Разбира се, това е само една особеност на специфичната употреба на форми на сегашно време и описателната доминанта в изказването не дава основание да се идентифицира споменатата употреба с ОФЗ.

В езиковедската литература е изказвано мнение, че „формата за сегашно време може да изразява значение на фактичност при употреба в изречения с частицата *не*. Даже глаголи, които са свързани с понятието процесност, при съчетание с частицата *не* лесно губят своето процесно значение“ (Нгуен 1973: 55). По наше мнение, отрицанието като модално значение лесно се съчетава с ОФЗ, но не създава самостоятелно обобщено-фактическа функция. При тази употреба елементи на семантиката на обобщената фактичност може да се намерят във функцията на сегашно време в съчетание със значение на потенциалност или повторителност, но задължително при акцентиране на действието. Но дори и в тези случаи е трудно да се определи характерът на точката на отчитане. Например: *Аз не пия. Не правя експерименти със здра-*

вето си. За проявата на ОФЗ в сегашно време са необходими специални условия и преди всичко несинхронна точка на отчитане и акцент върху действието.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, А.В. 1983, *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ленинград.
- Български тълковен речник 1993, София.
- Граматика на съвременния български книжовен език, т. 2. 1998, София.
- Русская грамматика, т. 1. 1980, Москва.
- Кошмидер, Е. 1962, Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. В: *Вопросы глагольного вида*. Москва.
- Мазон, А. 1958, *Вид в славянских языках*. Москва.
- Маслов, Ю.С. 1981, *Грамматика болгарского языка*. Москва.
- Нгуен, Нам 1973, Выражение обобщенно-фактического значения несовершенного вида в русском языке. *Русский язык* № 5.
- Падучева, Е.В. 1996, *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.
- Пешковский, А.М. 1956, *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Поспелов, Н.С. 1948, О значении форм прошедшего времени на -л в современном русском языке. *Ученые записки МГУ*, вып. 128.
- Станков, В. 1980, *Глаголният вид в българския книжовен език*. София.
- Шелякин, М.А. 1983, *Категория вида и способа действия русского глагола (Теоретические основы)*. Таллин.
- Forsyth, J. 1970, *A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb*. Cambridge.

ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕННОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ МУДРОСТИ ФИЛОСОФА И ИКОННИКА ФЕОФАНА ГРЕКА

Валерий Лепяхин

(Lepahin Valerij, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Наиболее подробные и достоверные сведения об иконнике Феофане Гречине дошли до нас благодаря его младшему современнику – Епифанию Премудрому. Епифаний – выдающийся русский писатель конца XIV – начала XV века, он является создателем житий прп. Сергия Радонежского и Стефана Пермского, которые свидетельствуют о его высокой образованности,¹ знании не только русской, но и византийской агиографии. Некоторые исследователи предполагают, что Епифаний мог бывать в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме (Словарь 1988: 211). Писатель был не только прекрасным стилистом, одним из ярчайших представителей стиля "плетения словес", но и иконописцем или, что вероятнее, миниатюристом, во всяком случае сам Епифаний называет себя в известном Послании, написанном в 1415 году и адресованном аримандриту тверского Спасо-Афанасиевского монастыря Кириллу, изографом.² В Послании Епифаний довольно подробно рассказывает Кириллу о Феофане Греке, с которым он был хорошо знаком, не раз наблюдал за его работой при росписях храмов, копировал его миниатюры для Евангелия. Из Послания Епифания можно почерпнуть сведения и о личности Феофана Грека, и о его мастерстве, и о его манере работать, о храмах, расписанных им, об эстетических взглядах той эпохи (см. Библиотека 1999: 440–443).

Каковы главные особенности Послания Епифания и соответственно особенности образа Феофана, предстающего перед читателем из Послания? Во-первых, иконописец для писателя прежде всего мудрец и философ. Во-вторых, Епифаний отмечает универсализм Феофана: он был стенописцем, иконописцем, миниатюристом и прекрасным знаменщиком: сам работал без прорисей, но для других мог их легко и быстро изготовить. В-третьих, Феофан отличался реалистической новизной в палатном письме, мог писать изображения храмов и

¹ Епифаний знал греческий язык: причем не только читал, но и говорил на нем. Об учености писателя свидетельствует, например, такой факт: в его "Слове о житии и учении Стефана Пермского" встречается 340 цитат из разных книг (см. Словарь 1988: 212).

² Епифаний познакомился с Кириллом в 1408 г. в Твери, куда он бежал со своими книгами из Москвы от нашествия хана Едигея.

целых городов и по памяти, и с натуры, так что можно было их сразу же узнать. В-четвертых, Епифаний утверждает, что Феофан писал без образцов не только простые сюжеты, но и самые сложные, такие, как Древо Иессеево или Апокалипсис. В-пятых, Феофан работал для самых знаменитых людей того времени и был лично знаком с великими князьями Дмитрием Донским и его сыном Василием I, с героем Куликовской битвы Владимиром Андреевичем Храбрым, с митрополитом Киприаном, с известнейшим писателем Епифанием Премудрым, работал с лучшими иконописцами того времени Прохором с Городца, Симеоном (Даниилом) Черным, прп. Андреем Рублевым; возможно, он посетил и Троицкую лавру, а значит застал и прп. Сергия Радонежского, скончавшегося в 1391 году.

Итак, для автора Послания Феофан прежде всего преславный мудрец и зело искусный философ.³ Это достоинство он ставит на первое место, а позже уточняет, что все, кто беседовал с Феофаном, дивились и его разуму, и его притчам-иносказаниям, и искусному изложению мыслей, т.е. Феофан был не только мудр, но и красноречив, впрочем, как и сам автор Послания, который смог оценить этот дар Феофана. Именно философствующий Феофан сильно поразил воображение Епифания, вероятно, потому, что знакомых ему русских иконописцев агиограф не мог отнести к философам. Только на второе место Епифаний ставит Феофана как художника.

Можно обратить внимание на те иконные сюжеты, которые выделяет в своем Послании Епифаний, трактуя их как свидетельство мудрости Феофана. Прежде всего он говорит обо всем, связанном с зодчеством и "палатным письмом". До Феофана Грека на русских фресках и иконах палатное письмо было условно. Иконописец не писал детальный вид конкретного города, который давал бы представление об архитектурных особенностях того или иного города, а просто – град. На иконах чаще всего невозможно отличить один город от другого, например, Иерусалим от Константинополя. И это естественно, закономерно и правильно, это одно из требований иконографического канона. Иконописец изображает не конкретное дерево или куст так, чтобы можно было определить его породу, а просто дерево, просто куст как род или вид растения. Так же он изображает не лицо, а Лик, в котором индивидуальные черты просветлены и возвышены соборными чертами святости, в котором просвечивает единый и общий для всех Образ Божий, по которому Бог сотворил человека. И так называемое палатное письмо давало зодческие типы, а не конкретные произведения архитектуры. Палатное письмо – это земное отражение небесного зодчества, архитектуры Небесного Иерусалима. Именно Горний Иерусалим был архетипом, первообразом для палатного письма. Иконографический канон забо-

³ Кстати, "философом" Феофана называет даже летопись (при сообщении о росписи церкви Рождества Богородицы).

тился здесь также о поддержании молитвенного состояния в молящемся. На иконе не должно быть ничего отвлекающего от молитвы, что вызывало бы желание разглядывать икону, а реалистические детали бесспорно отвлекали бы внимание. Перед иконой человек молитвенно возносится умом к Первообразу Христу и небесным первообразами, а не разглядывает земные образы... И вдруг появляется Феофан. Что нового он принес с собой в области палатного письма? Вместо символического палатного письма он предлагает условно "реалистическое", с узнаваемыми городскими пейзажами. На фресках Феофана уже можно отличить Константинополь от Москвы, в них заметно усилен познавательный элемент, его фрески интересно разглядывать, они "приглашают" к эстетическому восхищению. Молитва невольно отодвигается на второй план, ведь прежде чем помолиться, надо сначала все хорошенько разглядеть.⁴ Фрески его стремятся быть верными оригиналу в буквальном смысле. Символическое палатное письмо, отобразив Небесного Иерусалима, подменяется более или менее реалистичным архитектурным пейзажем, в котором главной становится не указание на **небесный архетип**, на первообраз, а на **земной прототип**.⁵ Характерно также замечание относительно интереса, который русские иконописцы проявили к рисунку Софии Константинопольской, сделанному Феофаном. Конечно, это был интерес прежде всего познавательный. Вероятно, не многим из иконописцев довелось побывать в Константинополе и своими глазами увидеть самый большой и красивый православный храм в мире; знали же о нем по описаниям паломников – много. Вместе с тем этот интерес свидетельствует и о привлекательности древней теории искусства как мимезиса, как подражания. Иконописцы уже тоже, вероятно, не понимали, что на иконе храму Святой Софии не обязательно быть в деталях похожим на свой прототип. Наконец, здесь сыграла свою роль и заразительность феофановского искусства.

Какое еще свидетельство мудрости Феофана находит Епифаний? Из множества икон и фресок, написанных Феофаном, он выделяет лишь два изображения: "Древо Иессеево" и "Апокалипсис" в Благовещенском соборе Кремля, причем, Епифаний не уточняет, в какой технике они были созданы – фрески или иконы. Оба сюжета сложны по своей композиции и не столько символичны, сколько аллегоричны. На первой фреске (маловероятно, чтобы это были иконы) изображается отец царя Давида Иессей в лежащем положении. Из его чрева вырастает древо. Ствол его символизирует родословие Иисуса Христа, а ветви –

⁴ Не случайно Феофан с удовольствием расписывал не только храмы, но и жилые помещения во дворцах русских князей.

⁵ Конечно, и земной прототип (Иерусалим, Константинополь, Киев или Москва) архитектурно создавался как земная икона Небесного Иерусалима, но феофановский реализм палатного письма восходит к небесному архетипу уже не прямо и непосредственно, а опосредованно – через красоту земной архитектуры.

побочные родá. Что касается Апокалипсиса, то его писали обычно на западной стене храма. Сохранилось несколько икон с изображением Апокалипсиса разной композиции и разных периодов.

Сразу же после упоминания этих двух сложных сюжетов Епифаний приводит еще одно свидетельство мудрости греческого иконника: Феофан не пользовался образцами (подлинниками, кальками, переводами), и это поражало всех. Надо, конечно, иметь в виду, во-первых, что Феофан приехал на Русь уже зрелым художником с большим опытом, за его плечами стояли росписи во многих городах Византийской империи, в том числе и в ее столице (более сорока церквей расписал,⁶ – уточняет Епифаний). Вероятно, в своих росписях Феофан многое повторял из того, что уже писал, но русским это было в новинку. Во-вторых, Феофан был исключительно талантливым художником. Ранее он, вероятно, не раз писал с натуры. Во всяком случае он смог тоже без предварительного рисунка написать вид Москвы.⁷

Другое очевидное свидетельство мудрости Феофана состояло в том, что он не только писал без образцов, но во время письма мог разговаривать с приходящими. Если кто-либо приходил и наблюдал за его работой, ему это не мешало, – в это время он мог даже вступить в серьезные разговоры и философские споры. Епифаний как бы разделяет Феофана на несколько автономных "частей": **руками** Феофан писал, **ногами** неустанно стоял (конечно, и ходил, но скорее всего не садился отдыхать, пока не закончит работу), **языком** разговаривал с приходящими, **умом** (умными очами) вперялся в высокое и умопостигаемое, а **чувственными очами** созерцал разумную красоту.

Феофан, конечно, глубоко своеобразный и самобытный иконописец. И это художник нового типа. Он вносит в лики драматизм, психологизм и даже экспрессионизм. Это может быть первый и единственный экспрессионист в

⁶ М. Алпатов (1979: 115) ставит эту цифру под сомнение, видя в ней усеченные "сорок сороков". Однако, работоспособность Феофана, его готовность трудиться с учениками, помощниками и известнейшими русскими мастерами того времени заставляет скорее поверить Епифанию и отвести от него обвинение в преувеличении. Епифаний говорит, что Феофан "своею рукою" подписал все сорок церквей, но это вовсе не значит, что один; практически все мастера-стенописцы работали с учениками. Конечно, в описании Софии Константинопольской у Епифания встречаются явные преувеличения, что ставит под сомнение предположения ученых о посещении им столицы Византийской империи.

⁷ Можно быть благодарным Епифанию и за ироничное замечание относительно "нецыхъ нашихъ", т.е. русских иконописцев, которые не столько пишут, сколько водят глазами туда-сюда: от образца на свою икону и обратно. Отметим только, что Епифаний говорит лишь о "нецыхъ", т.е. о некоторых, а не обо всех иконописцах, которые не могли работать без образцов, ведь современниками Феофана, как говорилось, были такие русские мастера как Даниил Черный, Прохор с Городца, прп. Андрей Рублев.

православной иконописи. Он пишет святого, находящегося еще только на пути к святости, такого святого, который живет в борьбе со страстями: подвижник еще не преодолел искушения, но он полон решимости выстоять. В святых Феофана есть многое от древних египетских монахов, аскетические писания которых полны рассказов об этой жестокой и неумолимой борьбе с плотью, с искушениями, с многочисленными бесами.⁸ И в этом он также явил свою мудрость.

А сохранилось ли какое-либо конкретное свидетельство мудрости Феофана Грека? В "Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго", написанное, вероятно, Епифанием Премудрым (см. Андрианова-Переца 1947; Соловьев 1961), имеется фрагмент, который многие исследователи долгое время считали неудобопонятным, содержащим сложные философские рассуждения и при издании памятника или совсем пропускали его или публиковали в сокращении. В 1985 году Г.М. Прохорову удалось выделить этот фрагмент из текста и доказать, что это самостоятельное произведение – письмо, которое случайно оказалось в данной части. При его изъятии из текста "Слово о житии" обретает связность и смысл (см. Прохоров 1985; Прохоров 1987: 88–98, 106–110; Прохоров 1996). Приведем это небольшое письмо целиком:

Преподобство твое попросило у нашего художества слово. И мы припадаем к Святому Духу, благодати прося – слова во отвержение уст наших, которое не вредит душе, но скорее веселит. Если даст Святой Дух говорить, как мы хотим, это дело не моего умения, но твоей молитвы.

Знаем ведь ясно: наша жизнь суетна – и мысли, и слова, и дела, – не только левые, но и мнимые правые, за исключением по правильному рассуждению правого. "Бог ведь любовь есть", как мы усвоили из Божественных Писаний, из чего следует, что правое – любовь.

Если случится, досаду от возлюбленного нами, любящему нас, претерпите: если любим любящих нас, по Господнему слову, то ведь мытари и грешники то же творят, заимообразно действуя. Мы же не корыстной любовью любим тебя, но истинной. Но жизнь моя строптива, не дает мне беседовать с тобою, как хочется.

⁸ В этом смысле прп. Андрей Рублев является его полной противоположностью. Возможно, святые прп. Андрея также прошли через эту невероятную духовную борьбу против лукавого, но они не только выстояли, – они преображены и обожены настолько, что в ликах не видно никаких следов этой былой борьбы. Но так и должно быть. Обожение стирает с лика святого все наносное и проявляет в нем чистейший и незамутненный образ Божий, по которому сотворен человек.

Уподобился я семени тому евангельскому, которое пало в терние и было заглушено, и не смогло плода принести, но лишь сколько ты слышал, столько.

С Господом будь здоров.

(Прохоров 1987: 89–90; ср. Библиотека 1999: 222–223).

После того как Прохоров выделил это произведение из "Слова о жити", он назвал его "письмом к заказчику", т.е. предполагал, что кто-то делает заказ Епифанию написать житие Дмитрия Донского. Но какое отношение это письмо имеет к Феофану Греку? Вполне возможно, – самое прямое. В Погодинском № 27 Апостоле имеется надписание, в котором указаны автор и адресат этого письма: *Послание мѣжа мѣдра къ преподобномѹ мѣжоу, именѣмъ Феофанѹ, а емѣже посла, именѣтсѣ Прохоросѹ*. Эти две детали и натолкнули Прохорова на мысль отождествить автора письма с иконописцем Феофаном Греком, а получателя с не менее знаменитым иконником той эпохи – старцем Прохором с Городца, с которым греческий мастер расписывал в Москве Благовещенский собор Кремля.⁹ Соображения исследователя можно суммировать следующим образом: во-первых, автор "Слова о жити" (гипотетически – Епифаний) и автор письма – не одно и то же лицо;¹⁰ во-вторых, автор письма Феофан именуется мудрым, а именно так называют Феофана Грека источники того времени; в-третьих, автор называет себя "нашим художеством",¹¹ что указывает на его профессию; в-четвертых, имя адресата имеет греческую форму – Прохорос (а не Прохор); в-пятых, Феофан и Прохор в 1405 году вместе расписывали Благовещенский собор, т.е. были очень хорошо знакомы, возможно, находились в дружбе; в-шестых, рукопись Погодинского Апостола датируется концом XIV века, временем активной работы Феофана на Руси; в-седьмых, эта гипотеза косвенно подтверждает, что именно Епифаний может быть автором "Слова о жити".¹²

⁹ Летопись сообщает об этом следующим образом: *Тое же весны почаша подписывати церковь каменную св. Благовѣщенїа на княза великаго дворѣ не тѣ, иже нынѣ стоитъ, а мастера бѣху Феофанъ икононикъ Гречинъ, да Прохоръ старецъ съ Городца, да чернецъ Андрей Рѣблевъ, да того же лѣта и кончаша ю* (Приселков 1950: 449). Фрески, к сожалению, утеряны, поскольку собор был перестроен, но иконы всех трех мастеров сохранились (см. Маясова 1966).

¹⁰ Если "Слово о жити" написано Епифанием, то автор письма не он.

¹¹ По некоторым спискам читается не *художество*, а *хѹдовѣство*. Прохоров подробно исследовал это разночтение и пришел к выводу, что следует читать все же *художество* (см. Прохоров 1987: 91–93; Прохоров 1996: 63).

¹² См. подробно комментарии Прохорова к данному письму (Библиотека 1999: 549).

Со своей стороны я бы сделал предположение относительно того, как письмо оказалось в рукописи произведения (если, конечно, его автором является Епифаний). Известно, с каким пиететом Епифаний **Премудрый** относился к Феофану **Мудрому**.¹³ Можно не сомневаться, что при удобном случае он старался приобрести произведения Феофана: рисунки, миниатюры, иконы и, вероятно, записки, письма. Епифаний мог знать о письме Феофана Прохору, он мог его просто попросить у Прохора или же унаследовать его после кончины иконописца, поскольку, как можно полагать, Прохор скончался ранее Епифания.¹⁴ Вполне приемлемо и такое предположение. Неизвестно, знал ли Феофан русский язык, скорее всего он его выучил, уже работая на Руси. Но не мог ли Феофан написать (или продиктовать) это письмо по-гречески, а Епифаний перевел на русский, точнее, изложил на русском языке,¹⁵ а затем оставил себе копию? Здесь свое слово должен сказать анализ текста. Имеются ли в нем следы перевода? Можно ли утверждать, что его писал иностранец хорошо владеющий русским языком? Или же он представляет собой древнерусский оригинал? Но в последнем случае надо подивиться знанию русского языка, которое показал Феофан.¹⁶ В любом случае письмо Феофана находилось у Епифания и хранилось в рукописи "Слова о житии". Поздний переписчик, узнав почерк Епифания, решил вставить его в рукопись, по своему разумению разорвав текст (см. Прохоров 1987: 97–98).

Теперь обратимся к содержанию и композиции произведения. Прохоров отметил удивительную стройность его композиции, назвав произведение "изящной словесной миниатюрой". Он разделил письмо на семь частей, заключающих в себе восхождение и нисхождение: 1) о заказе "слова", 2) о суетности жизни, 3) о своей любви (это **первые три ступеньки восхождения**), 4) о Божественной Любви (это **вершина маленькой лестницы**), 5) опять о своей любви, 6) о "строптивости" жизни, 7) о выполнении просьбы (**три ступеньки нисхождения**). Прохоров обратил внимание также на исклю-

¹³ Здесь можно напоминать, что позже знаменитого иконописца и стенописца Дионисия современники также наименовали "Мудрым".

¹⁴ Епифаний умер в 1420 г., а Прохор вместе с Феофаном упоминается последний раз в 1405 году.

¹⁵ В композиции письма Прохоров находит некоторые общие черты с Посланием Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому, а в наборе затронутых тем – со вступлением к житию свт. Стефана Пермского, также принадлежащим перу Епифания (см. Прохоров 1987: 95, 97).

¹⁶ Если датировать письмо концом XIV века, то Феофан к тому времени прожил на Руси около 15–20 лет. Приехал же он, как говорилось из Феодосии, где жило много русских купцов, и еще там он мог усвоить начатки русской речи. Во всяком случае, его приезд на Русь – и именно в торговый Новгород – не мог быть случайным и неподготовленным.

чительное богатство мыслей, заключенных в письме, несмотря на его небольшой объем. Относительно содержания письма можно сделать несколько наблюдений.

Феофан называет Прохора "преподобным". Здесь уточним, что в Древней Руси – преимущественно в обращениях – так называли просто уважаемых, почитаемых лиц в монашеском и иерейском сане, что зафиксировано многими словарями. Прохор же был не только известным мастером, но монахом и старцем, можно даже предположить, – иеромонахом. Это обращение в качестве официального сохранилось и поныне: *ваше преподобие* и *ваше высокопреподобие* (по отношению к настоятелям, игуменам, архимандритам).

Прежде чем сказать свое "слово" Феофан испрашивает помощи Святого Духа. Но ведь именно Святой Дух является покровителем иконописцев. Об этом напоминают иконописцам все книги: истинную икону творит не человек, не мастер, но Святой Дух. На известных иконах апостола Луки за его плечом изображается Премудрость Божия с восьмиконечным нимбом; она как бы водит рукой евангелиста и "первоизографа".

В письме есть скрытые цитаты из свт. Григория Паламы. Как установил Прохоров, отрывок "еще дасть ми слово подобно въ отвержение устъ моихъ" мог быть позаимствован из "Беседования" свт. Григория Паламы "с хионы и турки", которое незадолго до того было переведено с греческого (см. Прохоров 1987: 95, примеч. 21).

В письме несколько раз подчеркивается смирение автора. С одной стороны, это этикетная формула, но с другой, – примета времени. Феофан утверждает: если он и напишет что-то полезное, то не благодаря своим способностям, а по молитвам адресата – Прохора.

Суетность жизни, подчеркнутая автором, – также общее место в словесности того времени, и в христианской литературе в целом. Но у Феофана эта тема стоит на своем месте, поскольку далее речь идет о том, что единственно не суетно.

Разделение на правое и левое в христианской литературе имеет библейские корни. Первое, что вспоминает читатель, – Страшный Суд, на котором праведные и грешники будут разделены именно по этому принципу. Но в православной аскетике "правое" (у Феофана "мнимое правое"¹⁷) – это также искушение чрезмерной ревностью и непосильными подвигами, взятыми на себя подвижником самовольно, а левое – искушение грехом.

Главная тема письма – любовь. Автор напоминает адресату, что высшая добродетель – любовь. Вместе с тем он как бы кается в том, что в нем та-

¹⁷ Ему противопоставлено "правое" по правильному рассуждению, т.е. истинно правое.

кой любви нет. Можно подумать, что адресат много раз просил Феофана написать ему хоть что-нибудь в память их знакомства и дружбы, но Феофан всегда откладывал, а потом и совсем забывал о "долге любви". Теперь наконец-то он пишет письмо, но и оно – очень краткое.

Далее следуют слова, которые, на наш взгляд, проливают свет на отношения Феофана и Прохора. Возьмем на себя смелость предположить, что между автором и адресатом произошло какое-то недоразумение. Вероятно, его причиной стал Феофан. Поэтому он не только напоминает о бескорыстной Божественной Любви, но и призывает Прохора терпеть поношения от всех: и от любящих нас, и от любимых нами, а также уверяет в своей истинной любви к нему.

Единственное, что мешает Феофану показать свою любовь в полной мере, – это его "строптивая" жизнь. Эпитет *строптивный* здесь не может не вызвать особого внимания исследователя. В греческом языке на этом месте могло бы стоять *σκολιός*, что значит 'кривой, извилистый' или 'лукавый'; *δύσβατος*, т.е. 'неудобопроходимый', или же *ἀκάθεκτος* – 'необузданный', 'неукротимый', 'строптивный', 'упрямый', 'непокорный'. Как можно понять по контексту, "строптивное житие" – это жизнь, связанная с частыми переездами, с новыми заказами, с работами в разных городах и храмах. Автор письма очень загружен, но, конечно, хотел бы лично увидеться с Прохором. Намек на это адресат мог вычитать у апостола Иоанна, которого Феофан цитирует. Во втором Послании апостол пишет: "Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами; а надеюсь придти к вам и говорить устами к устам, чтобы радость ваша была полна" (2Ин. 1, 12). Третье же Послание апостола Иоанна повторяет это выражение: "Многое имел я писать; но не хочу писать к тебе чернилами и тростью, а надеюсь скоро увидеть тебя и поговорить устами к устам" (3Ин. 1, 13–14). Очевидно, Феофан посылает короткое письмо с надеждой на скорую встречу с Прохором и разговор "устами к устам", а также просит не принимать краткость послания как свидетельство нелюбви, поскольку и для этого краткого письма он с трудом нашел время.

Феофан уподобляет себя семени, упавшему в терние и заглушенному сорняками, а потому и не принесшему плода. Эти слова являются свидетельством смирения Феофана. Но что конкретно он имеет в виду? Сам Иисус Христос так толкует значение этого места притчи о сеятеле: "А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно" (Мф. 13, 22).¹⁸ По кон-

¹⁸ Для сравнения приведем соответствующие стихи в других Евангелиях: "Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода" (Мк. 4, 18–19); "А упавшее в терние, это те, которые слушают сло-

тексту можно понять, что Феофан говорит не о богатстве, а о "заботах века сего", т.е. опять о многочисленных заказах на роспись храмов, теремов, на оформление рукописей.

Нельзя не заметить, что Феофан в этом кратком письме показал прекрасное знание Священного Писания: он цитирует или свободно перелагает, как установил Прохоров, Евангелие: Мф. 5, 46; Лк. 6, 32–34, Лк. 8, 7; Ин. 14, 9–10 и Послания апостолов: Еф. 6, 19; 1Ин. 4, 8. Прохоров справедливо называет автора письма "настоящим словесных дел художником". Как "философ" он, вероятно, находился в переписке со многими известными людьми своего времени, среди которых были Прохор и Епифаний. Если это письмо действительно принадлежит Феофану Греку, то оно является бесспорным подтверждением мудрости великого византийского и русского иконописца, а если оно написано на русском языке, то – и свидетельством прекрасного знания русского языка.¹⁹

Отметим также, что в Послании Епифания к Кириллу Тверскому есть несколько строк, которые также непосредственно принадлежат Феофану, но в пересказе Епифания. В ответ на просьбу премудрого агиографа сделать рисунок Святой Софии в Константинополе Феофан ответил: *Не можно есть того ни тебе оудъчити, ни мнѣ написати, но обаче докъки твоеа ради мало нечто аки ѿ части вписю ти, и то же не такъ ѿ части, но такъ ѿ соты части, аки ѿ многа мало, да ѿ сегъ маловидагнаѿ изображеннаѿ пишемаѿ нами и прочаа большаа имаши навъщати и разъмети.*²⁰ Возможно ли данный фрагмент считать

во, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются, и не приносят плода" (Лк. 8, 14).

¹⁹ В упоминавшейся статье Прохорова (1996: 64) на эту тему выдвигается еще одна гипотеза. Дело в том, что "Послание" Феофана в "Слове о житъи" заключено в контекст другого фрагмента, который также легко вычленяется из текста "Слова о житъи", а выделенное и процитированное выше "Послание" Феофана в свою очередь разрывает его. Отсюда Прохоров делает предположение, что "Послание" в "Слове о житъи" можно рассматривать как фрагмент во фрагменте. Этот больший по сравнению с "Посланием" фрагмент косвенно указывает на греческое происхождение его автора. Прохоров оставляет вопрос открытым: либо начало фрагмента в Погодинском Апостоле не принадлежит Феофану, и тогда "Послание" имеет тот вид, в котором оно приведено выше, либо к Феофану восходит предшествующий текст из Погодинского Апостола, но тогда он же является автором и текста из "Слова о житъи", следующего после "Послания". Однако, в этом случае разрывающее большой фрагмент "Послание", считает Прохоров, вряд ли может принадлежать Феофану. Мы считаем это предположение отдельной проблемой и здесь не касаемся ее детального анализа.

²⁰ Ср. перевод всего эпизода: "Он же, мудрец, мудро и ответил мне: "Невозможно, – молвил он, – ни тебе того получить, ни мне написать, но, впрочем, по твое-

принадлежащим Феофану? Учитывая любовь Епифания к иконописцу, – можно. Скорее всего он очень бережно передал слова Феофана. И все же нельзя не обратить внимания на то, что в этом фрагменте, как и во всем Послании, явно слышен голос Епифания. Можно считать, что этот небольшой отрывок косвенно свидетельствует о знании Феофаном латыни, поскольку его *¶* много мало является, вероятно, переводом известного выражения *pars pro toto*, т.е. часть вместо целого. Феофан рисует "сотую" часть Святой Софии, но так, что по ней можно получить представление обо всем храме.

Все изложенное в данной статье выглядит довольно убедительно, однако, выводы опытейшего ученого Г.М. Прохорова заметно осторожнее. Все же мне не хотелось бы получить упрек в том, что здесь выдается желаемое за действительное: статья нацелена на поиск новых доводов в пользу гипотезы (на мой взгляд – открытия) Прохорова. Воля других исследователей – возразить им или найти опровержения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов, М. 1979, *Феофан Грек*. Москва.
- Андреанова-Перец, В.П. 1947, Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго. *ТОДРЛ V*. Москва–Ленинград, 90–91.
- Маясова, Н. 1966, К истории иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. В кн.: *Культура Древней Руси*. Москва, 152–157.
- Библиотека 1999 – Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси, т. 6*. Санкт-Петербург, 1999, 440–443.
- Приселков, М. 1950, *Троицкая летопись. Реконструкция текста*. Москва–Ленинград.
- Прохоров, Г.М. 1985, Непонятый текст и письмо к заказчику в "Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго". *ТОДРЛ XL*. Ленинград, 229–247.
- Прохоров, Г.М. 1987, *Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв.* Ленинград.
- Прохоров, Г.М. 1996, "Посторонние статьи" (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и "Слово о житии и о преставлении Дмитрия Донского". *ТОДРЛ XLIX*. Санкт-Петербург, 59–77.
- Словарь 1988 – *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1*. Ленинград, 1988.

му настоящию, я малую часть ее напишу тебе, и это не часть, а сотая доля от множества малость; но и по этому малому изображению, нами написанному, остальное ты представишь и уразумеешь". Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал изображение храма, наподобие церкви, находящейся в Царьграде, и дал его мне" (Библиотека 1999: 442–443; перевод Г.М. Прохорова).

Соловьев, А.В. 1961, Епифаний Премудрый как автор "Слова о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго". *ТОДРЛ* XVII. Москва-Ленинград, 88-89.

ПО ВЪПРОСА ЗА ИЗБОРА НА ЕЗИКОВИТЕ СРЕДСТВА
И ОГРАНИЧЕНИЯТА ПРИ ТЯХНАТА УПОТРЕБА
В ПРОЦЕСА НА РЕЧЕВОТО ОБЩУВАНЕ
(върху български и унгарски езиков материал)

Лиляна Лесничкова

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“
lililesz@yahoo.com)

Известно е, че всеки език по необходимост изпълнява няколко функции: служи като средство за комуникация, съставлява непосредствена действителност на мисълта и непременно се превръща в арсенал на колективния опит. Във всеки език намира отражение избирателността, с която неговите носители подхождат към необятната реалност, опитвайки се да я възприемат и интерпретират най-точно (вж. Иванова–Ницолова 1995: 161).

Всяка личност организира по специфичен начин речевото си поведение, като се стреми да намери такива изразни средства, с които да постигне най-висок ефект. Един израз може да бъде безупречен от гледна точка на нормативната граматика и в същото време да е крайно неподходящ в конкретната обстановка. Затова за участниците във всяка комуникативна ситуация важно значение придобива изборът на адекватни езикови формулировки, съобразени със социокултурните норми на дадената езикова общност и с целите на речевия акт.

Наличието в езика на различни единици с обща семантична функция дава възможност една и съща комуникативна цел да бъде осъществена по няколко начина – чрез комбинация от различни лексикални елементи и граматични структури, които взаимно се допълват, заменят или усилват. Съпътстващата ги интонация може да подчертае или да тушира даденото значение, както и да помогне да се изрази богатата гама от емоционално обогатени отношения на говорещия към слушащия. В хода на речевото общуване езиковите средства влизат в тясно взаимодействие с паралингвистичните, които ги уточняват или заместват. Срв.: *Я да млъкнете!* (КГ, 37) – *Hallgassatok már el!* (285); *Чу се писклив и зъл женски вик:* – *Млъкни, дъртако проклету!* (ЙЙ, 189) – *Mérges asszonyi zsörtölődés, kiabálás ütötte meg a fületem:* – *Hallgass! Hallgass már, átkozott öreg bolond!* (164); *Ще млъкнеш ли най-сетне?* (АК, 112) – *Elhallgatsz már végre?* (93); *Сус бе, ченгене!* (АК, 74) – *Ácsi, dádé!* (83); *Semmi susmus!* (JA, 542) – *Никакво шушу-мушу!* (221); *Boka úgy nézett rá, mintha keresztül akarta volna szúrni ezzel a szempillantással:* – *Hallgass!* (МФ, 106) – *Бока го изгледа така, сякаш искаше да го промуши с погледа си:*

Млъкни! (81); *Ne pofázzon, ne pofázzon!* (GyT, 123) – *Не дрънкай, не дрънкай!* (92); *Fogd be a szád!* (MZs, 255) – *Затваряй си устата!* (34); *Ne járjon a szád!* (SF, 275) – *Млък бе!* (123); *Cm! Приказки не ща!* (ЙЙ, 356) – *Csönd! Egy szót se!* (81); *Csönd!* (MF, 110) – *Тишина!* (85); *Szájára tette a kezét:* – *Csitt!* (JA, 409) – *Сложи ръка на устата си:* – *Шшш!* (115); *Шшш! ... По-полека!* (AK, 35) – *Pszt! Csöndesebben!* (25); *Kuss – mordult a feleségére.* (SzI, 80) – *Млък! – изръмжа към жена си.* (84); *Az elnök intett, hogy csönd legyen, mert beszélni akar.* (MF, 34) – *Председателят даде знак да млъкнат, защото искаше да говори.* (28).

От примерите е видно, че и в българския, и в унгарския език комбинаторните и вариативните възможности на репертоара от средства за изразяване на дадено значение са извънредно големи и многообразни. Но макар че са функционално тъждествени, паралелните конструкции се различават както в стилово отношение, така и по начина на предаване на комуникативното намерение на говорещия, по степента на експлицитност/имплицитност на изразеното значение.

В едни условия на комуникация говорещият избира най-краткия път за реализация на интенцията си, като използва синтактична форма, чиято функция съответства на езиковата ѝ семантика. В други случаи предпочита обиколен, но не по-малко ефективен път за изпълнение на комуникативната си задача. Косвеният начин, при който адресантът прикрива действителното си намерение, като формулира една комуникативна цел, а очаква постигането на друга (напр. изразяване на подбуда с въпросителни по форма изкази), е най-подходящият за оказване на желаното въздействие върху слушащия при социална йерархия между комуникантите, когато по-нискостоящ отправя искане към по-високопоставено лице, когато искането е адресирано до непознат събеседник, или когато е свързано с изпълнението на действие, маркирано по признаците трудоемкост, деликатност, нежелателност, степен на важност, срочност. Колкото по-голяма е дистанцията между участниците в речевото общуване и колкото по-голям е авторитетът на слушащия спрямо говорещия, толкова повече нараства необходимостта адресантът да прибегне до избор на синтактичен модел за косвено изразяване на комуникативното си намерение.

В някои синтактични модели желанието на говорещия е представено по-категорично, в други – по-предпазливо. В едни преобладава обяснителният компонент, а в други – експресивният. При императивните изкази и при въпросително-подбuditелните конструкции се наблюдава относително равновесие между двата компонента. На елиптичните изкази е присъща имплицитност на дескриптивното съдържание и превес на емоционалния компонент. Експресивността е продиктувана или от ситуацията, която позволява

по-икономично изразяване, като се експлицират само най-съществените от гледна точка на комуникативната цел елементи на изказа, или от взаимоотношенията между комуникантите (настойчивост, лаконичност, небрежност, фамилиарност). Крайната точка в скалата на съотношението между информативната и емоционалната страна бележат неразчленимите безглаголни изкази.

Основанията за избор на определена формална опора и свързаните с нейната употреба ограничения са от най-различен характер (семантични, стилистични, прагматични, социолингвистични) и обхващат всички езикови равнища. Факторите, управляващи избора, обикновено не действат изолирано, а в съчетание.

Най-важният елемент в механизма на избора е интенцията на говорещото лице по отношение на адресата за съответната речева ситуация. При построяването на изказването си адресантът подбира едни или други елементи на ситуацията за експлициране, а останалите само се загатват. Изказите с по-висока степен на имплицитност имат много по-голяма експресивна сила. Успешната реализация на комуникативния акт и чрез по-икономично подбиране на ситуативни признаци за явно изразяване позволява различно комбинирание на тези признаци за експлицитно или имплицитно представяне, поради което може да се говори за наличието на „парадигма“ от възможни конструкции, които се използват в един език за описването на дадена ситуация, за успешното изпълнение на определена комуникативна задача.

Проучването на унгарски и български оригинали в техните преводи (и в двете посоки) предлага достатъчно богат материал за илюстрация на несъответствията между двата езика в подбора на ситуативни признаци за експлицитно или имплицитно представяне в речевата реализация на различните средства за изразяване на едно и също значение. Срв.: *Nem takarodsz, te?! (SF, 156) – Я да се махаш оттам! (69); Igyatok egy kis pálinkát. El is vihetitek. Ted-ba... (JA, 385) – Пийнете малко ракия. Защо не я вземете, ще сипваме по малко в чая..? (96); Miért engeded, hogy elevenen temetkezzék? (JA, 547) – Не му позволявай жив да се погребее. (225); Дай парите! (AK, 74) – Ide a pénzt! (88); Csitt. Ne hangoskodj. (JA, 287) – Шшш. По-тихо. (17); (Az az óriási alma... Igazán pompás példány, kár beleharapni...) – Nyugodtan, nem gipsz! (JA, 318) – (Онази огромна ябълка... Наистина е изключителна, просто да ти е жал да я захарнеш...) – Хапнете, не се притеснявайте, не е от гипс. (42); – Te csak ne vállalj olyasmít, amihez semmi közöd. (JA, 531) – Не е необходимо да поемаш отговорността за нещо, с което нямаш нищо общо. (212); (Bokai ordít:) – Föl! (GyT, 162) – (Бакаи крещи:) – Стани! (119).*

Наблюденията показват, че в една и съща комуникативна ситуация, при аналогични екстралингвистични обстоятелства носителите на унгарски и български невинаги избират еднакви езикови средства за постигане на една и

съща комуникативна задача (по-подробно Лесничкова 2004). Дори когато в двата езика се прилага еднаква стратегия, „ходовете“ в рамките на избраната стратегия имат понякога различна стойност. Напр. и в унгарски, и в български форматът на въпроса се използва за смекчено предаване на искането, но между структурата на въпросите невинаги има пряко съответствие, на унгарските подбудителни изкази с кондиционал невинаги съответства изоморфен еквивалент. В българския език условните форми са стилистично маркирани като изискани и деликатни (Станева 2002: 176), докато в унгарския са с по-широк функционален диапазон – срачат се и в контекст, издържан във фамилиарен тон (*Nem maradhatnál nyugton? Abbahagynád végre?* – *Не можеш ли да стоиш мирен? Ще престанеш ли най-сетне?*). Ето защо в диалог, характерен за официалното общуване, изказите с кондиционал съответстват в максимална степен на семантиката и модалната натовареност на унгарските изкази, но при фамилиарни отношения между комуникантите са по-подходящи изказите с индикативни форми за сегашно време (при изразяване на по-настойчива подкана, обогатена с емоционално-отрицателната оценка неодобрение на поведението на слушащия) или за минало предварително време (при деликатна, плаха подкана). Тоест това, което е обичайно за речевата практика на унгарския език, в български се явява само един от възможните варианти в синонимния ред от паралелни вътрешноезикови функционални еквиваленти, из-между които говорещият избира, за да осъществи комуникативната си цел.

Изборът на езикова стратегия при разрешаването на различни комуникативни задачи в различни житейски ситуации е изява на лично отношение към тези, с които общуваме и се определя както от езиковата култура и индивидуалните предпочитания на говорещия, така и от нормата и узуса, от особеностите на езиковата система и нейната речева реализация. Затова начините за описване на една и съща ситуация не са изосинтактични в отделните езици.

Изборът е предписан от нормата за всеки отделен случай, но тя предполага известен диапазон на свобода за говорещия. Речевото му поведение е в строга зависимост от социалните му характеристики, които се реализират винаги в определени социални роли. С други думи, социалната роля е мотивиращият фактор за спазване на определено комуникативно поведение. Висшестоящият разполага със значително по-голяма свобода при избора на езикова форма по отношение на подчинения. Броят на употребимите форми рязко намалява при насоченост на комуникацията от по-млад (или от лице с по-нисък социален статус) към по-стар (по-високопоставен).

Проблемът за съзнателния избор на адекватни езикови средства е тясно свързан и със стилистичната уместност или неуместност. Съществува зависимост между формалната структура на изказа и сферата на неговото функциониране. Някои синтактични конструкции имат предимство пред

останалите в определени сфери на общуване. Напр. императивът се нуждае от лексикална подкрепа при предаване на учтива молба, нерешително предложение или деликатна покана. В тези случаи, особено при разлика във възрастта или социалното положение на комуникантите, преобладават въпросително-подбудителните изкази (често с условно наклонение). В общовалидни заповеди, забрани, инструкции имат превес модалните предикати. Междуметните изкази се срещат в емоционалната и фамилиарната разговорна реч. Отрицателните императивни форми са с универсална употреба, докато аналитичните – поради признака „интимност“ – са присъщи на неофициалния диалог. В административния стил в български употребата на подбудителни конструкции със страдателни форми придава на изказа скромност и деликатност, а в разговорната реч – отсянка на пренебрежение и неуважение към адресата. Във 2 л. ед. и мн. ч. описателната конструкция (*да* + сегашно време) е силно емоционално натоварена в сравнение с императива и внася нюанси на заплаха или задължителност да се изпълни волята на говорещия (Ницолова 2000: 162). В ситуации на военна команда, на предписания, на преднамерено грубо обръщение към адресата учтивите формулировки са неподходящи, а в други ситуации на речевото общуване (напр. молба) – предпочитани. Редуцираните подбудителни конструкции се употребяват в по-динамични и емоционално наситени ситуации, когато говорещият изисква по-бърза реакция от страна на адресата, или пък, поради възмущение, не е в състояние да даде явен израз на искането си. Срв.: (*Яхнаха конете, околийският изкомандува:*) – **Напред!** (АК, 124) – (*Felszöktek a nyeregbe, a főszolgabíró elrikkantja magát:*) – **Előre!** (158); (*Trudika Miklós háta mögé mászott a heverőn, és csattanósan hátba vágta:*) – **Trudi... vége. Vé-ge** – *szólt rá Ildikó.* (JA, 342) – (*Трудика се качи на канаето зад Миклош и силно го плясна по гърба:*) – **Труди... край. Кра-ай – скара ѝ се Илдикó.** (62); **Rendőrség! Gyilkos, gyilkos!** (KD, 443) – **Полиция! Убиец, убиец!** (178).

С оглед на това, че някои граматични структури, изрази и жестове, допустими в разговор между близки и приятели, са неприемливи при официални отношения между събеседниците, говорещият трябва внимателно да избере формата на изказването си, като се съобрази със стилистичните характеристики на отделните изразни средства. Стилистичната диференциация позволява да се постигнат най-тънки нюанси на комуникативното намерение в зависимост от избрания начин на езиково общуване: официален, неформален, фамилиарен, жаргонен.

Важно значение при избора на формална опора, която да е адекватна в дадената ситуация на общуване, имат социални и ситуативни фактори като необходимост на говорещия, възможности на адресата, характер на речевата ситуация (официална, неутрална, не принудена), връзка между комуникантите

(неутрална, отношения на равнопоставеност или подчиненост) и степен на близост между тях, еднаквост или различие по възраст, пол, образование, професия и т.н.

В зависимост от това дали се обръща към равнопоставен, висше- или нисшестоящ, към познат или непознат, към възрастен или дете говорещият дава различен словесен израз на комуникативното си намерение. Срв.: [дете към възрастен:] – *Tessék eladni nekem ezt a gyertyát.* (SF, 76) – *Моля ви се, дайте ми тая свещ!* (37); – *Хей, момче, я дай тука „Свободно слово“!* (АК, 99) – *Hé, fiú, hozd ide a Szvobodno szlovót!* (123); *Tanár úr, még nem tetszett beírni a hiányzókat.* (MZs, 161) – *Още не сте вписали отсъствията, господин учителю!* (134); *Ne tessék tűzbe jönni, őrnagy úr!* (JM, 151) – *Не се горещете, господин майор!* (206).

Между говорещия и адресата се създават два типа отношения – със социален характер и с емоционално-експресивен характер, – които по различен начин рефлектират върху формата и съдържанието на употребения изказ.

Отношенията със социален характер отразяват социалната дистанция между комуникантите (обществена позиция, авторитет, степен на познанство, възраст, начин на общуване) и зависят от есктралингвистични фактори.

Емоционално-експресивните отношения характеризират преди всичко речевото поведение на самия говорещ, отразяват неговото емоционално състояние (дали говори грубо, рязко или учтиво, деликатно) или отношението му към събеседника (уважение, дистанцираност, пренебрежение, ирония и т.н.). Този тип отношения между говорещ и адресат се създават в момента на общуването и обикновено се експлицират. Срв.: *Menjen a lépcsőhöz! Nem hallja! Menjen már!* (SF, 269) – *Отивайте до стълбата! Глух ли сте бре! Хайде, тръгвайте!* (121); *Elmenj már, te!* (SF, 156) – *Хю де, да се махаш оттам!* (69); *Dühösen kiáltott rá a vezér: Mit báméskodol itten?! Vidd a zászlót a helyére!* (MF, 147) – *Главатарят му кресна сърдито: – Какво си зяпнал! Занеси знамето на мястото!* (111); *Напразно го подканваше настойчиво и нежно: – Яж, Балкан, яж, братко!* (ЙЙ, 98) – *Hiába szölongatta, biztatta kedveskedve: – Nesze, Balkán, egyél, öreg fickó!* (202); *Ne hasonlíts magadhoz, jó! – sziszegte Ildikó.* (JA, 370) – *Само не ме сравнявай със себе си, ясно ли ти е?! – изсъска Илдико.* (84); *Miklós kám, pici életem, most ne aludjálj.* (JA, 322) – *Миклошка, мъничето ми, недей да дремеш.* (45); *Я си обърши носленцето! – занежнички Гедрос.* (АК, 128) – *Töröld meg szépen a nózidat! – pipeskedik Gedrosz.* (АК, 164).

Взаимоотношенията между комуникантите и социалната дистанция между тях определят структурния вариант, който говорещият избира (напр. учтива формулировка, неутрална или емоционално-експресивна конструкция и т.н.), за да реализира комуникативното си намерение. В зависимост от избо-

ра говорещият може да се представи като учтив, внимателен, фамилиарен, безцеремонен или груб спрямо адресата. Изборът може да се прояви в отказ от някои езикови средства и синтактични конструкции за сметка на други, чрез които се постига по-голяма експресивност и емоционалност. Напр. с особена строгост и емоционален заряд в български се отличава забраната, изразена с конструкцията *да + не + перфектна глаголна форма*, тъй като темпоралното значение на перфекта влиза в противоречие с темпоралното значение на контекста: *Да не си ми стъпил в къщата!* (ИЙ, 318) – *Be ne tedd a lábadat a házba!* (104). Тази конструкция звучи по-строго, понякога дори грубо, в сравнение с отрицателните императивни форми (срв. *Не ми стъпвай в къщата!*) и обикновено в нея се съдържа и допълнителен нюанс на „заплаха за наказание“ (Пашов 1999: 288). Тъй като в унгарски липсва изоморфно средство, по-голямата категоричност на забраната е предадена чрез словореда.

Трябва обаче да отбележим, че колкото по-експресивен е изразът, толкова по-често неговата употреба, макар и отговаряща на изискванията за точна и изразителна реч, може да се окаже неуместна, да се квалифицира като проява на ниска социална интелигентност.

Самото емоционално съдържание може да бъде с различна интензивност, индикирана от лексиката, прозодиката, словореда, някои частици и междуметия (Péter 1991: 125–226; Лесничкова 2004: 187–217). При това езиково изразената интензивност невинаги съвпада с действителната степен на интензивност на съответния изказ. Несъответствието е толкова по-отчетливо, колкото повече взаимоотношенията между комуникантите се регулират от социални норми, които са свързани с културата и определят кое вербално поведение е неприемливо в дадена ситуация.

Стратегията за учтивост, в основата на която стои уважението към събеседника и в частност – ненамесата в сферата на неговите действия, е насочена към смекчаване на категоричността на казаното. Вежливото отношение се сигнализира от семантиката на обръщението, от употребата на условно наклонение, на етикетни формулировки и т.н.

По-голяма учтивост при оформяне на заповеди в официален стил се постига и чрез употребата на безлични форми вместо на императивни. Срв.: *Внесете сумата в тридневен срок. ~ Сумата (трябва) да се внесе в тридневен срок. – Fizesse be az összeget három napon belül. ~ Három napon belül be kell fizetni az összeget.* Допълнителният стилистичен ефект на изказите с безлични форми е резултат от факта, че говорещото лице не се ангажира с искането (представя го като обективна необходимост), а само с неговото формулиране.

В стереотипни ситуации, при институционализирани речеви действия, които имат фиксирана структура и лексикален състав, изборът на адекватна

форма се диктува от узуса. Дори съображения за учтивост не се вземат предвид. В тези случаи многообразието от начини за изразяване на дадено значение се свежда до употребата на стандартни конструкции, които функционират почти като устойчиви. Ето защо е изключително важно да се познават обичайните в дадения език синтактични модели при отделните типове комуникативни ситуации. Срв.: *Fűre lépni tilos!* – *Не газу тревата!* *Vigyázat, frissen mázolja!* – *Пази се от боята!* *Futólépés!* – *Бегом марш!* *Igazodj!* – *Равнис!*

За изразяване на забрана на обществени места в унгарски обикновено се употребява конструкцията *tilos* + инфинитив (*Tilos behajtani!* *Tilos dohányozni!* *Tilos parkolni!* *Az ajtónak támaszkodni tilos!*) или нейният вътрешно-езиков еквивалент *tilos* + отглаголно съществително име (*Tilos a behajtás!* *Tilos a dohányzás!*), а в български преобладават отрицателните императивни изкази (*Не се облягай на вратите!* *Не газете тревата!*) и конструкциите със страдателни причастия, в които подбудата е експлицирана чрез формата на специализирания за изразяване на забрана глагол (*Пушенето забранено!* *Паркирането забранено!* *Вход забранен!*).

В унгарските текстове, съдържащи инструкция, доминират хоноративните императивни форми за 3 л., поради което на препоръчаното действие е присъща по-голяма насоченост, въпреки анонимността на адресата. В българския език инструкциите се отличават с по-висока степен на обобщеност, тъй като преобладаващият в тях безличен възвратен пасив извежда на преден план самото действие. Срв.: *Tartsa távol a csomagolást kisbabáktól és gyermekektől.* – *Онаковката да се държи далече от бебета и деца. А készülék tisztításához kizárólag puha ruhát használjon. Ne tisztítsa a készüléket durva súrolószerrel.* – *Уредът да се почиства с мека кърпа. Да не се използват абразивни материали.*

Проведеният анализ показва, че избирателността се реализира като резултат от взаимодействието между автоматизирани и съзнателни процеси, между езикови и извънезикови фактори, които в своята съвкупност мотивират употребата на определен вариант от потенциално възможните, като при това в неангажираната или пък в строго регламентираната от определени ситуационни условия реч автоматизираният избор потиска съзнателното търсене на най-адекватното изразно средство.

Предпоставка за уместен избор във всяка речева ситуация е изискването компетентността на говорещия да е базирана на висока социална интелигентност и да обхваща възможно най-голям брой изразни средства от езиковия потенциал за осъществяване на определена комуникативна цел.

ИЛЮСТРАТИВЕН МАТЕРИАЛ

От български автори:

- АК – А. Константинов, *Бай Ганьо*. София, 1967. Пред. Д. Сонди. Будапеща, 1983.
 ЙЙ – Й. Йовков, *Избрани творби*. София, 1975. Прев. Ш. Кариг. Будапеща, 1980.
 КГ – К. Георгиев, *Съдии на самите себе си*. София, 1991. Прев. П. Юхас. Будапеща, 1981.

От унгарски автори:

- GuT – Т. Дюркович, *Лицева опора*. Будапеща, 1988. Прев. И. Михайлова-Сопкова. сп. *Панорама* (XXIII), № 1, 2003, 70–120.
 JA – А. Йокаи, *Приход-разход*. Будапеща, 1978. Прев. С. Кьосева. Пловдив, 1989.
 KD – Д. Костолани, *Ана Едеш*. Будапеща, 1974. Прев. Н. Атанасова. София, 1973.
 JM – М. Йокаи, *Синовете на човека с каменното сърце*. Будапеща, 1983. Прев. Б. Ников. София, 1972.
 MF – Ф. Молнар, *Момчетата от улица Пал*. Будапеща, 1981. Прев. К. Каменова. София, 1977.
 MZs – Ж. Мориц, *Бъди добър до смърт*. Будапеща, 1961. Прев. П. Миятев. София, 1983.
 SF – Ф. Шанта, *Господ в каруцата*. Будапеща, 1970. Прев. Г. Христозов, Г. Шоршич, Н. Илиева. Пловдив, 1981.
 SzI – И. Сас, *Елате довечера в девет*. Будапеща, 1987. Прев. Г. Христозов. София, 1980.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванова, К. – Ницолова, Р. 1995, *Ние, говорещите хора*. София: УИ „Св. Кл. Охридски“.
 Лесничкова, Л. 2004, *Стратегии за подбудителност в унгарски и български*. София: ИТУ.
 Ницолова, Р. 2000, За състава на да-изреченията в български. В: Й. Тишева, Г. Колев (състав.) *Едно поколение български езиковеди*. София: УИ „Св. Кл. Охридски“, 161–169.
 Пашов, П. 1999, *Българска граматика*. София: ИК „Хермес“.
 Станева, Х. 2002, *Речник по българска стилистика*. Пловдив: ИК „Хермес“.
 Balázs, G. 2002, *Nyelvhelyességi lexikon*. Budapest: Corvina.
 Bańcerowski, J. 2000, *A nyelv és a nyelvi kommunikáció alapkérdései*. Budapest: ELTE.
 Grétsy, L. – Kemény, G. (szerk.) 1996, *Nyelvművelő kézikönyvtár*. Budapest: Auktor.
 Nyomárkay, I. 1998, A nyelvhasználat udvariassági stratégiái. *Magyar Nyelvőr* 122, 277–283.
 Péter, M. 1991, *A nyelvi érzelm kifejezés eszközei és módjai*. Budapest: Tankönyvkiadó.

ХАРАКТЕРИСТИКА НА СЪЩЕСТВИТЕЛНИТЕ ИМЕНА ВЪВ ВАТИКАНСКОТО ЕВАНГЕЛИЕ

Хенриета Майорош

(Majoros Henrietta, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
H-6722, Szeged, Egyetem u. 2.)

Ватиканското евангелие е един от най-старите кирилски старобългарски паметници, който произхожда от XI в.

Ръкописът е гръцко четириевангелие, то е палимпсест, писано е на вече използван пергамент, на който гръцкият текст е нанесен върху извънредно ценен кирилски паметник и частично го е покрил. Фрагменти от първичния оригинален текст се виждат в междуредията на вторичния текст и могат да бъдат прочетени в мнозинство от случаите. Специалистите предполагат, че паметникът съдържа старобългарски превод на една от най-често употребяваните богослужебни книги – изборното евангелие (евангелие-апракос).

Старобългарската част на палимпсеста – според мнението на изследователите – вероятно е възникнала в източнобългарска област във втората половина на X в. или в началото на XI в. (Schaecken–Birnbbaum 1999: 102).

Евангелието сега е пазено във Ватиканската апостолическа библиотека под сигнатура Vat. Gr. 2502 и от това местонахождение произлиза названието на палимпсеста.

През 1982 г. евангелието е открито от Т. Кръстанов, който случайно го намира в списъка на гръцките паметници, направен и съставен от Г.П. Николопулос.

Ръкописът има следните издания: Първото издание на паметника също е свързано с името на Т. Кръстанов, който написал научно съобщение (1982). По-подробно старобългарският текст в Cod. Vat. gr. 2502 е представен от А. Джурова, К. Станчев и М. Япунджич (1985: 196–201) вече е снабден с три снимки, и в статия на Кръстанов (1988). Окончателният поправен и допълнен текст е от Т. Кръстанов, А-М. Тотоманова и И. Добрев (1996) – без никакъв критически апарат, факсимиле и речник. Изданието се състои от 93 фолиа, но при ранните описания на Кръстанов и Джурова се срещат 99 фолиа (Schaecken–Birnbbaum 1999: 102).

В нашето проучване правим опит за представяне на морфологическите процеси в системата на съществителните имена, където най-важните са взаимодействието между старите основи, т.е. появяването на нови окончания при съществителните имена под влияние на други основи, преходът на взаи-

модействието между меки и твърди варианти на основите, т.е. тяхната неутрализация в определени склонитбени типове – и подкрепата на твърденията с примери от паметника.

I.

В изследването ни на първо място е морфологическият анализ на окончанията. От гледище на фонетиката ние се спираме само на някои обстоятелства (в случай, че имат морфологически последици), тъй като те дават сведения за мястото и датата на възникването на паметника.

1. Еровите гласни

Ватиканското евангелие е двуеров паметник, тъй като притежава и двете ерови гласни – и палатална и веларна. В изданието на евангелието със знака ✱ се отбелязва еровата гласна в случаи, когато не може да се установи сигурно дали ерът е **ъ** или **ь**.

Липсата на еровите гласни в твърде малко случаи се наблюдава, главно при няколко думи от чужд произход **маннѣ** (17.10), **г[о]гота** (104.13), **норд[анѣ]** (152.27), и в нова затворена сричка **[ѣ]конникѣ** (58.12), **поклонници** (24.9).

В мнозинството от случаите еровите гласни не изпадат, а се съхраняват в слаба позиция. В корена **кънигахъ** (150.29), **притѣчахъ** (64.26–27), **притѣчѣ** (28.8, 60.12), **дѣр[и]** (11.7), **тъма** (153.28), **пѣтица** (64.17); в основата **любѣви** (174.10), **жрънѣвахъ** (60.1); в суфикса **конѣнина** (57.23), **слоужѣбѣ** (162.2), **тъмѣници** (74.26), **старѣци** (101.5), **наставѣникѣ** (55.7–8), **мѣнож[ѣ]тко** (143. 20–21).

Понякога еровете се запазват без изменение и в силна позиция и не извършват изясняване. В корена **сънѣмища** (33.18), **дѣ[нѣ]** (2.24), **кѣпѣ** (146.22), **[дѣ]ърѣ[ми]** (81.21); в суфикса **кѣнѣца** (104.3), **сѣчѣца** (45.13), **стоудѣнѣц[ѣ]** (23.8), **тъмѣници** (74.26).

Покрай граматическите „правилни“ форми се срещат и примери за смесване на еровите гласни, които са се приближили постепенно един към друг. (Това става най-често при слабите ерове, тъй като те не са се произнасяли в говоримата реч и е било доста трудно да се подкрепя пълна последователност в тяхното правилно писане, и така поради приспособяването към средата настъпва отслабването им.)

Примери за смесване **ъ > ь** са: в корена **пѣтица** (64.17), **трѣжнищѣхъ** (54.25), **къни[гѣ]** (159.2–3), **лѣжѣ** (26.15); в основата **любѣви** (174.8), **жрънѣвахъ** (60.1); в окончанието **[кѣ]ч[ѣ]рѣхъ** (54.23), **исъ** (12.6), **бгъ** (26.9), **чѣкъ** (16.19), **скѣтъ** (41.11).

Примери за смесване $\text{ъ} > \text{ъ}$ са: в корена [дѣ]ѣрѣ[ми] (81.21), тѣма (9.11, 37.21), сѣнѣмѣ (155.22); в окончанието любокѣ (170.2), денѣми (101.11), идѣ (149.18), пажитѣ (28.17), на пѣтѣ (132.8), цѣсарѣ (185.12).

Наблюдава се превръщане на силните ерове в пълноценни гласни. Примери за изясняване на силен ъ в о : има само (в тези три примера) в основата любокѣ (170.2), работѣ (49.5), редосѣ (59.11).

Примери за изясняване на силен ъ в е : има (вече твърде по-често) в корена дѣнѣ (90.17), денѣми (101.11); в суфикса [цѣ]сарес[тѣни] (105.20), црестѣни (155.4), владѣчесѣни (150.14); в окончанието дѣнехѣ (162.3), людем[ѣ] (163.10–11), словесемѣ (161.22), небесехѣ (76.9–10, 118.25, 130.2), [не]сехѣ (41.17), словесехѣ (160.4), [дѣ]ремѣ (4.21–22), двѣрехѣ (95.12), в[е]щехѣ (159.29), людахѣ (46.18), [цѣ]слехѣ (143.19).

2. Носовите гласни

Евангелието притежава носови гласни ѡ , ѣ , ѡ , както и избобилствува с тези знаци ѡ , ѡ , ѡ , ѡ . Употребата на букви за носови гласни етимологично е сравнително правилна, затова не се наблюдава редуването им с пълноценни гласни и липсва взаимното им смесване (с изключение на един пример).

В изданието със знака ѡ се отбелязва малката носовка, когато не личи, дали тя е ѡ , ѡ , ѡ или ѡ : чѡстѣ (72.4), чѡдѣ (146.23), имѡ (129.26), вѣмѡ (53.5), жѣѡ[тѣ] (91.12).

Знакът ѡ се среща в края на думата след съгласна, (а по-рядко след гласна): до [...] дѡдѡ (29.12), оѡцѡ (28.1), вѣмѡ (50.4), вѣ имѡ (57.17), и в началото и вътре в думата между две съгласни сѣтажаниѣ (51.14), пѣнѡцѣ (52.16), вѣ рѡдѡу (54.3).

Знакът ѡ се среща в края на думата след съгласна (а по-рядко след гласна): оѡцѡ (28.5), [мр]ѣжѡ (46.5), вѣмѡ (54.8, 61.1), и в началото и вътре в думата между две съгласни чѡдѡ (48.24), сѡлѡцѣ (52.15).

Знакът ѡ обикновено се пише в края на думата гѡлѡлѡ (41.8), [ѡ]ѡ (56.3), отѣ нѡдѡ (12.17), по-рядко вътре в думата между две съгласни пѡти (50.6) и в началото на думата ѡзѡкъ (57.24). Поради многообразните обозначения на носовите гласни изглежда, че няма последователно употребяемо правило за тяхната употреба.

Има само един пример за смесването на носовките $\text{ѡ} > \text{ѡ}$: при пѡти (50.6, вм. при пѣти), което е много характерна черта за езика на среднобългарските паметници.

Твърде интересна е замяната на ѡ с о при формите на думата сѡбота: сѡботѣ (11.1), сѡбота (32.16), [сѡ]бота (79.4), вѣ сѡботѣ (20.9, 11, 14, 78.18–19), сѡбот[ѣ] (79.9), вѣ единѣ сѡботѣ (11.4–5). Такива форми се срещат в най-старите старобългарски паметници, затова тук не става дума за редуването на

носови гласни, а възприемането им е станало вероятно в различни форми и в нееднакви времена.

3. Гласна **ѣ**

Паметникът запазва опозиция между **ѣ** и **и**, употребата им етимологично е правилна и не се наблюдават примери за тяхното смесване: **секѣра** (150.3, 151.20), **владѣкаѣ** [ѣ] (145.2), **отѣ рѣбоу** (27.2), **милостѣни** (76.18), **поустѣниѣ** (154.20), **обѣчан** (181.20), **сѣнѣ** (131.6), **мѣслиѣ** (165.2), **[па]стѣри** (143.7).

II.

След кратък анализ на фонетиката, да преминем към представяне на гореспоменатите важни морфологични процеси, което извършваме според склонитбени типове.

1. Съществителни имена със стара -ѣ- основа

В им. п. ед. ч. при съществителните имена от мъжки род в няколко случая покрай окончанието **-ѣ** се среща окончание **-ѣ**: **нѣ бѣ ма посѣла** (26.9), **ниамѣ и вѣси нѣдѣа** (149.20), **от[ѣѣѣ]ща нѣанѣ** (3.5), **гѣа нѣмоу нѣа** (12.5–6), **чѣа рекѣ** (16.19), **дѣа нѣамѣ сѣѣѣ** (44.11). Предполага се, че тук малък ер не е окончанието (т.е. флексията е нулева морфема), не притежава морфологична функция, а вече е графичен знак, който означава само краесловие или края на сричката.

Трябва да се обърне внимание на формите **работѣ** (49.5) и **родѣа** (59.11), които са резултат от съединението на съществително име и показателно местоимение, т.е. имат фонетичен произход. Явлението свидетелствува за това, че крайните ерови гласни в думите **работѣ** и **родѣа** са в слаба позиция, но когато думите са свързани в единен комплекс с последващите енклитични местоимения **тѣ** и **сѣ** преминават в силна позиция и се развива вокализация **-ѣ > -ѣ**. Известни са подобни примери от Зогр., Мар. и Асс. Ев. (Ван-Вейк 1957: 142; Кульбакинъ 1915: 31). Това е характерно западнобългарско явление, но то съществува и в такива паметници, които са смятани за източнобългарски от учените.

Във вин. п. ед. ч. се намират няколко подобни форми, както и в им. п. ед. ч., при които има **-ѣ** вместо **-ѣ**: **ѣѣ нѣамѣ** (1.24), **обѣѣа мон оуготоваѣѣ** (55.20).

В дат. п. ед. ч. доминира окончанието от -ѣ- основи, но покрай нормативните форми се оказва влияние от имената на стари -ѣ- основи: **[is]ѣн** (105.19, 108.12), **ѣѣн** (90.11, вм. **ѣѣу**), **нѣдоѣн** (168.6), **нѣ[до]ѣн** (167.21, вм. **нѣдоѣу**), **петро[ѣн]** (102.8). По отношение на тази промяна се забелязва, че то е

сравнително старо развитие (Ван-Вейк 1957: 243), което често има и в старобългарските паметници, напр., *богови* в Зогр., Мар., Асс. Ев., *рабоки* в Супр сб. Окончанието *-ови* получава широко разпространение (вм. *-ову*) при собствени имена (особено гръцки), при имена, означаващи лица, сакра номина, при названия на персонафицирани предмети. Замяната следователно е много характерна за категорията одушевеност (Вайан 1952: 113).

В твор. п. ед. ч. са интересни формите: *кѣзѣпи гласѣмъ велинѣмъ* (62.17, вм. *гласомъ*) и *молитѣомъ* и *постѣ[мъ]* (47.3, вм. *постомъ*). Трудно е да се твърди, дали тук поради малък брой примери, при окончанието *-ѣмъ* вместо *-омъ* може да се говори за влиянието на *-й-* основи или не (Ван-Вейк 1957: 242–243). Тези форми са характерни повече за западните и източните славянски процеси, но има и спорадични примери в старобългарски паметници като, напр., *гласѣмъ* в Мар. и в Зогр. Ев., но те са много редки. Предполага се, че *-ѣ* се явява под влиянието на формите от именителен и винителен падеж. Според мнението на Вайан (1952: 109) при някои редки примери в старобългарските паметници може да счита не като резултат на графическо смесване на *ѣ* и *о* (в силна позиция), а тук се явява традицията от западния църкославянски език.

В мест. п. ед. ч. освен нормативни съществителни имена се среща и формата *каменъ еже не кѣ радѣу сътворишѣ* (54.3, вм. *кѣ радѣ*), която свидетелствува за влиянието на *-й-* основи и също не е чужда на старобългарските паметници, напр., *радѣу* в Асс. Ев. и *радѣу* в Супр. сб. (Ван-Вейк 1957: 244; Вайан 1952: 111).

В род. п. мн. ч. освен граматическо „правилни“ форми като *отѣ влѣхѣ* (146.13) се наблюдава *кѣ отѣданіе грѣхѣ[ѣ]* (98.11, вм. *грѣхѣ*), където се осъществява отново проникване на окончанието на *-й-* основи и пак често имат широко разпространение в класическите евангелия, напр., *грѣхѣ* в Мар., Асс., Зогр. Ев., Сав. кн., Супр. сб.

2. Съществителни имена със стара *-jǫ-* основа

В им. п. ед. ч. не се наблюдава особено отклонение от „правилните“ форми.

В род.-вин. п. ед. ч. вместо оригиналното окончание *-а* има няколко пъти *-ѣ*: *имѣше же [тѣ]гда съвѣ[ѣ]зѣ* (184.16), *единого [сѣвѣ]зѣ* (184.15), *р[оди] давид[а] црѣ* (138.24), *[сѣ]твор[ѣ]тъ црѣ* (9.7), *роди зоровавелѣ* (139.11), *люб[ѣ]аше лазарѣ* (89.12), *натананѣ* (79.25–26, 80.5, 135.10). Фактът, че в глаголически текстове се намира *ѣ* на мястото на *j + а* свидетелствува за отворено произношение на *ѣ*.

В род. п. ед. ч. се наблюдава подобно явление, пише се *-ѣ* вместо оригиналното *-а*: в мъжки род *владѣчѣсвиѣ тикерѣи кесарѣ* (150.15), *о десноѣ*

ските паметници това явление е доста старо и е едно от първите доказателства за взаимодействието между старите *-й-* и *-ѡ-* основи и замяната на флексията, следователно се явява характерна за категорията одушевеност.

В род. п. ед. ч. оригиналните форми като *евангелѣнѣ [і]сѹхѣ снѹ ежнѣ* (147.15), *домоу н[з]лѣка* (61.12), *с[ъ] оного полоу* (117.11) са много по-малко, отколкото са формите, намиращи се под влияние на *-ѡ-* основи: *оуслышѣтъ гласъ снѣ* (6.19), *[з]наменіе снѣ члѣа* (95.1), *к[ъ]ниг[ы] р[одѣства] ісѹхѣ с[на]* [дѣ]д[ѣа] снѣ (138.13). В род. п. ед. ч. формата *сѹноу* е извънредно рядка, отбелязана е само два пъти в Сав. кн. (Вайан 1952: 110), в останалите случаи се намира *сѹна*.

В дат. п. ед. ч. доминира флексията на *-ѡ-* основи и не може да се намери нито един единствен пример за оригиналното окончание: *снѹ своѹмоу* (55.16 *вм. сѹновѣ*), *къ нѡноу захаринноу снѹ* (150.24–25), *подобѣ[етъ] снѹ члѡвѣчьскоумоу* (153.23), *п[одо]бѣетъ снѹ члѡу* (37.17), *подобѣ[етъ] [с]ноу [члѡ]ю* (111.22). В старобългарските паметници също редки форми са оригиналните флексии, напр., в Мар., Зогр., Асс. Ев., Супр. сб., повечето се срещат с форма *сѹноу* (Ван-Вейк 1957: 242).

В мест. п. ед. ч. се срещат само нормативни форми: *къ домоу* (170.16), *к[ъ] домѣ* (157.10), *о снѹ* (171.20). Последният пример е пак изключително много рядък, напр., има го в Асс., Мар. Ев. и Сав. кн., но в Зогр. Ев. се намира *снѣ* (Вайан 1952: 110).

В зват. п. ед. ч. се срещат форми като *помилѹ[и] [нѹ] гнѣ снѣ* (50.9), *носифѣ снѣ* (140.3, *вм. снѹ*) под влияние на *-ѡ-* основи, което също е старо явление в старобългарските паметници. В този случай също рядка е оригиналната форма *снѹ* (напр., в Супр. сб.) и обикновено формата *снѣ* е по-известна (Вайан 1952: 110).

В им. п. мн. ч. един път се наблюдава *снѣ стѹ бѣдѣ[тѣ]* (37.24, под влияние на *-ѡ-* основи или може да означава форма *с[ъ]новѣ*, която е резултат на контаминация на флексията *-и* и *-ѡѣ* (Вайан 1952, 111)) заедно с нормативните форми *с[ъ]новѣ[ѣ]* *[сѣ]тѹ бѣдетѣ* (38.2), *снѡѣ* (154.2).

Във вин. п. дв. ч. формата *ѡа снѣ зѣкедѣѡѣ* (99.3, *вм. снѹ*) показва влиянието на *-ѡ-* основи и новата форма *снѣ* е пак по-честа в старобългарските паметници, напр., *с[ъ]нѹ* се среща в Мар., Асс. Ев., но повечето е *снѣ* в Зогр., Мар., Асс. Ев. и Сав. кн.

5. Съществителни имена със стара *-й-* основа

5.1. Женски род

В им. п. ед. ч. се срещат само нормативни окончания, но интересна е формата *азъ ѹсмѣ дѣѡри* (28.15) и паралелната употреба *азъ ѹсмѣ дѣѡрѣ* (28.12).

В твор. п. мн. ч. се среща процес $\lambda > \epsilon$ приде [же ѿз двѣ]ремѣ заткореномѣ (4.21–22), където интересното е, че съществителното име не се съгласува с причастието по род, а това явление е повече характерна черта на (старо и) среднобългарските паметници.

В мест. п. мн. ч. има отклонение от граматическите нормативни форми само от гледище на фонетиката. Отново се намират примери с изясняване на силен λ в ϵ : **кѣ** **к**[ϵ]шехѣ (159.29), при **дѣ**рехѣ (95.12), [**кѣ** **ѿ**]слехѣ (143.19), те са значителни, защото има само един оригинален пример **кѣ** запоеѣдехѣ (160.10). Вече се срещат такива примери не само в класическите старобългарски паметници, където се осъществява преход на силен λ в ϵ , но се намират и в Сав. кн. и във втората част на Супр. сб., където тази промяна няма място (Ван-Вейк 1957: 247). В хипотезата си Вайан предполага, че старобългарските паметници доста добре съхраняват оригиналните флексии **ѿмѣ**, **ѿмѣ**, **ѿхѣ** в собствения си склонителен тип, затова окончанията **-ѿмѣ**, **-ѿмѣ**, **-ѿхѣ** не са резултат на фонетичните процеси, а могат да произлизат от **-ѿ**-основи, от склонителен тип **мѣжѣ** (Вайан 1952: 121).

5.2. Мъжки род

В род. п. ед. ч. на мястото на оригиналното окончание **-и** под влиянието на **-ѿ**-основи се намира окончанието **-ѣ**: **гѣ** **гѣ** **ѿ** (58.15), **дѣ** **омѣ** **гѣ** (59.1, вм. **отѣ** **ги** 164.21). Съществителното име **господѣ** (**гѣ**) притежава сложно склонение, затова се колебае между стари **-ѣ**- и **-ѿ**-основи. Оригиналното окончание **-и** се намира в старобългарските евангелия, напр., **господи** в Мар., Зогр. Ев., но чести форми са **господѣ** (в Зогр. Ев., Син. пс.) и твърдия си вариант **господа** (Вайан 1952: 123).

В дат. п. ед. ч. отново се открива влиянието на **-ѿ**-основи: **хѣ** **калѣ** **кѣ** **здакѣ** **шю** **гю** (10.1), **гю** **моѣ** **моу** (59.2, вм. **ги**). Употребата на „правилната“ форма **господи** е много рядка (напр., в Супр., Клоц. сб.), обикновено се срещат окончанията на **-ѿ**- и **-ѿ**-основи **господю** и **господоу** (в Мар., Зогр., Асс. Ев., Сав. кн. и др.) и особена форма **господеви** (в Супр. сб.) (Вайан 1952: 123).

В мест. п. ед. ч. при формата **при** **пѣ** **ти** (50.6, вм. **при** **пѣ** **ти** 65.3) се наблюдава промяна на носовите гласни.

В мест. п. мн. ч. се наблюдава промяна $\lambda > \epsilon$, както и при женски род от **-ѣ**-основи: **кѣ** **людехѣ** (46.18).

6. Съществителни имена със стара **-ѣ**-основа

В им. п. ед. ч. няма отклонение от „правилните“ форми: **люкѣ** (58.9).

Във вин. п. ед. ч. при конструкцията **ѿще** **любокѣ** **имате** (170.2) във формата **любокѣ** (вм. **любѣкѣ**) се вижда фонетичната промяна на силен λ в ϵ .

В мест. п. ед. ч. няма нормативни оригинални форми, наблюдават се само окончанията от **-ѣ**-основи: **кѣ** [**цѣ**] **кѣ** (20.22), **кѣ** **цѣ** **кѣ** (29.10), **кѣ** **цѣ** **кѣ**

(161.26), **въ** [цркв]и (120.16), **въ** цркъѣки (92.24, вм. цркъѣке), **въ** любѣки (174.10), **въ** любѣки (174.8, вм. любѣке), които са чести явления и в други старобългарски паметници (напр., Асс. Ев., Супр., Клоц. сб.; само **-(в)и** (**-ки**) се намира в Зогр., Мар. Ев., Сав. кн., флексията **-ке** евангелиите предпочитат след предлога **въ**) (Вайан 1952: 138; Ван-Вейк 1957: 258).

7. Съществителни имена със стари консонантни основи

Известно е, че имената със стари консонантни основи в старобългарски език се противопоставят най-малко на промените, те рано започват да възприемат окончанията при взаимодействие на други основи. Затова отклоненията от граматическите норми са най-забележими именно при тези основи.

7.1. **-и** (**-мен-**, **-ен-**) основи (мъжки род)

В им. п. ед. ч. няма особени различия от нормите, с изключение на случая, където винителен падеж се появява като именителен **отѣв[аленъ бѣ к]аменъ** (11.8) вместо очакваната форма **камъи**. Тази оригинална форма се среща само в Супр. сб., а в останалите други паметници има **каменъ** както във винителен, така и в именителен падеж (Ван-Вейк 1957: 259–260).

В мест. п. ед. ч. покрай „правилните“ окончания се срещат такива, които са доказателства за действието на **-й**-основи: **на камени** (64.18, вм. **на камене** 57.7).

В им. п. мн. ч. вместо очакваното окончание се срещат форми като **испѣнниша са дѣниѣ** (162.10), **дѣниѣ** (162.2), **прѣкратни са дѣниѣ** (94.12, вм. **дѣне**, но тази форма е доста рядка, има я само в Мар. Ев. и три пъти в Зогр. Ев. (Вайан 1952: 127)), която е резултат на влиянието на **-й**-основи (мъжки род).

В род. п. мн. ч. отново старите **-й**-основи (мъжки род) оказват влияние върху **-и**-основи: **отѣ д[ъ]нини** (155.6, вм. **дѣнъ**) и тази промяна също е известна от старобългарските паметници (Мар., Зогр., Асс. Ев.). Последната форма **дѣнъ** се съхранява повече след употреба на числителни имена (Вайан 1952: 128; Diels 1932: 164).

В мест. п. мн. ч. се среща формата **по снѣхъ же дѣнехъ** (156.14), където се наблюдава преходът **к > е**.

7.2. **-и** (**-мен-**, **-ен-**) основи (среден род)

В род. п. ед. ч. при съществителните имена в този склонителен тип има само правилни окончания: **имене моего ради** (44.25), **сѣмене своего** (64.15), както и при класическите паметници, напр., в Зогр., Асс. Ев. и Сав. кн. (Вайан 1952: 132).

В мест. п. ед. ч. се среща само новата флексия **-и**: **о моему имени** (142.7, вм. **имене**).

7.3. *-t- (-ent-, -et) основи (среден род)*

В мест. п. ед. ч. се среща окончанието *-и*, което произхожда от *-й-* основи: [исп]ыт^ант^е н^азкѣстѣно отрочати (145.9, в.м. отрочате). От формата вероятно липсва предлог *е*, а от друга страна съществува и в други паметници *шедыше испытанте н^азкѣстѣно о отрочати* (в Сав. кн., в Асс. Ев.) и *о отрочате* (в Остр. Ев.) (Slovník Jazyka Staroslověnského 1966: 585).

7.4. *-s- (-os-/ -es-) основи (среден род)*

Във вин. п. ед. ч. при конструкцията *проси тѣла н^овоа* (10.17, в.м. тѣлесе) вместо оригиналното окончание от стари *-s-* основи се явява окончанието на род.-вин. п. ед. ч. от стари *-ѡ-* основи (среден род от типа *село*), но тази нова форма е по-честа в паметниците.

В род. п. ед. ч., макар че доминират оригиналните форми, се употребяват нови флексии под аналогичното влияние на *-й-* основи: *слоу[гы] словеси* (159.31, в.м. *словесе* 26.11), *сѣ неб[е]си и силы н^овыа* (94.29, в.м. *небесе* 153.7, *сѣ небесе* 37.4, *сѣ небесе* 17.10). В старобългарските паметници са разделени според употребата на флексията. Само оригиналното окончание *-ѣ* притежават, напр., Зогр., Мар. Ев., Клоц. сб., Сав. Кн., а в Асс. Ев. пак така, но един път се намира нова флексия *-и*, значи тя е много рядка (Ван-Вейк 1957: 263).

Има и пример, който показва действието на стари *-ѡ-* основи (среден род): *при корени дръва* (150.4, и не *дрѣвесе*, както в Супр. сб.), но тази нова форма е по-разпространена в паметниците (Вайан 1952: 134).

В твор. п. ед. ч. формата *областатъ словоу* (52.3–4, в.м. *словесу*) свидетелствува за действието на *-ѡ-* основи. В повечето от случаите в старобългарските ръкописи не се среща с оригиналното окончание на твор. п. ед. ч. със стари *-s-* основи, напр., в Мар. Ев., Клоц. сб.

В мест. п. ед. ч. се наблюдава само новото окончание *-и*: *на н^оси* (77.11), *н^оси* (95.1, в.м. *небесе*), *о словеси* (48.18, 20, в.м. *словесе*).

При формите *къ оцѣ твоюу* (45.11), *къ оцѣ твоюу[ъ]* (45.14, а не *къ очесе*, както в Зогр. Ев.) се налага действието на *-ѡ-* основи, които се срещат вече в Мар., Зогр. и Асс. Ев. В ед. ч. освен мест. п. паметникът притежава форми само в род. п., но там доминира флексията от стара *-s-* основи: *н^а очесе* (45.13), *н^а оче[с]е* (45.45).

В дат. п. мн. ч. се наблюдава вокализация на силния малък ер *ъ > ъ*: *[кѣ]р[ока] словесуу мон[мѣ]* (161.22, а не *словесуу*, но този пример се наблюдава само в Супр. сб.) (Вайан 1952: 134).

В мест. п. мн. ч. отново се срещат подобни примери, като: *на небесехъ* (76.9–10, 118.25, 130.2, 141.12), *на не[бе]сехъ* (141.4), *на [не]сехъ* (41.17), *на небехъ* (42.19), *словесехъ* (160.4). Интересно е, че в последните две граматически категории напълно липсват оригинални окончания. Оригиналната

флексия **-хъ** се намира само в Сав. кн. (три примера) и в Зогр. Ев. (четири примера), но в другите паметници преобладава окончанието **-ехъ**, и то става обобщено. Флексията **-амъ**, **-амъ**, **-хъ** твор. п. ед. ч., дат. п. мн. ч. и мест. п. мн. ч. (при съществителните имена със стари консонантни основи) в старобългарските паметници, в които силният **ъ** прехождат в **е**, се явяват окончанията **-емъ**, **-емъ**, **-ехъ**. От друга страна в паметниците, в които не са известни тези промени, но съдържат все пак също такива форми (напр., Сав. кн.) трябва да се търси друга причина. Затова може да се предполага, че там става дума не за фонетично развитие, а за действието на стара **-jǫ-** основа (Кульбакинъ 1915: 64).

7.5. **-r-** (**-ter**) основи (женски род)

В им. п. ед. ч. се срещат само оригиналните форми: **мати** (122.14, 158.17), **мати твоа** (106.11), **дъщи моа** (61.5) както и във вин. п. ед. ч. **любитъ** [...] **матеръ** (44.8, 24).

III.

От анализа на важните морфологични процеси и промени ясно се вижда една определена тенденция към съединение. В системата на съществителните имена ръководният принцип и подробената сила вече не са основите, а граматическите родове. Наблюдава се стремежът към обобщение на флексията. Примерите доказват взаимодействието между различни склонитбени типове (напр., взаимодействие между **-ǫ-** и **-ǫ-** основи, между **-ǫ-** или **-ǫ-/jǫ-** и консонантни основи). Интересно е, че при няколко склонитбени типа доминират оригиналните флексии, но има и случаи, където повечето са нови окончания поради влиянието на друга парадигма, напр., в дат. п. ед. ч. при **-ǫ-** основи **-ǫ/-ǫви**, в род. п. мн. ч. **-ъ/-ǫвъ**; при **-ǫ-** основи в род. п. ед. ч. **-ǫ/-ǫ**; при **-ǫ-** основи в род. п. ед. ч. **-н/-ǫ**; при консонантните основи в род. п. ед. ч. **-е/-н**. Най-интересни са склонитбените типове, където в определени падежи напълно липсват собствените им флексии и притежават само новите окончания от други основи, напр., при **-ǫ-** основи в дат. п. ед. ч. се среща само флексия **-ǫ** (вм. **-ǫви**), в зват. п. ед. ч. **-е** (вм. **-ǫ**); при **-ǫ-** и консонантни основи в мест. п. ед. ч. **-н** (вм. **-е**). Но устойчивостта на падежите против промените и новите флексии не е еднаква в дадения склонитбен тип. Това показва очевидно старата **-s-** основа, където в мест. п. ед. ч. се среща изключително окончанието **-н** (вм. **-е**), но в род. п. ед. ч. се намират и двете флексии, и оригиналната **-е** и новата **-н**. Това означава, че собствените окончания на **-s-** основата започват да изчезват от парадигмата.

Въз основа на гореспоменатите фонетични особености и морфологични промени, може да се направи заключение, че Ватиканското евангелие трябва да се смята за един от най-ранните старобългарски кирилски паметници.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайан, А. 1952, *Руководство по старославянскому языку*. Москва.
- Ван-Вейк, Н. 1957, *История старославянского языка*. Москва.
- Джурова, А. – Станчев, К. – Япунджич, М. 1985, *Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека*. София.
- Кръстанов, Т. 1982, Неизвестен старобългарски ръкопис-палимпсест, вероятно от XI в., във Ватиканската библиотека. *Духовна култура* LXII, № 7.
- Кръстанов, Т. 1988, Ватикански палимпсест Cod. Vat. gr. 2502 (Кирилско кратко изборно евангелие от втората половина на X в.). *Старобългаристика* XII, № 1, 38–66.
- Кръстанов, Т. – Тотоманова, А-М. – Добрев, И. 1996, *Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502*. София.
- Кульбакинъ, С.М. 1915, *Грамматика церковно-славянского языка по древнѣйшимъ памятникамъ*. (Энциклопедія славянской филологіи, вып. 10. Под ред. И.В. Ягича.) Петроградъ.
- Diels, P. 1932, *Altkirchenslavische Grammatik. I. Teil: Grammatik*. Heidelberg.
- Schaeken, J. – Birnbaum, H. 1999, *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern)*. München.
- Slovník Jazyka Staroslověnského. Lexicon Linguae Paleoslavicae*. 1966, Praha.

O PREVODU FRAZEOLGIZAMA S. BABIĆA
U ROMANU *JEDNOUHI* TIBORA DERIJA

Andrea Mešter

(Mester Andrea, H-1082 Budapest, Baross u. 94. II/18.)

Prevođenje frazeologizama predstavlja veliki izazov za prevodioca jer je to, pored prevođenja dijalektizama i zahtevnih funkcionalnih stilova, najteži deo prevodilačkog procesa. Za razliku od gramatičkih konstrukcija, frazeologizmi direktno utiču na stilsku vrednost prevoda koja mora da je u saglasju sa originalom.

Da bi se frazeologizam preveo, potrebno ga je prvo identifikovati u polaznom tekstu što nije uvek lako zbog obilja izraza koji se ponašaju kao frazeologizmi, ali to ipak nisu ustaljene veze, već individualni stilski izraz autora. Zatim počinje potraga za odgovarajućim prevodnim ekvivalentima u ciljnom jeziku, a sa tim dolaze i zamke koje stvara jezička interferencija u prevodiočevoj svesti. Uzimajući u obzir i odlike funkcionalnog stila kome original pripada, prevodilac bira odgovarajući ekvivalent koji može biti frazem ili njegov opisni prevod. U nastavku ćemo prikazati nekoliko pojava koje se u ovom procesu javljaju kod prevoda sa mađarskog na srpski jezik u kratkom romanu Tibora Derija (1979) pod naslovom *Jedno-uhi* (Deri 1991) u prevodu Save Babića.

Pod frazomom podrazumevamo ustaljenu vezu reči čije je značenje više od zbira značenja njenih članova. Ustaljena fraza je neraščlanjiv skup reči od kojih su najmanje dve punoznačne. Uvek u istom obliku, frazem se u rečenici javlja kao njen prost član. Što se tiče termina za pojam kojim se ovde bavimo, u tekstu se pojavljuju naizmenično *frazeologizam*, *frazem*, *frazeološki obrt* i *ustaljena fraza* i smatramo ih potpuno ravnopravnim.

Poćemo analizom **grupe primera** prevodnih ekvivalenata koji u potpunosti ili uz minimalne razlike odgovaraju originalu po gramatičkoj strukturi i leksici, a istovremeno čine frazem koji semantički i stilski odgovara originalnom frazemu. Mada se ovakvi frazemi naizgled lako prevode, videćemo da jezička interferencija može da dovede do stvaranja nepreciznih varijanti.

- (1) Ha egy olasz nem kedvel valakit, *a szemébe mondja* (147)
Ako Talijan nekoga ne voli, *kaže mu to u oči* (9)

I u mađarskom i u srpskom jeziku ovaj frazem znači 'reći kome otvoreno, bez okolišanja, mišljenje o nečemu'. Dakle, prevod je potpuno adekvatan. Isto se odnosi i na sledeće primere:

- (2) véres cafatokban feküdtek az utasok, az *embernek* messziről *felfordult a gyomra* (176)
 svuda naokolo iskidani komadi putnika, sve krvavo, *čoveku se* već iz daleka *prevrne stomak* (35)
- (3) *bal lábbal kelt* (203)
ustao je na levu nogu (58)

U poslednjem primeru zapažamo minimalnu razliku na nivou gramatičke strukture gde umesto instrumental, duhu srpskog jezika više odgovara predložko-padežna konstrukcija (*na* + akuzativ).

Međutim, među analiziranim frazemima u srpskom i mađarskom jeziku mnogo se češće javljaju razlike u leksičkom sastavu frazema što ilustrujemo sledećim primerima, uz potrebne komentare:

- (4) *a szabad ég alatt a parkban fog meghálni* (213)
spavaće pod vedrim nebom (67)

Izrazi u gornjem primeru razlikuju se samo po pridevu koji u mađarskom ima značenje 'slobodan' dok je u srpskom jeziku ustaljen izraz *pod vedrim nebom*. Ova razlika je neznatna, te u značenju frazema ne menja ništa.

Pri analizi frazema u navedenom tekstu susreli smo se i sa primerima u kojima se frazemi leksički razlikuju u dva osnovna konstituenta:

- (5) *Eszem ágában sincs* (216)
Ne pada mi na pamet (70)

Ovde zapažamo da imenica *pamet* odgovara mađarskom *ész*, ali u srpskom frazemu nema reči *ág* 'grana, deo', a umesto glagola *sincs* 'nemati' javlja se glagol *padati*. Mada prevod semantički potpuno odgovara originalu, frazem *ne biti kome na kraj pameti* je po leksičkoj strukturi bliži mađarskom frazemu.

U sledećem primeru takođe zapažamo dve leksičke razlike:

- (6) *majdhogy ott nem hagytam a fogamat* [...] enyhe agyrázkódással megúsztam (155)
 gotovo da *izgubim glavu* [...] prošao sam sa blagim potresom mozga (16)

Umesto *otthagytam* 'ostavio sam' i *fog* 'zub' imamo glagol *izgubiti* i imenicu *glava*. Glagoli su bliski po značenju, dok su imenice zanimljive zbog svoje semantike. U frazemima oba jezika često se javljaju delovi tela, pogotovo glava ili neki njen deo (npr. *zub*) čije se značenje proširuje i znači 'život'. U mađarskom jeziku ovaj frazeologizam ima značenje 'poginuti, umreti', te frazem *izgubiti glavu*

sa značenjem 'ginuti, poginuti' uprkos leksičkim razlikama odgovara slikovitosti frazema iz polaznog jezika.

Moguće su, međutim, interferencije originalnog teksta na prevod čak i u slučajevima kada postoji sličan ekvivalent za dati frazem. Sledeći primeri ilustruju ovu pojavu:

- (7) Egy évig egy római angol internátusban *loptam a napot* (149)
Godinu dana *sam krao dane* u jednom engleskom internatu u Rimu (11)

Mada ovaj frazem i u srpskom i u mađarskom jeziku znači 'ne raditi ništa, besposličiti', u srpskom je ustaljen izraz *krasti Bogu dane*. Imenica *bog* nije prisutna u mađarskom frazemu te je verovatno iz tog razloga izostala iz prevoda.

- (8) *minden zsák megtalálja a maga foltját* (191)
svaka vreća nađe svoju zakrpu (48)

Ovde zapažamo da je, verovatno pod uticajem originala, dodat prisvojni pridev *svoj* tamo gde u srpskom frazemu nije uobičajen.

U **drugu grupu** svrstavamo prevode za koje smatramo da semantički ne odgovaraju u potpunosti originalnom frazemu. Za neke smo pokušali da nađemo ekvivalente koji bi mogli biti alternativno rešenje u datom slučaju.

- (1) a *többi tantárgyhoz nem fűlt a fogam* (149)
ali za vreme ostalih časova *nisam mogao da ostanem u svojoj koži* (10)

O. Nađ Gabor (O. Nagy 1965) kao moguće značenje ovog frazema navodi 'ne dopadati se nekome nešto' što i na osnovu konteksta odgovara frazemu upotrebljenom u tekstu. Međutim, prevod ovoga izraza upućuje na to da akter 'ne zna šta bi sa sobom' tj. oseća neku vrstu unutrašnjeg nemira. U ovom slučaju kontekstu ne odgovara ni frazem *biti u svojoj koži* koji je leksički sličan onome u prevodu, ali se semantički razlikuje jer znači 'snaći se' ili 'osećati se ugodno'. Nijedna od ove dve varijante, međutim, ne odgovara originalnom frazemu koji izražava generalni stav aktera prema „ostalim predmetima“, a ne njegovo trenutno raspoloženje, kako bi to navedene varijante sugerisale. Frazem koji bi leksički i semantički odgovarao originalu mogao bi biti *ne biti kome pod zub*, mada ni gore naveden prevod ne menja bitno značenje tekstualnog okruženja u kome se nalazi.

Pojedini frazemi u jednom ili drugom jeziku mogu imati i više od jednog značenja. Tako u mađarskom jeziku izraz *a hideg rázza/leli* ima dva značenja: a) 'tresti se usled visoke temperature', b) 'drhtati zbog osećaja odvratnosti prema nečemu ili straha od nečega'.

Iz konteksta saznajemo da otiimači nameravaju da odseku uho glavnom liku romana koji to zna i strah ga je predstojeće operacije. Dakle, očigledno se radi o značenju 'tresti se od straha', ali u prevodu nalazimo sledeće:

- (2) Föltehető, hogy *kirázta a hideg* (204)
 Pretpostavlja se da *ga je tresla groznica* (59)

U srpskom jeziku frazem *trese ga groznica* odnosi se samo na posledicu visoke temperature. Izraz koji semantički odgovara originalu bio bi *prošla ga je jeza* koji možemo koristiti da opišemo osećanje straha.

Prevodni ekvivalent sledećeg, poredbenog frazema takođe je neprecizan iz nejasnih razloga:

- (3) iskoláimat úgy váltogattam, mint más ember az ingét (147)
 škole *sam birao kao što drugi biraju košulje* (9)

Iz konteksta saznajemo da je osoba na koju se ovaj izraz odnosi pre ili kasnije bivala najurena iz svake škole, dakle, često ih je menjala. Stoga je nejasno zbog čega se prevodilac opredelio za glagol *birati* umesto, na tom mestu uobičajenog glagola *menjati* u frazemu koji znači 'često menjati'.

Nisu retka razmimoilaženja između originala i prevoda nastala usled toga što postoje frazemi koji se uprkos velikoj leksičkoj i sintaksičkoj sličnosti razlikuju po značenju. Na ovakav slučaj nailazimo u prevodu sledećeg frazema:

- (4) *egyik napról a másikra* letettek a tegezésről (191)
 više njih je *iz dana u dan* odustajalo od tikanja (48)

U datom kontekstu frazem *egyik napról a másikra* znači 'za vrlo kratko vreme', te bi odgovarajući prevodni ekvivalent bio *preko noći*. Međutim, prevodilac ga je preveo drugačije, pa i ne preslikava njegovo značenje. U originalu se frazemom naglašava da se promena dogodila brzo, dok je po prevodu ona postepena, na šta ukazuje i upotreba nesvršenog glagola *odustajati*. U sklopu ove grupe navešćemo još i nekoliko primera mađarskih frazema koji su na srpski prevedeni pseudo-frazemima. Pod pseudo-frazemima podrazumevamo one prevodne ekvivalente koji, uprkos tome što po konstrukciji podsećaju na frazeološke obrte, kao takvi ne postoje uopšte ili postoje, ali ne u navedenom obliku. Ovakve konstrukcije se kose sa jednim od karakteristika koje određuju frazeme, a to je reprodukovanje u uvek istom obliku.

Prvo navodimo pseudo-frazem koji, za razliku od ostalih koje ćemo navesti, ne predstavljaju bukvalne prevode originala (sadrži elemente mađarskog frazema, odnosno nije bukvalni prevod originala):

- (5) *megállod a helyedet az életben* (205)
očeličen ćeš se bolje držati u životu (61)

Kao što kosa slova pokazuju, frazem čini samo *megállja a helyét* dok az *életben*, iako se često koristi uz navedeni frazem, ne čini njegov sastavni deo. Za ovaj frazem Frazеолоški rečnik (Matešić 1982) daje ekvivalent *biti čovek na svom mestu* ili samo *biti čovek* u smislu 'biti plemenit, dosledan, snalažljiv'. Izraz *držati se u životu* ne nalazi se u Frazеолоškom rečniku, ali kao da mu je u prevodu data uloga frazema.

Sledeći primer predstavlja prevodiočevu varijantu postojećeg srpskog frazema, dok je mađarski izraz upotrebljen u ustaljenom obliku:

- (6) *a tested az utolsót fogja rúgni* (208)
telo će ti odati poslednje trzaje (63)

Naime, glagol *odati* ne pripada frazemu koji glasi *to su mu poslednji trzaji*, što znači da bi izraz bio precizan da je upotrebljen glagol *biti* umesto glagola *odati* koji narušava stabilnost leksičkog sastava frazema.

Na sličan problem nailazimo u sledećem primeru:

- (7) *ritkán járt görbe utakon* (145)
retko je zalazio na krivudave staze (7)

Originalni frazem znači 'ponašati se nemoralno ili nepošteno' i u datom kontekstu ovo značenje je potpuno na mestu. No, u prevodu je upotrebljen izraz koji ne možemo nazvati frazemom jer kao takav ne postoji. U Frazеолоškom rečniku (Matešić 1982) našli smo frazem *biti na krivom/lošem/rđavom putu*, ali semantički ni on ne odgovara potpuno mađarskom frazemu. Pretpostavljamo da je prevodilac u ovom kao i većini gore navedenih slučajeva iz stilskih razloga pribegao kompromisnom rešenju.

U trećoj grupi izdvojili smo opisne prevode frazeologizama. Prevodilac se u najviše slučajeva služio glagolskim ekvivalentima umesto čitavog frazema što je i razumljivo s obzirom na to da se frazemi najčešće nalaze u funkciji glagolskog konstituenta u rečenici.

- (1) *kötélnek áll, kifizeti a váltságdíjat* (224)
ipak je pristao, isplatiće otkup (77)
(2) *könnyűszerrel olajra léphettem volna* (194)
lako bih strugnuo

- (3) nem akarnak-e *túljárni az eszemen* (222)
Neće li da *me namagarče?* (75)

U prvom primeru mađarski frazem ima značenje 'uz nečije nagovaranje, teška srca pristati na nešto' što bi se na srpski moglo prevesti frazedom *(pri)leći na rudu*.

Međutim, on nije frekventan kao mađarski mu ekvivalent, te stoga ovde više odgovara glagol *pristati*. U drugom primeru značenjski i delom leksički ekvivalent originalnog frazema jesu *podmazati noge zečjom mašću* ili *pobeći kao podmazan*, ali je njihova upotreba u savremenom srpskom jeziku retka. U prevodu nailazimo na glagol *strugnuti* koji svojom stilskom obojenošću nadoknađuje izostali frazem. Treći primer dobro ilustruje paralelno postojanje glagola i frazema sa istim značenjem. U srpskom jeziku, naime, postoji ustaljena fraza *napraviti od koga magarca*, ali je glagol *namagarčiti* znatno češće u upotrebi, a istovremeno nosi slikovitost frazema. Frekventnost frazema je, dakle, aspekt koji svakako moramo uzeti u obzir pri njihovom prevođenju, jer samo frazem koji živi i u ciljnom jeziku može da ispuni svoju funkciju.

Poseban izazov pri prevođenju predstavljaju oni mađarski frazemi koji nemaju odgovarajući ekvivalent u srpskom jeziku. Takav je frazem *bakot lő* čiji prevod u sledećem primeru otežava i postojanje rime u rečenici:

- (4) *hogy bakot talál lőni*, ha engem lelő (179)

Značenje ovog frazema je 'počiniti veliku grešku, glupost', dok Frazeološki rečnik (Matešić 1982) nudi sledeće ekvivalente: a) *opaliti u prazno*, b) *bubnuti i ostati živ*.

Prvo rešenje nije precizno jer, mada *opaliti* odgovara mađarskom *lőni* 'pucati', izraz *opaliti u prazno* prvenstveno znači 'uzaludno uloženi napor', dok se drugo rešenje odnosi samo na reči tj. znači 'reći neku glupost bez posledica'. Stoga je prevodilac opet bio primoran da se posluži glagolom umesto frazema: *palo mu je na pamet da će omašiti ako me ubije* (37).

Iako bez rime, ovo rešenje je sačuvalo igru reči koja daje rečenici duhovitost originala.

Iz primera koje smo radi bolje preglednosti podelili na tri grupe vidimo da prevođenje frazema skriva različite zamke. Primere jezičke interferencije kao česte pojave u prevodilačkom procesu naveli smo u prvoj grupi, u koju smo svrstali frazeme sa potpuno ili skoro identičnim ekvivalentima da bismo pokazali da je ona moguća i kod frazema naizgled jednostavnih za prevođenje. Pojava pseudo-frazema koje smo naveli u drugoj grupi takođe predstavlja posledicu interferencije između dva jezika koju je verovatno izazvala identifikacija izraza kao individualnog stilskeg izraza autora, a ne kao ustaljene fraze. Značaj odgovarajuće stilske upotrebe frazema kao i frekventnost njihove upotrebe u polaznom i ciljnom jeziku

najbolje se vidi u primerima datim u drugoj, pa i u trećoj grupi gde je naglasak na frazemima koji nemaju odgovarajući ekvivalent u srpskom jeziku, te njihovo prevođenje iziskuje od prevodioca maksimum kreativnosti. Cilj ovog rada je da skrene pažnju na ovu malu, ali čestu grupu problema koji mogu da se jave u procesu prevođenja frazeologizama, smatrajući da svest o njima može u mnogome da olakša prevodilački rad.

LITERATURA

- Bencédy, J. – Fábián, P. – Rácz, E. – Velcsov M.-né 1968, *A mai magyar nyelv*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Déri, T. 1979, *A félfülű*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó.
- Deri, T. 1991, *Jednouchi*. Beograd: Tvoracka radionica BAB.
- A magyar nyelv értelmező szótára I–VII*. 1959–1962, Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Magyar–szerbhorvát frazeológiai szótár*. 1984, Újvidék: Tankönyvkiadó.
- Matešić, J. 1982, *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Mršević-Radović, D. 1987, *Frazeološke glagolsko-imeničke sintagme*. Beograd: Filološki fakultet.
- O. Nagy, G. 1965, *Mi fán terem?* Budapest: Gondolat.
- Srpskohrvatsko-mađarski rečnik*. 1971, Novi Sad: Pokrajinski zavod za izdavanje udžbenika.

ДВЕ КУКУШКИНЫ ДЕТКИ: БОЛТАШ И *КАПУРА

Шандор Мокань

(Mokány Sándor, H-2040, Budaörs, Lévai u. 29.)

Предлагаемые этимологические толкования примечательны тем, что относятся к той части юго-западного диалекта украинского языка, диалектная общность которой возникла в результате переживания этой территории в составе Австрии (позднее Австро-Венгрии). В добром намерении видеть в этих единичных словах внутреннюю форму в качестве рационального объяснения значения слов без учета реальных фактов их происхождения способствовало тому, что они были внесены (подобно кукушкиным яйцам) в чужие этимологические гнезда.

1. И.А. Дзензелевский посвятил интересную статью выяснению ареала распространения значительного числа венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатской области (Дзензелівський 1966). Среди этих заимствований имеется и сущ. *бовт*, *бѳвт* 'лавка; магазин', источником которого, по мнению известного слависта, является тождественное по значению венгерское *bolt* (там же 51).

По очертаниям изоглос слова *бовт*, *бѳвт* видно, что оно бытует почти по всей территории, за исключением западной части ужанских и западноверховинских говоров; от этих форм в говорах известны производные: сущ. *бовташ*, *бѳвташ* 'лавочник; тот, кто работает в небольшом магазине', сущ. *бовташка* 'жена лавочника; женщина-лавочник' и гл. *бовташити* 'быть лавочником, магазинщиком'. Эти факты создают впечатление, что сущ. *бовт*, *бѳвт* известен указанным закарпатским говорам давно.

"Для *бовташ* відмічено паралель лише на Бойківщині, – читаем у И.А. Дзензелевского (там же 51), – причому в пісенному тексті (коломийці), зміст якого виразно вказує на його закарпатське походження: *"Не ваша я, вівчарики, не ваша, не ваша. Та я собі полюбила в Сиготі болташа. А в Рахові пана, а в Ясеню легіника, даночки дана"* (Кміт, 18)".

Правомерность утверждения о венгерском литературном источнике (т.е. *bolt*) сущ. *бовт*, *бѳвт* не подтверждается следующим обстоятельством: в последующих исследованиях было доказано, что при определении венгерского источника украинских заимствований, равно как и при объяснении их фонетических и других особенностей, в первую очередь следует исходить из языковой (современной и исторической) действительности тех венгерских говоров, диалектов, которые более продолжительное время оказывали или оказывают непосредственное влияние на исследуемые украинские говоры,

диалекты. Одной из характерных особенностей этих венгерских говоров, как известно, является наличие дифтонгов закрытого типа *ou*. Следовательно те венгерские заимствования, которые имеют *ов* (= *oŭ*, в латинской транскрипции *ou*) на месте современного общевенгерского (литературного) *ó*, являются отражением модифицированного в некоторой степени венгерского дифтонга закрытого типа *óu*, *ó"* и т.д.; ср. например венг. диал. *fóut* 'небольшая группа животных' > укр. диал. *fout, fouta* 'то же', венг. диал. *soudor, sódar, sóder, sóder* 'okorok' > укр. диал. *šoudor, šoudar, šoudâr, šoudyr, soudir* 'то же' и т.д. (Шулан 1961; Мокань 1973). Таким образом, источником сущ. *боѡт*, *боѡт* следует считать венгерское диалектное *bóut*; ср., например, венгерские диалектные *bóut* 'üzlet, kereskedés' [магазин, лавка], *bóutos* 'kereskedő' [торговец], *bóutosinas* 'kereskedő tanonc' [ученик в магазине], *bóutossegéd* 'kereskedősegéd' [приказчик в магазине] (Csúry 1935: 102–103). Из сказанного вытекает и такой вывод: отмеченное в песенном тексте слово *болташ*, вследствие наличия в нем *-ол-*, ни в коем случае не может считаться суффиксальным дериватом существительного *боѡт* 'лавка', 'магазин' и, следовательно, не может иметь значение 'продавец лавки, магазина'.

На самом деле сущ. *болташ* – совсем иное слово: его источником является, по моему мнению, бытующее в то время в венгерском студенческом жаргоне сущ. *baltás* 'joghallgató' [студент-юрист] (Dobos 1896). Это венгерское слово является в свою очередь дериватом сущ. *balta* 'топор(ик)', ср. *bicska* 'карманный нож' → *bicskás* 'рубака, поножовщик', *duda* 'волынка' → *dudás* 'волычник' и т.д. Предложенное мною объяснение слова *болташ* подкрепляется следующим фактом: город Сигот (румун. Sighetu Marmației, венг. Máramarossziget), что находится в настоящее время на северной окраине Румынии, издавна был знаменит разными учебными заведениями; так, например, известно, что в реформатском училище была кафедра правовых и юридических наук (Révai 1913: 379).

Итак: в коломыйке, по моему чтению, непостоянная в чувствах девушка лукаво сообщает пастухам, выпасывающим овец (где-то на высокогорных пастбищах восточного Закарпатья), чтобы они в будущем ни в коем случае не рассчитывали на ее нежные чувства любви к ним, так как ее сердце загорелось любовью в городе Сиготе к студенту-юристу, в городе Рахове к господину (видимо: молодому чиновнику), а в городе Ясеню к молодому парню.

2. Существующее обоюдное мнение о венгерском происхождении восточнословацкого и закарпатско-украинского сущ. *капура* 'ворота' в принципе не вызывает возражений. Трудность состоит в разном объяснении последнего слога *-ра*. (Об этой проблеме подробнее см.: Мокань 1970.) Наиболее близким к истине надо признать мнение И.А. Дзензелевского, П. Кирая и Б. Шулана, по которому *капура* происходит не от именительного падежа венгерского *kapu* 'ворота', а от сублативной формы *kapu + ra* 'на ворота', вос-

ходящей к старому военному приказу *kapura!* '(иди, беги, навались) на ворота (крепости, замка)!'. Ср., кстати, с украинской формулой команды кормчего *На бабáйку!* 'На весла!' (Грінченко 1958: 1, 13, словарная статья *бабáйка*).

Любопытно, что **капура* представлена единственным существительным, известным лишь во фразеологически связанном состоянии. О нем так пишет И.А. Дзензелевский (Дзензелівський 1966: 64): "Унгаризм *капу́ра* відзначається і в бойківських говорах, але з не зовсім зрозумілим тлумаченням "знищити, пропастити" ("Збіжжя пішло в капуру")".

Следующие языковые данные однако свидетельствуют о том, что указанное в фразеологизме слово этимологически не тождественно существительному *kapura* 'ворота', а только ассоциировалось с ним в результате так называемой народной этимологии. В действительности же оно является, по моему мнению, ложноэтимологическим преобразованием украинского сущ. *kápar*, -ра м. р. 'обедневший, обнищавший' [правильнее: 'прийти в обеднение, в упадок' – Ш. М.], выступающее в таком фразеологизме, как *В kápar, на kápar переходити* 'Приходит в бедность, в упадок' (Грінченко 1958: 2, 216). Кстати, сущ. *kápar* входит в общую этимологическую семью слов с производными *капа́рити*, -рю, -риш 1. 'худо делать, кропать, пачкать', 2. 'жить в нищете': *Свій вік капарить*; | *капа́рка*, -ки 'обедневшая, обнищавшая'; | *капа́рний*, -а, -е 'жалкий'; | *капа́рник*, -ка 1. 'презренный', 2. 'медлитель', 3. 'кропатель, плохой работник'; | *капа́рниця*, -ці 1. 'презренная', 2. 'медлительница', 3. 'неряха, плохая работница': *Лучче було дівчиною, як теперки хазяйкою: стоять ложки під лавкою, поросята в печі риють, а собаки горшки миють, коти хату замітають, хлопці в вікно заглядають. Це котора капарниця, то з її сміють*; | *капа́рство*, -ва 1. 'жалкая жизнь', 2. 'плохая работа' (там же).

Итак: идиоматическое словосочетание *збіжжя пішло в капуру*, по всей вероятности, имело такой изначальный вид: *збіжжя пішло в капару*; структурная раздельность составляющих его элементов поддается примерно следующей семантической реконструкции: '(зерновый хлеб →) движимое имущество пошло в упадок, в разорение'.

ЛИТЕРАТУРА

- Грінченко, Б.Д. 1958, *Словарь української мови 1–4*. (Надруковано з видання 1907–1909 рр. фотомеханічним способом.) Київ.
- Дзензелівський, Й.О. 1966, Ізглови лексичних нашарувань в українських говорах Закарпатської області УРСР. На матеріалах Лінгвістичного атласу українських народних говорів Закарпатської області УРСР, т. I–III. В кн.: *Українська лінгвістична географія*. Київ, 45–75.

- Мокань, А.А. 1970, Замечания к этимологии восточнословацкого и закарпатско-украинского *kapura* 'ворота'. *Советское финно-угроведение* VI, 281–285.
- Мокань, А.А. 1973, О диалектном происхождении источников венгерских заимствований в украинских диалектах Закарпатья. *Советское финно-угроведение* IX, 121–126.
- Шулан, Б. 1961, Дало ли венгерское *-ó* славянское *-ov*? *Slavica* I. Debrecen, 43–54.
- Csűry, Bálint 1935, *Szamosháti szótár I*. Budapest.
- Dobos, Károly 1896, *A magyar diáknyelv szótára*. Budapest.
- Révai nagy lexikona 8. 1913, Budapest.

PERFEKTIV IM PRÄSENS UND IMPERFEKT IM NEUBULGARISCHEN

Plamen Panajotov

(Пламен Панайотов, Шуменски университет „Еп. Константин Преславски“
България, 9712 Шумен, ул. „Университетска“ 115)

In der wissenschaftlichen Literatur ist die Merkmalhaftigkeit des Perfektivs allgemein anerkannt. Catherine V. Chvany (1996: 131) schreibt: „[P]erfective aspect [...] is semantically more informative than [its] indefinite, imperfective or indeterminate counterparts.“ Im Gegensatz zu Imperfektiv, der „eine gewöhnliche, unqualifizierte Handlung markiert“ (Шахматов 1941: 540), bezeichnet Perfektiv „die absolute Grenze der Handlung“ (Jakobson 1971: 6). Der perfektive Aspekt drückt einen Vorgang als ganzheitliches, zusammengefasstes Geschehen aus. Der imperfektive Aspekt lässt dieses Merkmal unausgedrückt.

Bei der Verwendung des Perfektivs zeigen die slawischen Sprachen ein einheitliches Bild. Im Russischen, das als exemplarisch für die meisten slawischen Sprachen beobachtet werden kann, bilden die perfektiven Verben nur Aorist und Futur (selbstverständlich auch Partizip Perfekt). Eine gegenwärtige Handlung lässt sich im Russischen nur durch imperfektive Verben wiedergeben. Das heißt, dass die Verwendung des Aspekts durch das Tempus bedingt ist. Diese Abhängigkeit hilft uns den Aspekt des Verbs leicht und sicher zu bestimmen. Zum Beispiel im Tschechischen: „Wenn der Satz im Präsens ist, handelt es sich um ein imperfektives Verb. Im Falle einer Verwendung des Futurs ist sicher, dass das Verb zur Kategorie der perfektiven Verben gehört“ (Šmilauer 1972: 42). Zur Bezeichnung der Gegenwart kommt das perfektive Präsens nur im Russischen, Serbischen, Kroatischen und Slowenischen vor, z. B. zur Beschreibung von habituellen, konditionalen oder potenziellen Vorgängen.

Die meisten Möglichkeiten bei dem Gebrauch des Perfektivs weist das Bulgarische auf. Im Bulgarischen kann der perfektive Aspekt gleichermaßen im Präsens und Imperfekt verwendet werden. Das geschieht bei Verben, die kurz-dauernde mehrmalige Handlungen bezeichnen, wie an den folgenden Beispielen aus der bulgarischen Literatur gezeigt wird.

Die erste Illustration ist aus dem Gedicht *Хаджи Димитър* von dem berühmten Dichter und Revolutionär Hristo Botev:

*Една му с билки раната върже,
друга го пръсне с вода студена,*

*трета го в уста целуне бърже –
и той я гледа мила, засмена!* (Ботев 1875: 25)

Hier gibt es 3 perfektive Verben im Präsens. Ein ähnlicher Gebrauch des Perfektivs findet sich in der Erzählung *Овчарова жалба* von Jordan Jovkov:

Кавалът му не свиреше, говореше; ту се издигне нагоре-нагоре и затренти във възторг и радост, ту се огъне надолу и ниско заплаче, зареди (Йовков 1976: 20).

Daneben begegnet im Neubulgarischen Konstruktion mit Verb in der – verallgemeinernde Funktion ausübenden – 2. Person Singular:

*Излезеш, идеш, в земя корава
напънеш рало, халосаш вола...
Мъглата нощна затъне в дола,
огрее слънце и чак тогава
за отдиш спреш* (Яворов 1959: 103)

In den poetischen Werken Botevs ist in zwei Fällen Imperfekt bei perfektiven Verben verwendet:

*там, дето либе хубаво
черни си очи вдигнеше
и с оназ тиха усмивка
в скръбно ги сърце впиеше* (Ботев 1875: 6)

In der Erzählung *Чичовци* von Ivan Vazov kommen perfektive Verben im Imperfekt öfter vor:

И Котю Джамбазът, прочут лихвар, се обърнесе към трона, дето стоеше Хаджи Христо Молдавът, и пришушнеше сърдито (Вазов 1962: 20).

Und noch ein Beispiel aus demselben Werk Vazovs:

А как чудно Мирончо свиреше на флуата! Вечер например седнеше на чардака, надуеше я и тя писнеше из небесата, и всякой, който чуе, кажеше: Мирончо свири (Вазов 1962: 36).

In der heutigen Umgangssprache sind die perfektiven Verben nur im Präsens verwendbar. Sie sind aber stark stilistisch markiert, deshalb ist ihre Anwendung nicht gewöhnlich. Man kann sagen, dass diese Abart des Perfektivs in den Bereich der schöngeistigen Literatur gehört, in seiner Verwendung also auf einen sprachlichen Bereich beschränkt ist. Deshalb ist sie fast nicht erforscht.

In den wichtigsten grammatischen Werken der bulgarischen Linguisten gibt es sehr wenig Information über das Problem. Andrejčín (Андрейчин 1978: 175) beschränkt sich auf die Behauptung, dass Perfektiv im Präsens und Imperfekt bei Verben, die mehrmalige Handlungen bezeichnen, „eine größere Bildhaftigkeit der Beschreibung verleiht“. Der Gelehrte beruft sich nur auf Hristo Botev.

Stojanov (Стоянов 1980: § 351), der auch Botev zitiert, bemerkt, dass die Verwendung des Perfektivs im Präsens und Imperfekt nur auf Nebensätzen sich beschränkt. Pašov (Пашов 1999) beschäftigt sich überhaupt nicht mit dem Problem.

Bei den perfektiven Verben, die mehrmalige Handlungen bezeichnen, ist der Vorgang ununterbrochen, obwohl er von einzelnen abgeschlossenen Handlungen zusammengestellt ist. Der russische Gelehrte Maslov (Маслов 1959: 232) erläutert: „Es handelt sich hier um eine Exemplifikation der Regel durch das konkrete Beispiel.“

Von dem Wesen und der Funktion dieser Verben handelt auch das Buch „Der Aspekt in der bulgarischen Standardsprache“ (1980) von V. Stankov. Der Autor beruft sich auf Maslov und betrachtet die Verwendung der perfektiven Verben, die mehrmalige Handlungen bezeichnen, als „Konkretisierung der allgemeinen Bedeutung des perfektiven Aspekts“. Bei der Untersuchung der stilistischen Funktion der perfektiven Verben geht er von der Annahme aus, dass die Konkurrenz im Bereich der aspektuellen Mitteln die detaillierte Aufstellung der Situation ermöglicht“ (Станков 1980: 40, 106).

In der gegenwärtigen Literatur kommen perfektive Verben im Präsens (zur Bezeichnung mehrmaliger Handlungen) selten vor, aber sie können benutzt werden. Imperfekt bei perfektiven Aussagen ist schon archaisch. Es verwendet sich nur in Nebensätzen oder in gleichbedeutenden Hauptsätzen in Kombination mit Futur in der Vergangenheit (бъдеще време в миналото) aber nur bei Verben, die nicht mehrmalige Handlungen bezeichnen, z. B.: *Дойдеше ли денят селото щеше да въстане.*

Die perfektiven Verben im Imperfekt (zur Bezeichnung mehrmaliger Handlungen) sind vielleicht noch zur Zeit Botevs ein bisschen veraltet. Wichtig ist aber zu sagen, dass diese Formen in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts lebendig sind und im Neubulgarischen, so wie auch im Altbulgarischen (Мирчев 1972: § 57), benutzt sind.

Bei der Untersuchung der zitierten Absätze stellen wir folgendes fest. In diesen Fällen handelt es sich nicht um Anwendung der merkmalthaltigen auf Kosten der entsprechenden merkmallosten Form, wie Stankov (Станков 1980: 106)

denkt, sondern es geht um eine Ausdrucksweise, die ganz durch die eigene Natur der Sprache bestimmt ist. Mit Perfektiv wird auch ein anderer semantischer Gehalt signalisiert. Anders gesagt, hier geschieht eine stilistische und semantische Verschiebung.

Perfektive Verben im Präsens und Imperfekt können lyrische Gefühle darstellen. So ist es in der Erzählung *Овчарова жалба*. Perfektiv im Präsens betont die Dramatik des Geschehens, z. B. in *Напаст божия* von Elin Pelin:

И болестта се усили. Току зачернее човеку пред очите, удари го в глава, отице му се всичко – легне, ни жив, ни мъртъв, по цели дни и недели (Елин Пелин 1981: 5).

Ein anderer Gebrauch hat das Perfektiv in den satyrischen Werken. In *Бай Ганьо* verschärfen die perfektiven Verben die groteske Beschreibung der Helden, z. B.:

Бай Ганьо сръбне веднъж откъм върха на лъжицата, остави лъжицата и затисне лютата влага с два-три залька хляб; пак вземе лъжицата, сръбне супа, смръкне с носа си навътре и пак два-три залька хляб (Константинов 1980: 104).

Perfektiv ermöglicht auch die Parodie:

*Настане утро, гори небето,
цветя миришат, ехти полето* (Яворов 1959: 104)

Das Objekt der Parodie ist hier die berühmte Strophe Botevs „Настане вечер, месец изгрее“ usw.

Ein glänzendes Beispiel für die Berücksichtigung der Bedeutungsnuancen einzelner Formen bei der Verwendung aspektueller Mittel im Dienste der semantischen Verschiebung liefert Hristo Botev in seiner Ballade *Хаджи Димитър*. Der Dichter gründet sein Werk auf die Legende, dass der ermordete Held noch am Leben ist. Im ersten Teil des Gedichtes (Strophen 1–6) benutzt Botev fast ausschließlich Imperfektiv. Im zweiten Teil (Strophen 7–12) verwendet er vorwiegend Perfektiv im Präsens.

*Настане вечер, месец изгрее,
звезди обсият свода небесен;
гора зашуми, вятър поее –
Балканът пее хайдушка песен!*

*И самодиви в бяла премяна,
чудни, прекрасни, песен поемнат –
тихо нагазят трева зелена
и при юнака дойдат, та седнат.* (Ботев 1875: 25)

Durch diese Struktur, die dramatische Spannung und Polarität der Gefühle hervorruft, gelingt es dem Dichter die Heldentat des Revolutionärs in die Ewigkeit zu überführen.

Sehr interessant ist die Meinung Nikola Georgievs (Георгиев 1992: 44), dass die perfektiven Verben im Gedicht „die Bedeutung einer schwankenden ‚balladenhaften‘ Bejahung“ tragen. Diese Bemerkung scheint motiviert durch die spezifische temporale Bedeutung der perfektiven Verben im Präsens. Die Relation des Geschehens zum Redezeitpunkt ist hier unbestimmt. Dazu Bybee–Dahl (1989: 87): „In Bulgarian, perfective presents seem to be used exclusively with non-specific time reference.“ Weil die Bedeutung des aktuellen Präsens durch die Präsensform des Perfektivs nicht ausdrückbar ist, sind die Verwendungsmöglichkeiten der analysierten Abart des Perfektivs stark markiert.

Den kompliziert funktionierenden Mechanismus der Sprache in der Ballade *Хаджи Димитър* kann man erst durch das Begreifen der Zeitdimension des Werks erleuchten. Der Brennpunkt der Ballade ist der Kontrast zwischen Perfektiv und Imperfektiv. Im ersten Teil des Werks (in der dritten Strophe) lesen wir:

*Лежи юнакът, а на небето
слънцето спряно сърдито пече;
жътварка пее нейде в полето
и кръвта още по-силно тече!* (Ботев 1875: 24)

Die Ausgedehntheit des Vorgangs, die wir bei den imperfektiven Verben voraussetzen müssen, fehlt in dieser Strophe. Hier ist die Zeit versteinert, sie lebt nicht; alles ist wie in einer starr fixierten Welt. Im zweiten Teil der Ballade, der mit den Versen „**Настане** вечер, **месец изгрее**“ beginnt, neu ist die dynamische Potenzialität, die die perfektiven Verben in Präsens tragen. Außerdem tritt noch die temporale Bedeutung „in Ewigkeit“ hinzu.

Diese Beispiele genügen wohl, um die Rolle des Perfektivs im Präsens und Imperfekt im Neubulgarischen zu veranschaulichen. Wie schon gezeigt war, stellt das Bulgarische in diesem Punkt einen Sonderfall innerhalb der slawischen Sprachen dar.

Die Besonderheit der perfektiven Verben, die mehrmalige Handlungen bezeichnen, besteht darin, dass hier die Einzelheit einen Fall als exemplarisch konstituiert. Die Isomorphiebeziehung zwischen dem Allgemeinen und der Partikularität, wie sie Maslov fasst, stiftet die ganze Reihe in einen überzeitlichen Hori-

zont, an dem die ganze Situation als etwas ungewöhnliches (in satirischer oder in mythologischer Perspektive) erscheint. Dieser „Verschärfung der Situation“, die der Umgang mit den perfektiven Verben gibt, bedienen sich besonders meisterhaft Botev, Vazov und Elin Pelin.

QUELLEN

- Ботев, Х. 1875, *Песни и стихотворения от Ботйова и Стамболова*. Букурещ.
 Вазов, И. 1962, *Чичовци*. София.
 Елин Пелин, 1981, *Съчинения в два тома, т. 1*. София.
 Йовков, Й. 1976, *Събрани съчинения в шест тома, т. 2*. София.
 Константин, А. 1980, *Събрани съчинения в четири тома, т. 1*. София.
 Яворов, П. 1959, *Събрани съчинения в пет тома, т. 1*. София.

LITERATUR

- Bybee, J. – Dahl, O. 1989, The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language* 13, № 1, 51–103.
 Chvany, C. V. 1996, *Selected essays*. Columbus, Ohio.
 Jakobson, R. 1971, *Selected writings II*. The Hague.
 Šmilauer, V. 1972, *Nauka o českém jazyku*. Praha.
 Андрейчин, Л. 1978, *Основна българска граматика*. София.
 Георгиев, Н. 1992, *Сто и двадесет литературни години*. София.
 Маслов, Ю. 1959, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. В: *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Москва.
 Мирчев, К. 1972, *Старобългарски език*. София.
 Пашов, П. 1999, *Българска граматика*. София.
 Станков, В. 1980, *Глаголният вид в българския книжовен език*. София.
 Стоянов, С. 1980, *Грамматика на българския книжовен език*. София.
 Шахматов, А. 1941, *Синтаксис русского языка*. Москва.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА (ГИБРИДНЫЙ (ЦЕРКОВНО-КНИЖНЫЙ) ЯЗЫКОВОЙ СЛОЙ В СИНАЙСКОМ ПАТЕРИКЕ)

Иштван Пожгаи

(Pozsgai István, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

1. Введение

Синайский патерик (Син. 551) (в дальнейшем СП) был списан со старославянского протографа в конце XI в. в Древней Руси. Рукопись хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Она состоит из 184 пергаменных листов. Памятник представляет собой славянский перевод произведения Иоанна Мосха (около 538–619), но листы 163–182 не соответствуют греческим оригиналам, они являются добавлениями славянского переводчика.¹ Рукопись была издана В.С. Голышенко и В.Ф. Дубровиной в 1967 г. в Москве. Наш анализ проводится по этому изданию. Кроме датировки концом XI в., известна и датировка XI–XII веком.² В рукописи, кроме основного почерка, различается не менее 7 иных почерков. Иные почерки мы будем указывать под общим названием *иной почерк* с помощью римских цифр от II до VIII (основной почерк обозначался бы I, но этого не будем указывать отдельно).

Целью настоящей работы является изучение гибридного языкового слоя СП, а также выяснение языковых условий, способствовавших возникновению этого слоя. Гибридный слой можно назвать и церковно-книжным слоем, но мы будем употреблять термин *гибридный слой*. В рамках гибридного языкового слоя мы будем рассматривать формы, возникновение которых с большой долей вероятности может объясняться смешиванием и взаимовлиянием старосл. и древнерусского языка. Смешивание и взаимовлияние, как это будет видно в дальнейшем, может происходить не только между тожде-

¹ Л.П. Жуковская (отв. ред.) – Н.Б. Тихомиров – Н.Б. Шеламанова (редколлегия), *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* Москва, 1984: 68–69.

² В.С. Голушенко – В.Ф. Дубровина, *Синайский патерик*. Москва, 1967: 5; А.М. Селищев, *Старославянский язык*, ч. I. Москва, 1951: 87; И.А. Фролова, *Предложение в древнеславянском тексте (на материале Синайского патерика)*. (Автореферат.) Арзамас, 1972: 4.

ственными уровнями двух языков (напр., в случае старосл. орфографии и древнерус. произношения). Изучая гибридный слой и его возникновение, мы хотели бы рассмотреть и те языковые изменения, на основе которых в дальнейшем развитии русской редакции старосл. языка появится русский церковнославянский язык, представляющий собой гибридный искусственный литературный язык.

2. Гибридный слой в области фонетики

2.1. При рефлексах прасл. сочетания типа **tbrt*, **tbrt*, **tblt*, **tblt*

3,51% континуантов прасл. сочетания типа **tbrt*, **tbrt*, **tblt*, **tblt* отражает двуровное написание (24 примера, 21 из которых находится в ином почерке, а в 4 примерах первый ер падает на конец строки), напр.: -**вѣръг**/-**вѣръж**:- (**ѡ**|**тъвъръгъ**) 157.9 (иной почерк VI), (**повѣръжени**) 157.16 (иной почерк VI). -**вѣръз**:- (**развъръзе**) 168.17. **вѣръх**:- (**вѣръхъ**) 27.7–8 (иной почерк IV). **дѣлъж**:- (**дѣлъжъ**|**никы**) 157.1–2 (иной почерк VI). **кѣръм**:- (**кѣръ**|**мнтъ**) 24.9–10 (иной почерк IV). -**мѣлък**:- (**бѣ**|**змѣлъкъ**|**вѣстѣуѣ**) 12.13, (**бѣзмѣлъкъ**|**вѣстѣ**) 42v.11 (иной почерк VI). 16,54% рефлексов этих же сочетаний является гибридным написанием с ером или с ерем и паерком (113 примеров, из которых 4 отражает межслоговую ассимиляцию), напр.: -**вѣръж**:- (**развъръже** **сѣ**) 19v.12, (**възвъръжение**) 64.16. -**вѣрът**:- (**извърътаѣми**) 44.10. **вѣрът**:- (**вѣрътъпъ**) 7v.20, 10v.18, 11.8, 18. (-)**дѣръж**:- (**дѣръжѣ**) 69v.12, (**въздѣръжаниѣ**) 81.16, (**въздѣръжѣ**|**ка**) 29.4–5, (**одѣръжимъ**) 5v.6. -**мѣлък**:- (**бѣзмѣлъкъ**|**вѣстѣуѣ**) 28v.20, (**бѣзмѣлъкѣ**|**ни**) 119v.11. **мѣлъч**:- (**мѣлъча**|**ниѣ**) 20v.9–10. **стѣлъп**:- (**стѣлъпъ**) 17.19, 20.13, 41.9, (**стѣлъпѣ**|**никъ**) 16v.9, 17.15, 39.6.

Двуровному написанию большинство исследователей, напр., М. Козловский, А.А. Шахматов, П.А. Лавровский, М.А. Колосов, Ф.Ф. Фортунатов, И.А. Ягич, С.П. Обнорский, Л.П. Якубинский, П.Я. Черных,³ не придает реального фонетического значения. По мнению А.А. Шахматова в ере, написанном перед буквой, обозначающей плавный, отражалось живое произношение писца, но в старосл. протографе, с которого писец списывал текст, ер стоял после буквы **р** или **л** (в памятниках старосл. происхождения слоговой плавный обозначался сочетанием буквы **р** или **л** и ера), поэтому когда он замечал свою "ошибку", т.е. написание ера перед буквой **р** или **л**, эту ошибку он

³ И.Э. Еселевич – В.М. Марков, *История редуцированных гласных в русском языке*. Ижевск, 1998: 44; М.А. Соколова, *Очерки по исторической грамматике русского языка*. Ленинград, 1962: 40; П.Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1954: 120.

исправлял постановкой второго ера после буквы, обозначающей плавный.⁴ Объяснение А.А. Шахматова, по всей вероятности, можно применить и в случае написаний с ером или с ерем и паерком. Таким образом, можно предположить, что оба типа написаний являются гибридной формой, возникшей в результате взаимовлияния старосл. орфографической нормы и живого древнерус. произношения.

2.2. При рефлексах прасл. сочетаниях типа **tert*, **telt*, **tärt*, **tält*

На месте прасл. сочетаний типа **tert*, **telt*, **tärt*, **tält* отмечены гибридные рефлексы только с метатезой (в двух случаях и с веляризацией) в 104 случаях (2 примера в ином почерке), напр.: **-врещ-**: (**въврещи**) 50v.8, 59.20, (**ѡврещи сѧ**) 78.20. **дрек-**: (**дрекѡ**) 42.4, 47.13, 58v.9, 138.1, (**дрекѧнѣ**) 10.6, 117v.16, 171.9, (**дрекѣце**) 137v.19. **влоч-**: (инфинитив **повлочи**, который не следует путать с аористом глагола **повлачитн/поволочитн** (/ ***повлочитн**), см. контекст: **и не могоухъ въриноути корабли въ море. ни повлочи съ мѣста юго.**) 57v.18. **плон-**: (**плониша**) 80.12. **врот-**: (**вроты**) 110v.15. **злот-**: (**злотыникъ**) 29.18–19, 29v.1, 59.6, 82v.7,9,11,12, 83.7–8,11. В следующей таблице показана частота рефлексов всех четырех дифтонгических сочетаний по типам сочетаний и по разновидностям отмеченных рефлексов. В предпоследнем столбце представлена пропорция древнерус. рефлексов в основном почерке, а в последнем столбце в процентах дано количество гибридных рефлексов также в основном почерке.

Тип сочетаний	Старосл. рефлексy	Древнерус. рефлексy	Гибридные рефлексy	Пропорция древнерус. рефлексов	Пропорция гибридных рефлексов
<i>*tert</i>	436 (37)	10	92 (2)	2,00%	18,04%
<i>*telt</i>	24 (1)	1	2	3,85%	7,69%
<i>*tärt</i>	464 (34)	4 (2)	1	0,46%	0,23%
<i>*tält</i>	181 (9)	5	9	2,69%	4,84%

Следует обратить внимание на то, что гибридные рефлексy встречаются лишь в основном почерке и в VIII ином почерке. Писец VIII иного почерка являлся одновременно и корректором изучаемого памятника, так как исправления над строкой сделаны его рукой.⁵

Возникновение гибридного слоя, по нашему предположению, является не результатом фонетического процесса, а результатом определенного ви-

⁴ А.А. Шахматовъ, Очеркъ древнейшаго періода исторіи русскаго языка. В кн.: *Энциклопедія славянскоѣ филологіи*, вып. II. Петроградъ, 1915: 182.

⁵ В.С. Голышенко – В.Ф. Дубровина, *Op. cit.* 23.

да аналогии. Таким видом аналогии, на наш взгляд, могла служить контаминация между южносл. и древнерус. рефлексам прасл. дифтонгических сочетаний типа **tert*, **telt*, **tärt*, **tält*. Мы предполагаем, что появившиеся в результате этой контаминации гибридные формы могли объединить в себе метатезную форму старосл. рефлексов и гласные *e*, *o* древнерус. рефлексов.

Что касается гибридных рефлексов сочетаний типа **tert*, то тут следует обратить внимание на предположение А.И. Соболевского, согласно которому буква *є* вместо *ѣ* в сочетаниях такого рода может указывать на церковно-книжное произношение писца.⁶ Может быть доля гибридных рефлексов здесь самая значительная по сравнению с рефлексам остальных типов дифтонгических сочетаний именно потому, что эти гибридные рефлексы могли иметь два источника: церковно-книжное произношение писцов и контаминацию между древнерус. и старосл. формами. Мы считаем важным обратить внимание на тот факт, что в СП не может быть и речи о совпадении звука, обозначаемого буквой *ѣ*, и гласного *e*, так как нами найдено 5465 примеров (300 в иных почерках) правильного с точки зрения этимологии написания буквы *ѣ* на месте прасл. гласного **ě*, и замечено всего 7 примеров (4 в иных почерках, а некоторые примеры можно объяснить и аналогией), где на месте прасл. гласного **ě* стоит буква *є* (разумеется, тут мы не принимали во внимание старосл. рефлексов прасл. сочетаний типа **tert*, **telt*).

Из гибридных рефлексов заслуживают особого внимания два рефлекса, стоящих на месте прасл. дифтонгических сочетаний типа **telt*. Первый пример – это форма *поклочн* (57v.18), которая является инфинитивом, и таким образом ее нельзя перепутать с аористом глагола *поклачити/поклолочити* (или предположительного **поклочити*), стоящего в этимологической связи с предыдущим глаголом, и через качественное чередование гласного (через аблаут) восходящего к прасл. дифтонгическому сочетанию типа **tält*.⁷ Вторым примером является аорист *плосниша* (80.12). Возникновение этих гибридных форм может являться результатом не только контаминации старосл. и древнерус. форм с сопровождающей веляризацией, но не исключены и аналогии с гибридными рефлексам сочетаний типа **tält*. Но независимо от того, каким из двух путей возникли эти гибридные формы, они могут служить доказательством действительного существования гибридного слоя в рефлексах данных прасл. сочетаний. По нашему предположению, если бы только звук, обозначаемый буквой *ѣ*, превратился в гласный *e* – либо в церковно-книж-

⁶ И. Х. Тот, *Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв.* София, 1985: 296.

⁷ M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch, erster Band.* Heidelberg, 1953: 223.

ном произношении писцов, либо в их живом говоре, в этих 2 примерах мы должны были бы найти букву *ѣ*, а не букву *о*, т.е. наши примеры должны были бы выглядеть как **поѣлечи* и **плениша*. Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что в СП в результате контаминации (или, по крайней мере, отчасти в результате контаминации) в рефлексах прасл. дифтонгических сочетаний типа **tert*, **telt*, **tärt*, **tält* сформировался слой, который отличается как от старосл., так и от древнерус. слоя, и поэтому мы считаем правомерным назвать этот слой гибридным. Наше предположение об осуществившейся контаминации подтверждается и гибридными рефлексам-ми сочетаний типа **tärt* **iält* (*вроты*, *злотыникъ*), появление которых не принято связывать с церковно-книжным произношением писцов, в отличие от появлений форм типа *времѧ*, *среда*, *дрѣво* и пр. с буквой *ѣ*.

При объяснении возникновения гибридного слоя можно было бы предположить еще и влияние старопольского языка. По поводу примеров с метатезой, написанных через букву *ѣ*, Ф.П. Филин замечает, что такие примеры еще не собраны, и делать выводы по их поводу пока преждевременно, но в качестве одного из возможных объяснений он все же обращает внимание на эвентуальное влияние старопольского языка,⁸ в котором такие формы возникли закономерно. Против влияния старопольского языка можно выдвинуть не только тот аргумент, что в ту эпоху говорить о воздействии старопольского языка было бы слишком рано, но и тот факт, что в двух гибридных рефлексах сочетаний типа **telt* стоит буква *ѣ*, явно свидетельствующая о веларизации исходного гласного **e*: *поѣлочи* (57v.18 инфинитив) и *плониша*: (80.12). Влияние старопольского языка можно было бы предположить лишь в случае написания этих примеров через букву *ѣ*, что соответствовало бы закономерностям старопольского языка.

2.3. Другие появления гибридного слоя в области фонетики

Можно привести большое количество примеров, в которых в рамках одного и того же слова рядом на месте одного прасл. сочетания или звука наблюдается старосл. рефлекс, а на месте другого прасл. сочетания или звука древнерус. рефлекс, напр.: *скръжьчюща*: 117.14 (буква *щ* отражает старосл. язык, а буква *ч* на месте праслав. сочетания **tj* указывает на древнерус. язык). *чюждимъ*: 169v.14 (сочетание букв *жд* отражает старосл. язык, а буква *ч* указывает на древнерус. язык). *ѣждь*: 75v.1. *прѣже*: 27.13 (*иной почерк IV*), 43v.16, 52v.5. (-)*врѣж*:- 14v.10–11, 33.6–7. (-)*граж*:- 56.9–10, 151.14. *расоужение*/расъжение: 38v.9, 124.3. *прохажаящи сѧ*: 155v.5.

⁸ Ф.П. Филин, *Образование языка восточных славян*. Москва–Ленинград, 1962: 241.

3. Гибридный слой в области морфологии

3.1. В типах именного склонения

В в. п. мн. ч. существительных муж. рода с основой на $-ǫ/iǫ-$, склоняемых по мягкой разновидности, отмечены следующие примеры с гибридным окончанием: **ключа:** 17.9. **меча:** 9v.2, 109v.19. **моужа:** 32.1. **слѣпца:** 51.16. Следующая таблица показывает распределение окончаний в в. п. мн. ч. муж. рода по языковым слоям. В последнем столбце мы учитывали лишь основной почерк.

Древнерусская флексия (-ѣ)	Старославянская флексия (-ѧ)	Гибридная флексия (-а)	Пропорция гибридной флексии
0	10 (1)	5	35,71%

Следует подчеркнуть, что на самом деле между старосл. и гибридной флексиями существует лишь графическое различие, так как в языке писцов обе флексии произносились одинаково, как 'а, поскольку в древнерус. языке уже не было назального гласного ę. Возникновение гибридного (и с формальной точки зрения) окончания -а, таким образом, объясняется прежде всего орфографией СП: после букв ц, ч, ж (а также после ш, щ, жд и з) вместо буквы ѧ обычно пишется буква а.

По мягкому варианту типа склонения с основой на $-ǫ/iǫ-$ склоняются и именные (нечленные) формы действительных причастий муж. рода. В в. п. мн. ч. муж. рода все нечленные формы действительных причастий имеют гибридную флексию -а: не видѣ никого же ... | ... нѣ тѣчюю единны оубогыѧ сѣдаѧ: 131.17–18. слышнѣ отрокы шкѣчюша: 152v.19. имѣ оутрѣ ѡгн горѧ: 16v.3. обрѣтохомѣ подѣ еди|нѣмѣ каменѣмѣ. три ошѣльца оумьрѣша: 85.12–13. видѣхѣ бѣсы приходяѧ: 111.17. съ же нарицаше себе | ѿ запада быти. и родителѧ скоѧ еланны соуѧ: 97.12–14. обрѣтоста ... три оуно|ша. идѣша къ егѣны. нмѧ: 18v.20–19.1. видѣхѣ бо ѧ м'ногашѣды глѣюша ми: 114v.7. обрѣтоша отрокы въсѧ лежаѧ: 146.5. видѣ ... | ... | ... а дрѣгыѧ ликѣѧ. и нны къ м'ногы образы обла|чаѧ сѧ: 163.5–10. видѣ пакы дѣмонѣ вънѣ стоѧ|ша хѣжѧ братнѧ драхѣлы: 163v.10–11. Окончание -а отражает древнерус. произношение старосл. флексии -ѧ. Из орфографии СП вытекает, что после букв щ и ш вообще не употребляется буква ѧ, особенно если эти буквы находятся в суффиксе действительных причастий.

У существительных с основой на $-ǫ/iǫ-$ также лишь в мягкой разновидности склонения существовало различие между древнерус. и старосл. окончаниями (в р. п. ед. ч., в им. и в. пп. мн. ч.), следовательно и гибридный

слой мог сформироваться только здесь. Гибридные флексии обнаружены в следующих примерах:

В р. п. ед. ч. в 70 примерах (8 в иных почерках) встречается гибридное окончание, напр.: *ар'мениа*: 66.3. *африки|а*: 51v.1–2. *братиа*: 5v.15, 56v.19. *покар'ниа*: 73v.13. *кльца*: 40v.20, 73v.1. *кѣпа*: 30v.15. *күзан'тиа*: 120.14. *надежда*: 59v.12. *дѣа*: 22v.13–14 (иной почерк III), 153v.18. *епискоупниа*: 77.9, 77v.8. *жажда/жажда*: 9v.17, 10.1–2, 36v.18. *златниа*: 140v.10).

В им. п. мн. ч. гибридное окончание отмечено в 3 примерах: *братиа*: 9v.11. *оуноша*: 18v.20 – 19.1, 55.13.

В в. п. мн. ч. в 23 примерах обнаружено гибридное окончание, напр.: *дѣа*: 104.9. *златниа*: 80v.4, 106.11. *к'нижиа*: 140.11–12. *күновниа*: 36v.1. *оьца*: 145.9. *скинниа*: 64.8. *оуноша*: 19.6, 17, 163.8.

Окончания *-а* и *-а*, которые мы называем гибридными, вызваны к жизни церковно-книжным произношением старосл. флексии *-а*,⁹ т.е. писцы не были знакомы с оригинальным произношением старосл. флексии, так как в языке их уже не было назального гласного *ę*. В СП гибридное окончание *-а* встречается после букв, обозначающих гласные (вообще после буквы *и*, один раз после букв *ї* и *ѣ*), а гибридное окончание *-а* употребляется после букв *ж*, *жд*, *ц*, *ш*, *щ* и *з* (лишь в случае обозначения *z'*, возникшего в результате III прасл. палатализации).

Распределение окончаний этих 3 падежей показано в следующей таблице. Пропорции в последнем столбце представлены с учетом лишь основного почерка.

Падежи	Древнерус. флексия <i>-ѣ</i>	Старосл. флексия <i>-а</i>	Гибридные флексии <i>-а</i> , <i>-а</i>	Пропорция гибридных флексий
Р. п. ед. ч.	3	57 (2)	70 (8)	51,67%
Им. п. мн. ч.	0	2	3	60%
В. п. мн. ч.	0	10	23	69,70%

Эти данные показывают, что в процессе анализа СП здесь мы впервые видим, что гибридные формы превосходят по численности остальные (древнерус. + старосл.) формы в выбранных для изучения категориях. Правда, перевесу гибридного слоя в значительной мере содействовала и орфографическая система СП. Однако, и эти благополучные с точки зрения формирования гибридных окончаний условия не умаляют значения того факта, что гибридный слой на этот раз вышел на первое место, по сравнению

⁹ И. Х. Тот, *Древнейшая русская часть Саввиной книги*. Сегед, 1995: 22.

с остальными языковыми слоями, ведь эти гибридные окончания нельзя считать ни древнерусскими, ни старославянскими. Мы предполагаем, что это явление следует рассматривать как звено в цепи изменений, которые в результате привели к возникновению гибридного, т.е. русского церковнославянского языка.

У нечленных действительных причастий жен. рода найден лишь 1 пример в в. п. мн. ч.: **и бѣ видѣти чюдо люте жены. | и отрокы и дѣти. жаждеи издѣхаша**: 120v.1–2.

В области окончаний условия для возникновения гибридного слоя были лишь там, где старосл. и древнерус. флексии значительно отличались друг от друга. Различия между старосл. и древнерус. флексиями мы считаем значительными лишь в тех случаях, когда различия между двумя окончаниями одного и того же падежа наблюдаются и на фонологическом уровне, иначе говоря, когда фонемный состав 2 окончаний не является тождественным. Такие морфонологические различия встречается в в. п. мн. ч. существительных муж. рода с основой на *-iǫ-* и в р. п. ед. ч., а также в им. и в. падежах мн. ч. существительных жен. рода с основой на *-iā-*, где в результате процессов прасл. санди (sandhi) в старосл. языке появилось окончание **-а/-ѧ**, а в древнерус. языке окончание **-ѣ**.¹⁰ Однако, кроме этой морфонологической разницы, для возникновения гибридных флексий потребовалось и отсутствие в фонологической системе древнерус. языка фонемы <е>, и таким образом в древнерус. морфонологической системе вообще не могло существовать окончание **-а/-ѧ**, не только в данных падежах. (Напр., несмотря на то, что в тв. п. мн. ч. гетероклитических существительных наблюдалось морфонологическое различие между древнерус. (**-ѧми**) и старосл. (**-ѣи/-ѧи**) флексиями, тут все же не возникло гибридное окончание, так как с одной стороны в древнерус. языке были фонемы <у> и <и>, а с другой стороны в морфонологической системе древнерус. языка существовало окончание **-ѣи/-ѧи** (в том числе именно и в тв. п. мн. ч. существительных с основой на *-ǫ/iǫ-*.)

Древнерус. писцы, переписывая протограф, встречались с окончаниями, значение которых они знали, но вероятно не знали точно их правильного произношения. Таким образом, в церковно-книжном произношении старосл. флексии **-а/-ѧ** стали произноситься как *-a/-ja*, что отразилось и в письме. Старосл. окончания **-а/-ѧ** стали заменяться гибридными окончаниями **-а, -ѧ**. Флексия **-а** в СП писалась после букв **ж, жд, ц, ч, ш, џ** и **ѣ**, а окончание **-ѧ** употреблялось после букв, обозначающих гласные (вообще после буквы **и**, один раз после букв **ї** и **ѣ**). При изучении формирования гибридных оконча-

¹⁰ Вл. Георгиев, *Основни проблеми на славянската диахронна морфология*. София, 1969: 66, 98–99.

ний нельзя пренебрегать и ролью орфографической системы СП (как и в других памятниках): хотя буква **а** в СП несомненно обозначает гласный 'а' (иногда и сочетание *ja*), она после букв **ж, жд, ц, ч, ш, щ** и **з** вообще заменяется буквой **я**. Что касается буквы **ѣ**, то за исключением 2 примеров она отсутствовала в графической системе СП, таким образом вместо нее писалась буква **я**, или реже буква **а**.

Нужно подчеркнуть, что мы уже отмечали категории (или избранные для изучения группы), в которых гибридный слой в СП превосходит сумму старосл. и древнерус. слоев: пропорция гибридных флексий у существительных с основой на *-ѣ-* в основном почерке, в р. п. ед. ч. составляет 51,67%, в им. п. мн. ч. 60% и в в. п. мн. ч. 69,70%. Это явление, на наш взгляд, предвосхищает полное вытеснение гибридными окончаниями в известных падежах как старосл., так и древнерус. флексий. Мы предполагаем, что это явление представляет собою один из первых шагов на пути, ведущем постепенно к формированию гибридного языка, т.е. русского церковнославянского языка.

3.2. В склонении неличных местоимений

При нечленных формах неличных местоимений довольно часто отмечаются гибридные флексии.

В твердом варианте: **топ**: 5v.11, 6.16, 15v.18 (иной почерк II), 39v.11 (иной почерк V), 166.12. **всакома**: 22v.1 (иной почерк III).

В мягком варианте: **ѧ** (В. п. мн. ч. муж. р.): 29v.2, 37.9, 58.3, 80v.17, 28.15, 19, 114v.1, 128v.1, 130v.14, 14, 146.11, **ѧже**: 13v.5, 25.14 (*иной почерк IV*), 99.13, 172.14, 178v.15, **ѧѧ** (Р. п. ед. ч. жен. р.): 33.19, 40.9, 96v.18, 125.9, 158v.9, 169.3 (*иной почерк VI*), (**ѡ**, **ѣ**) **ѧѧ**: 153v.12, 166.11–12. **ѧ** (В. п. мн. ч. жен. р.): 32v.8, 90v.4, 5, 94v.6, 9, 11, 15, 141.16, 144v.1. **сѧѧ** (В. п. мн. ч. муж. р.): 74v.8, 109v.19, 146.17, 170.18, 171.19, **сѧѧѧ** (Р. п. ед. ч. жен. р.): 11v.10, 13.9, **сѧѧѧ** (В. п. мн. ч. жен. р.): 53.10, 181.15. **моѧѧ** (Р. п. ед. ч. жен. р.): 70v.5, 12 (*иной почерк V*), 32.3, **моѧѧ** (В. п. мн. ч. жен. р.): 106.12. **тѧѧѧѧ** (Р. п. ед. ч. жен. р.): 22v.14 (*иной почерк III*), **тѧѧѧѧ** (В. п. мн. ч. жен. р.): 158v.18. **ѧѧѧѧ** (В. п. мн. ч. жен. р.): 92v.17, 121.1, 157.11 (*иной почерк VI*), 182v.20. **сѧѧѧ** (В. п. мн. ч. муж. р.): 41.14, 98.1, 130v.10, **сѧѧѧ** (Р. п. ед. ч. жен. р.): 39v.7 (*иной почерк V*), **сѧѧѧѧ** (В. п. мн. ч. жен. р.): 90v.3, 140v.15–16, 143v.12.

В членных формах неличных местоимений найдено всего 2 примера с гибридным окончанием в твердом варианте: **тыла** (В. п. мн. ч. муж. р.): 99v.1. **нѣкыла** (Им. п. мн. ч. жен. рода): 65.20.

Примеры сведены в следующую таблицу. Данные последнего столбца относятся лишь к основному почерку.

Падежи		Старосл. флексия -▲	Древнерус. флексия -✠	Гибридная флексия -а	Пропорция гибридной флексии
Твер- дый вари- ант	В. п. мн. ч. муж. р. у членных форм	4	0	1	20%
	Р. п. ед. ч. жен. р.	16	0	7 (3)	20%
	В. п. мн. ч. жен. р. у членных форм	2	0	0	0%
Мяг- кий ва- риант	В. п. мн. ч. муж. р.	58 (5)	1	24 (1)	29,87%
	Р. п. ед. ч. жен. р.	84 (3)	0	15 (5)	10,99%
	В. п. мн. ч. жен. р.	36 (1)	1	20 (1)	34,55%

Хотя гибридный слой вообще не превышает по частоте старосл. слоя, но у местоимения **и(жѣ)** в в. п. мн. ч. муж. рода гибридные окончания все же встречаются чаще, чем старосл. флексии: 16 примеров (1 в ином почерке IV) гибридных на 13 случаев старосл. флексий (1 в ином почерке).

О возникновении гибридных флексий у неличных местоимений можно сказать приблизительно то же самое, что и в предыдущем пункте. В языке писцов уже не было назального гласного *ѣ*, и писцы не знали, как следовало бы произносить звуко сочетание, обозначаемое в протографе СП вероятно буквой **ѡ** (даже в орфографической системе СП, за исключением 2 примеров, буква **ѡ** не употребляется). Однако, может быть по традиции, в большинстве случаев они еще писали букву **▲**, которая за исключением именно этих флексий (и окончаний у твердого варианта членных прилагательных) в СП пишется почти всегда после букв, обозначающих исконно и вторично смягченные согласные, и обозначает гласный 'а. Конечно, в данных окончаниях буква **▲** должна обозначать сочетание *ja*.

3.3. В склонении членных форм прилагательных и причастий

Наряду с членными прилагательными и причастиями, в этом подразделе мы рассмотрим и членные формы т.н. местоименных прилагательных (**дрѹгѣ**, **мѡногѣ**, **єликѣ**, **коликѣ**, **єєликѣ**, **толѣкѣ**, **какоѣ**, **такоѣ** и т.д.), а также порядковые числительные и местоимение **(-)каторѹи/(-)котерѹи**. Гибридные окончания отмечены в следующих случаях.

В твердой разновидности склонения:

В в. п. мн. ч. муж. рода: **єлагѣ**: 44v.3. **дрѹгѣ**: 10.14–15. **сѣтѣ**: 66v.4.

В р. п. ед. ч. жен. рода: **єєликѣ**: 22.5 (иной почерк II). **гаѣнѣ**: 29v.9. **сѣтѣ**: 66v.4, 93v.10, 141v.8. **єєнѣ**: 69.4–5, 86v.3. **такоѣ**: 11v.10, 75.2, 165v.19.

В им. п. мн. ч. жен. рода: **єєнѣ**: 107v.1 (иной почерк VI).

В в. п. мн. ч. жен. рода: **нѣкотерѣ**: 182.18. **сѣтѣ**: 55v.9, 19–20, 145v.9. **єєнѣ**: 44v.8.

В мягкой разновидности склонения:

В в. п. мн. ч. муж. рода: **больша|а**: 44v.12–13. **бывъша|а**: 147v.12. **домашня|а**: 170.18, флексия последнего примера лишь наполовину может считаться гибридной. **кряща|а**: 156v.9. **нища|а**: 131.5. **сѣща|а**: 128v.15. **сѣткорокъша|а**: 114.18.

В р. п. ед. ч. жен. рода: **сѣдаща|а**: 5v.14; **пришьдаща|а**: 19.12. **животвораща|а**: 35.6.

В им. п. мн. ч. жен. рода: **помысливъша|а**: 95v.5.

В в. п. мн. ч. жен. рода: **сѣ|кѣдѣтельствующа|а**: 89v.9–10. **глаголюща|а**: 81.3. **въздращающа|а**: 160.7. **въздращяща|а**: 160.7. **приходяща|а**: 4.9.

В в. п. мн. ч. муж. рода, а также в р. п. ед. ч., в им. и в. пп. мн. ч. жен. рода встречаются только старосл. и гибридные флексии. Примеры подытожены в следующих двух таблицах.

Твердая разновидность		Старосл. флексия - а	Гибридная флексия - а	Пропорция гибридной флексии
Муж. р.	В. п. мн. ч.	22	3	12%
Жен. р.	Р. п. ед. ч.	70 (1)	10 (1)	11,54%
	Им. п. мн. ч.	3	1 (1)	0%
	В. п. мн. ч.	17	5	22,73%

Мягкая разновидность		Старосл. флексия - а	Гибридная флексия - а	Пропорция гибридной флексии
Муж. р.	В. п. мн. ч.	1	7	87,5%
Жен. р.	Р. п. ед. ч.	0	3	100%
	Им. п. мн. ч.	0	1	100%
	В. п. мн. ч.	0	5	100%

При сопоставлении двух таблиц бросается в глаза почти исключительное употребление гибридных флексий в мягкой разновидности. Объяснение этого явления, вероятно, следует искать в том, что в орфографии СП после букв **ж, жд, ш, ц, щ** и **з** вместо буквы **а** обыкновенно ставится **а**, и по какой-то причине после буквы **а** (по крайней мере, в изучаемых флексиях) чаще ставится **а**, чем после буквы **ы** в твердой разновидности. О возникновении гибридных флексий в членных формах прилагательных и причастий можно сказать то же самое, что и по поводу неличных местоимений.

3.4. В образовании имперфекта

Гибридные формы имперфекта (Имре Х. Тот называет их книжными) возникли путем контаминации старосл. и древнерус. форм.¹¹ Их старосл. свойства проявляются в нестяженности, а древнерус. характер в том, что вместо буквы **ѣ** старосл. сочетания **-ѣа-** в этих формах находится буква **а** (редко **ѡ**): **-аа-**. В этом сочетании буква **а** обозначает гласный 'а, возникший в результате стяжения первоначального сочетания **-ѣа-** в древнерус. языке. В СП гибридные (с виду нестяженные) формы имперфекта отмечены в следующих примерах: **бѣаше**: 19v.14, 31.13–14, 41.6, 49.6, 98v.7–8, 123v.13–14, 124v.10, 167.20, 118.16, **бѣахѡмъ**: 12v.7, **бѣахѡу**: 62v.18, **бѣаста** (3 л. дв. ч.): 66v.16, 18, **покалѣахѡу**: 37v.7, **владѣаше**: 164v.19, **вѣдѣаше**: 8.9–10, 58.1, **жнѣаше**: 142v.9, **ндѣа|ше**: 74.16–17, **прндѣахѡу**: 37v.6–7, **нмѣаше**: 92.7, **нмѣахѡу**: 37v.5, 48v.16, 76.10–11, **мьнѣаше**: 82v.5, **сѣдѣаше**: 10v.5, 12v.13, 15v.16 (иной почерк II), 38.18, 39v.20, 86.20, **хотѣаше**: 3.6, 40.9, 171.4–5.

Соответствующие этим гибридным формам старосл. формы имели бы такой вид, напр.: **бѣаше**, **бѣахѡмъ**, **покалѣахѡу**, **владѣаше**, **вѣдѣаше**, **ндѣа|ше** и т.д. Значит, гибридные формы имперфекта могли возникнуть лишь в случаях, когда основа инфинитива оканчивалась на **-ѣ-** или на согласный в силу того, что только при этом условии стяжение имперфекта могло дать разные результаты в старосл. (**-ѣ-**) и древнерус. (**-а-** или **-ѡа-**) языках.

Разные формы имперфекта подытожены в следующей таблице. В 4 группах имперфекта, указанных в таблице, мы не учитываем имперфекты, образованные от глагола **быти** по образцу аориста, напр.: **бѣхъ**: 18.16, **бѣ**: 3.1, 4.7, **бѣхѡмъ**: 12.4–5, **бѣша**: 35v.4, **бѣхѡбѣ**: 20.6–7, **бѣста** (3 л. дв. ч.): 16v.6, всего 267 примеров (15 в иных почерках).

"Настоящие" не- стяженные формы (лишь старосл.) -аа-, -ѡа-, -ѣа-	Стяженные фор- мы (старосл. и древнерус.) -а-, -ѡа-, -ѣа-	Стяженные формы (лишь древнерус.) -а-	Гибридные формы -аа- (-ѡа-)	Пропорция гибридных форм
69 (5)	534 (31)	248 (7)	34 (1)	3,93%

В связи с первым и вторым столбцом следует отметить, что формы с "суффиксом" **-аа-** и **-а-** в таком виде конечно не могут встречаться в старосл. памятниках, разумеется, эти "суффиксы" соответствуют старосл. "суффиксам" **-ѡаа-** и **-ѡа-**, но в орфографии СП после букв, обозначающих согласные, вместо буквы **ѡ** пишется буква **а**. Гибридный слой является довольно незначительным (3,93%), но он обращает на себя внимание тем, что возникновение

¹¹ И. Х. Тот, Музейное евангелие. *Studia Slavica Hungarica* XI, 1965: 263.

этих форм имперфекта можно ясно реконструировать, поскольку они появились в результате скрещивания старосл. "настоящих" нестяженных форм и стяженных форм, характеризующих только древнерус. язык, т.е. первая половина сочетания -▲▲- является древнерусской (▲), а вторая половина (▲) старославянской.

4. Заключение

Гибридные формы в СП образовались в результате смешивания и взаимовлияния старосл. и древнерус. языка, точнее, смешиванием и взаимовлиянием письменного старосл. языка протографа, т.е. списываемого текста, и родного языка писцов, а также их орфографических норм. В возникновении гибридного слоя следует подчеркнуть значение орфографических норм писцов, так как применение этих норм (напр. буква ▲ после букв ж, жд, ц, ч, ш, щ и з вообще заменяется буквой ▲) явно показывает, что данные формы писцы произносили отлично как от старосл., так и от древнерус. языка.

В СП наблюдается употребление 3 языковых слоев: старославянского, древнерусского и гибридного. Эти слои вообще встречаются рядом друг с другом, и в изученных нами категориях лишь редко засвидетельствовано полное или почти полное господство одного из 3 слоев, т.е. 3 слоя не исключает полностью друг друга. Лишь в склонении местоименных форм прилагательных и причастий наблюдается исключительное употребление гибридных флексий в р. п. ед. ч., им. и в. пп. мн. ч. жен. рода в мягкой разновидности, а также обнаружено исключительное употребление древнерус. окончаний в 3 л. мн. ч. настоящего вр. глаголов. Однако, в СП однозначно преобладает употребление старосл. слоя, после него следует древнерус. слой, а последнее место занимает гибридный слой. Из проведенного анализа вытекает, что язык СП нельзя считать ни чистым древнерусским, ни чистым старославянским. Но язык СП также еще нельзя рассматривать, как русский церковнославянский язык. Язык СП мы можем определить как старосл. язык русской редакции с богатым древнерусским слоем, обладающий также относительно значительным гибридным слоем. Построение языка СП можно моделировать следующим образом: на старосл. основу накладывался богатый древнерус. слой, и в результате взаимодействия этих двух слоев возник новый слой, который можно называть гибридным. В дальнейшем развитии старосл. языка русской редакции именно этот гибридный слой будет играть значительную роль в превращении языка древнейших кодексов, написанных на Руси, в новый литературный язык, т.е. в русский церковнославянский язык, который можно рассматривать как гибридный.

DIE UNGARISCHE IDENTITÄT UND FRAGEN DES MUTTERSPRACH-
GEBRAUCHS IN DER SLOWAKEI
(AUFGRUND EINER BEFRAGUNG UNTER PRESSBURGER STUDENTEN)*

József Szabó

(Szabó József, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Magyar Nyelvészeti Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

1. Einleitung

Es ist bekannt, dass es außer den Ungarn kaum ein anderes Volk gibt, bei dem jedes dritte Mitglied außerhalb der alten Heimat lebt, und zwar hauptsächlich in den Nachbarländern. Es ist über achtzig Jahre her, dass ein Teil des Ungartums nach dem Ersten Weltkrieg und gemäß dem Friedensvertrag in Trianon von einem Tag auf den anderen in das Gebiet der Tschechoslowakischen Republik (derzeit das Gebiet der Slowakei), von Jugoslawien, von Österreich, von Rumänien und der Sowjetunion (zur Zeit das Gebiet der Ukraine) geraten ist. Seitdem leben die Ungarn dort als Minderheit und sind heutzutage meist zweisprachig. Mit den Fragen der Zweisprachigkeit haben sich die dortigen ungarischen Sprachforscher hauptsächlich in den letzten Jahrzehnten begonnen zu beschäftigen und seitdem wurden mehrere wichtige Arbeiten (Bücher, Aufsätze) von ihnen publiziert. Diese Veröffentlichungen sind mit Ausnahme einiger Studien im allgemeinen in ungarischer Sprache erschienen. Solche Ausnahmen sind z. B. die Arbeit von Susan Gal (1979) über die sprachliche Lage der im Burgenländer Oberwart wohnenden Ungarn in englischer Sprache und der Aufsatz von Erzsébet Zelliger (1997) über den Sprachgebrauch der in Oberösterreich lebenden ungarischen Emigrantengemeinschaft auf Deutsch. Es ist bedauerlich, dass z. B. das Ungarische als Minderheitensprache in solchen grundlegenden und imposanten Veröffentlichungen wie Hinderling–Eichinger (1996) und Wirrer (2000) nicht berücksichtigt wurde. Das Ungarische kann nämlich als eine der größten Minderheitensprachen Europas betrachtet werden.

2. Ergebnisse der Befragung unter Pressburger Studenten

Wegen der oben erwähnten Gründe sind die Ungarn in der Slowakei heute meist zweisprachig. Als ich vor einigen Jahren an der Pressburger Universität als Gastprofessor arbeitete, habe ich meine Studenten mithilfe eines Fragebogens über die Lage der ungarischen Mundarten und zu Fragen der ungarischen Identität be-

* Dieser Aufsatz ist eine abgekürzte Fassung meines Artikels, der in der Zeitschrift *Tiszatáj* 1996 ungarisch erschienen ist.

fragt. Die Ergebnisse der Befragung künftiger Ungarischlehrer habe ich zusammengefasst, und ich möchte darüber jetzt berichten.

An der Pressburger Universität arbeitend habe ich mich nicht nur für die Studien und den Fortschritt meiner Studenten interessiert, sondern auch dafür, wie sie über die Rolle der Muttersprache denken, die bei der Wahrung der ungarischen Identität in einer fremdsprachigen Umwelt eine große Rolle spielt. Die Obliegenheiten und die Möglichkeiten an den Unterrichtsstunden der Ungarischlehrer in der Schule und außerhalb der Schule sind nämlich bei der Gestaltung des Sprachbewusstseins und bei der ungarischen Identität ihrer Schüler nicht gering einzuschätzen, damit fällt den Lehrern eine große Verantwortung zu. So muss z. B. der Lehrer eine richtige Ansicht darüber erlangen, wie er die mundartlichen Eigentümlichkeiten im Sprachgebrauch der Schüler beurteilt. Die Stigmatisierung der Eigenheiten der in slowakischer sprachlichen Umwelt existierenden ungarischen Mundarten wäre ein schwerer Fehler, denn die Rolle der Dialekte ist im Sprachgebrauch des Ungartums in der Slowakei viel bedeutender als unter den Verhältnissen in Ungarn (siehe ausführlicher Kiss 1994: 75). Ich war neugierig zu erfahren, was meine Studenten über die Dialekte und die mundartliche Sprechweise meinen, ob sie sich ihrer eigenen Mundart in der Slowakei schämen und welches sprachliche Verhalten sie haben, wenn sie sich in Ungarn aufhalten. Es ist nämlich leider so, dass man die mundartliche Sprechweise bei uns in Ungarn im allgemeinen verachtet.

Ich habe eine Befragung 1995 durchgeführt, an der 29 Studenten teilgenommen haben, d. h. ungefähr ein Viertel der am Lehrstuhl für Ungarische Sprache der Universität Komenský Studierenden. Die zu beantwortenden Fragen waren die folgenden: 1. Was bedeutet es mir, Ungar(in) zu sein? 2. Warum ist die Muttersprache wichtig, wie ist ihre Lage zu beurteilen und was für eine Rolle spielt sie in der slowakischsprachigen Umwelt? 3. In welcher Sprechsituation wähle ich die Umgangssprache bzw. eine mundartliche Sprechweise? 4. Was bedeutet mir das Heimatland und Ungarn, und was für einen Einfluss haben sie auf meinen Sprachgebrauch? 5. Welche Aufgaben erwarten mich als künftigen Ungarischlehrer in der Gestaltung und in der Ausbildung einer ungarischen Identität?

In der nach den Antworten angefertigten Zusammenfassung war ich bestrebt, ein solches Gesamtbild darzustellen, das die Auffassung der 29 Studenten möglichst kennzeichnend und wahrheitsgemäß widerspiegelt. Ich zitiere einige der nuanciertsten und treffendsten Meinungen, denn ich glaube, dass nicht nur die aus den Antworten gezogenen Feststellungen lehrreich sind, sondern auch die Äußerungen der Studenten als künftige Lehrer sind interessant und beachtenswert.

Wegen der Kompliziertheit des Themas hat schon die erste Frage den Studierenden eine Schwierigkeit bereitet. Was bedeutet es, Ungar(in) zu sein, das zu fühlen und sich einzugestehen ist nicht schwer, aber es ist gar nicht leicht, das ausführlich zu erklären. Die Gestaltung der ungarischen Identität hängt nämlich mit

objektiven und subjektiven Faktoren zusammen. Ungar(in) zu sein bedeutet etwas ganz anderes im Vaterland, bei in den USA lebenden Ungarn bzw. bei den in den Nachbarländern wohnenden. Dass sich auch die Studenten über diese Unterschiede im klaren sind, stellte sich heraus. Mehrere haben formuliert, wie wichtig es ist, dass man im alltäglichen Leben (z. B. im Bus, im Laden oder in einer Wohngemeinschaft im Studentenheim) ungarisch zu sprechen wagt, dass man sich der eigenen ungarischen Identität niemals schämen muss, sondern dass man stolz darauf ist. Gleichzeitig haben sie auch dargelegt, dass man die Kultur, die Sprache und die verschiedenen Ergebnisse anderer Nationen kennenlernen und akzeptieren muss. Für viele von ihnen ist es am wichtigsten, dass das Leben der Einzelnen von Menschlichkeit durchdrungen ist und dass jeder, egal welcher Nation er angehört, ein Mensch ist wie jeder andere auch.

Es kann mit der Komplexität der zweiten Frage zusammenhängen, dass den ersten Teil der Aufgabe alle beantwortet haben, dagegen hat nur ungefähr die Hälfte der Studierenden den zweiten Teil der Frage beantwortet. Die Studenten – fast ohne Ausnahme – betrachten die Muttersprache als einen ihrer wertvollsten Schätze, als ein solches Mittel, mit dem sie sich am besten ausdrücken können. Mehrere erwähnen, dass der Besitz der ungarischen Sprache für sie auch deswegen wichtig ist, weil sie dadurch einerseits in den Genuss der reichen und wertvollen ungarischen Literatur kommen, andererseits weil die Bewahrung der Muttersprache das Unterpfand der Erhaltung des Ungartums in der Slowakei ist. Also kann man sagen: Die gemeinsame Sprache ist eine starke Verbindung, die die Einzelpersonen und einige (mehr oder weniger größere) Gemeinschaften (so z. B. die Einwohnerschaft eines Dorfes, eine ethnische Volksgruppe) fest zusammenfügen kann, deren Kraft man in den gewohnten heimischen Umgebung weniger als im Ausland fühlt.

So ist es verständlich, dass jedes Volk, und besonders eine im Rahmen eines anderen Staates geratene Minderheit, auf die eigene Sprache als auf die Bewahrerin ihrer Kultur und auf den letzten Hort ihrer Existenz zäh beharrt. Einer der Befragten bekennt folgendes: „Es gibt keine Nation ohne Sprache und wenn ich meine Muttersprache verlieren und verändern sollte, würde ich meine Nationalität verlieren. Deshalb ist es unbestritten: Wenn wir Ungarn hier in der Slowakei überleben wollen, müssen wir in erster Linie unsere Muttersprache bewahren. Es muss sein!“

Mehrere machen sich Sorgen um die Zukunft und das Schicksal der ungarischen Sprache und sie blicken ängstlich auf die in die Muttersprache eindringenden Slowakismen, deren Verbreitung man heutzutage kaum verhindern kann, die Erlernung der verschiedenen Handwerke und der industriellen Berufe findet nämlich in slowakischer Sprache statt.

Auf die dritte Frage sind im allgemeinen kurze Antworten gegeben worden. Welche Sprachvarianten (die Umgangssprache oder die mundartliche Sprechweise) und wann sie sie gebrauchen, das hängt von der konkreten Sprachsituation

ab, z. B. an der Universität, in der Schule, auf einem Amt, bei dem Umgang mit Fremden oder während des Aufenthaltes in Ungarn wählen sie die Umgangssprache, dagegen halten sie die mundartliche Sprechweise im Familien- und Freundeskreis für natürlich. Ich kann teils aufgrund der Fachliteratur, teils aus meiner eigenen Erfahrung sagen, dass die Rolle der Mundarten im Kreise der in der Slowakei lebenden Ungarn viel größer als bei uns in Ungarn ist. Es ist erfreulich, dass der Gebrauch und die Achtung der Dialekte für meine Studenten (künftige Ungarischlehrer) im allgemeinen charakteristisch ist. Nur einer von 29 Studenten hat geschrieben, dass er sich auch daheim im Familienkreis der Hochsprache bedient. Gewiss hängt es mit der Nationalitätsexistenz und der Geschichte der in der Slowakei lebenden Ungarn zusammen, dass die Meinungen sich meist in der Darlegung der vierten Frage voneinander unterscheiden. Aber die Kompliziertheit des Problems kann dabei mitspielen, dass größere Unterschiede für die hier dargestellten Antworten charakteristisch sind. Ein Student äußert sich z. B., dass er eine besondere Zuneigung für die Heimat nicht empfindet, deshalb kann er sich vorstellen, dass er in einem anderen Land leben könnte. Nach einer anderen Meinung ist für das Leben der Menschen kein Heimatland wichtig, sondern die Zusammengehörigkeit der Familie und der Freunde, und wenn seine Lieben mit ihm (ihr) sind, kann er (sie) ebenso glücklich und zufrieden sein. Ein großer Teil der Studenten äußert dagegen ihre Auffassung nuancierter. Sie stellen ausführlicher dar, dass Heimatland etwas für sie bedeutet und die Verbindung mit Ungarn in ihrem eigenen Leben, in der Gestaltung ihres eigenen Sprachgebrauchs eine wichtige Rolle spielt.

Für uns in Ungarn lebenden Ungarn sind die Erläuterungen sehr lehrreich, sie weisen konkret darauf hin, warum sich meine Studenten fremd fühlen, wenn sie in Ungarn sind. Das nächste Detail eines Beitrags enthält z. B. eine kritische Bemerkung: „Meiner Meinung nach sieht man uns als Fremde (Slowaken oder Tschechen) in Ungarn an, viele halten es für unglaublich, dass wir die ungarische Kultur, die Schauspieler, Schriftsteller usw. kennen; sie glauben auch nicht, dass wir zu Hause unter uns in ungarischer Sprache sprechen.“

Die in Ungarn gebrauchte hochsprachliche Aussprache betrachten mehrere als Muster, und wenn sie sich in Ungarn aufhalten, sprechen sie weniger Mundart als im Heimatland. Einige sind der in Ungarn gebrauchten Umgangssprache etwas entfremdet, sogar die im Rundfunk und Fernsehen gebrauchte Aussprache wird als nicht schön befunden, besonders bemängeln sie die Budapester Aussprache.

Auf die fünfte Frage habe ich von Studenten im allgemeinen bündige und sehr ähnliche Antworten erhalten, bei der Gestaltung der ungarischen Identität haben sie fast alle die Rolle des Ungarischlehrers betont. Er muss nicht nur die ungarische Sprache und Literatur unterrichten, sondern auch die Geschichte, das kulturelle Erbe und die Traditionen des Ungartums bekannt machen. Einige erwähnen, dass das persönliche Beispiel des Lehrers bei der erfolgreichen Lösung dieser Aufgabe eine sehr große Bedeutung hat. Die auf die fünfte Frage erhaltenen

Antworten habe ich mit einem besonderen Interesse gelesen. Ich konnte mit Freude feststellen, dass die überwiegende Mehrheit der Studenten ihre Meinung mit großer Verantwortung und richtigem Sendungsbewusstsein über ihre künftige – schwere und zugleich edle – Aufgabe formuliert hat. Auf die Frage „Was bedeutet mir, Ungar(in) zu sein“ hat einer folgendermaßen geantwortet: „Es bedeutet mir nicht nur das, dass ich ungarisch spreche, sondern bedeutet mir auch die ganze ungarische Kultur, Geschichte und Tradition. Ich bin stolz darauf, dass die ungarische Nation in Europa existiert, umgeben von vielen Völkern, sodass sie noch immer ein wenig fremd erscheint. Ich halte es unbedingt für positiv, dass asiatische und europäische Besonderheiten für diese Nation ebenso kennzeichnend sind. Ich fühle mich als Ungar(in), denn freue mich darüber, dass ich Ungar(in) bin, wenn ich die Werke unserer großen Dichter, Schriftsteller lese, wenn ich echte Volksmusik höre, Volkstanz sehe.“

3. Schlussbemerkungen

Die Ergebnisse der Befragung unter Pressburger Studenten sind – so kann man sagen – sehr ergiebig. Ich hoffe, dass eine ähnliche Denkweise die übrigen Studierenden charakterisiert, die an der von mir durchgeführten Umfrage nicht teilgenommen haben. Wenn es so ist, dann scheint es so zu sein, dass die Schule viel für die ungarische Identität machen kann. Dass sich das in der Slowakei lebende Ungartum in seinem Heimatland daheim fühlt, ist es unverzichtbar, ebenso, dass die Mehrheit in der Slowakei und ihre Machtapparate eine gerechte Sprachen- und Unterrichtspolitik fortsetzen. Es wäre sehr wichtig, wenn auch die Slowakei jederzeit für alle ihre Nationalitäten gleiche wirtschaftliche und kulturelle Möglichkeiten zusichern würde, wie z. B. in Südtirol, in Finnland, in der Schweiz. Dort findet man nämlich bemerkenswerte Beispiele. Vor einigen Jahren hat Ludwig M. Eichinger (1996) die Lage der deutschsprachigen Südtiroler in verschiedener Hinsicht (z. B. aufgrund der demographischen, kulturellen, politischen, soziolinguistischen, wirtschaftlichen Faktoren) untersucht. Er hat seine Erfahrungen so zusammengefasst: „Die Lage in Südtirol ist dadurch gekennzeichnet, dass alle in Pkt. 8 diskutierten Faktoren in einem sehr günstigen Licht erscheinen. Südtirol geht es von den untersuchten Minderheiten – die Westschweiz nicht eingerechnet – mit Abstand am besten. Die Angabe der Streitbeilegungserklärung von den Vereinten Nationen im Jahr 1992 erscheint wie der Schlusspunkt unter eine lange, zuletzt immer mehr vom Erfolg der Südtiroler Bestrebungen geprägten Entwicklung“ (1996: 253).

Ich hoffe sehr, dass die Lage der Ungarn in der Slowakei in der nächsten Zukunft besser wird. Die Geschichte des Ungartums hatte nicht eine Periode, in der das Ganze oder ein Teil unseres Volkes lange gezwungen waren, ihre Sprache und Kultur unter dem starken Einfluss anderer Völker zu bewahren. Es ist kaum zufällig, dass die ängstliche Liebe zur ungarischen Sprache und die Sorge um ihre Erhaltung in unserer Literatur ein immer wiederkehrendes Thema ist. Infolge des

Verlaufs der Geschichte unseres Volkes im 20. Jahrhundert bildet die Gegenwart auch keine Ausnahme. Wir Ungarn müssen unseren Glauben an die Zukunft bewahren. Wir müssen uns für die Erhaltung unserer Muttersprache und für die Verstärkerung der ungarischen Identität – ebenso innerhalb und außerhalb unserer Staatsgrenze – weiterhin einsetzen.

LITERATUR

- Eichinger, L. M. 1996, Südtirol. In: Hinderling, R. – Eichinger, L. M. (Hrsg.), *Handbuch der mitteleuropäischen Sprachminderheiten*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 199–262.
- Gal, S. 1979, *Language shift. Social determinants of linguistic change in bilingual Austria*. New York: Academic Press.
- Hinderling, R. – Eichinger, L. M. (Hrsg.) 1996, *Handbuch der mitteleuropäischen Sprachminderheiten*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- Kiss, J. 1994, *Magyar anyanyelvűek – magyar nyelvhasználat* [Die Ungarischsprachigen – ungarischer Sprachgebrauch]. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó.
- Wirrer, J. (Hrsg.) 2000, *Minderheiten- und Regionalsprachen in Europa*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Zelliger, E. 1997, Schulung, Sprachkenntnisse, Sprachgebrauch in einer Emigrantengemeinschaft. *Dialectologia et Geolinguistica* 5, 99–107.

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БОГАТСТВА ЧАСТНЫХ ПИСЕМ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Иштван Феринц

(Ferincz István, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

С.И. Котков (1964) совершенно справедливо подчеркивает особое значение старинной частной переписки для изучения истории русского языка, так как в сравнении с другими источниками того же самого времени она отражает старую устную речь наиболее ярко и непосредственно. Это объясняется с одной стороны тем, что эти письма и грамотки служили средством общения людей, особенно близко связанных деловыми или родственными отношениями, а с другой – тем, что писали их обычно не писцы-профессионалы, а просто более или менее грамотные люди. Так как письма и грамотки предназначались для неофициального общения, они писались довольно свободно, и только минимально зависели от орфографии и норм как приказного, так и церковнославянского языка. Содержание писем определялось кругом тех дел и событий, которые связывали участников переписки. Грамотки-письма свидетельствуют, что к эпистолярному общению кроме знати и духовенства прибегали и помещики и крепостные крестьяне, выборные и старосты, приказчики, дьячки и подьячие, торговые и мастеровые люди, а также и представители низшего духовенства. Причем география этих грамоток достаточно обширна. Изданные материалы (Пам. 1965; Гр-ки 1969) представляют и Москву, и северные и южные области, и среднее Поволжье, а письма XVIII века охватывают еще большие территории распространения русского языка.

Отображение в частной переписке всedневногo труда и быта людей, их внутреннего мира, кипения страстей, настроений и характеров дает богатый материал для лексических наблюдений – пишет С.И. Котков (1980: 158), издатель и исследователь источников по истории русского народно-разговорного языка XVII–XVIII вв. Читая эти грамотки-письма, мы убеждаемся, что грамотки подробнее и живее, нежели официальная деловая письменность, знакомят нас с разносторонней хозяйственной деятельностью людей в условиях крепостного права, с производственными процессами, их материальной основой, а также с отношениями, которые складывались между социально неравноправными участниками этой деятельности. В этих грамотках находятс я названия хозяйственных строений, наименования сельскохозяйственных культур, земельных угодий и орудий труда, обозначения производственных процессов, погодных условий в области полеводства, лексика огородниче-

ства, садоводства. Также богато представлены в них обозначения предметов и явлений, связанных с областью животноводства, пчеловодством, охотой, рыбной ловлей и т.п. Для иллюстрации вышесказанного приведем несколько фрагментов, дающих об упомянутой лексике известное представление.

В 1694 г. "холоп" И. Данилов и староста Г. Максаков писали своему помещику: посѣно гсдрь авса к Кабылю | КА [= 21] десетина да за Вырою гсдрь посѣно на добрых | земляхъ Д [= 4] десетины с полѣдесетиною а сѣмень выходило на десетину по три четверти | да гарохъ посѣно за городами Д [= 4] десетины а сѣмень вышло Е [= 5] четі с осминою пшеницы посѣно въ еравом В [= 2] десетины а сѣмень вышло | на прикасшиковскоі десетине Г [= 3] асмины не переборна высеено а на *другоі* десети [так!] за гарадам вышло сѣмень полтрети асмины с нолѣчетверичком | проса переборнаі посѣно десетина бес получетвертьки | и та десетина досѣно льном а сѣмень вышло | проса поласмины а лнѣ полтора четверичка а про|са мы ѡбменили на гарох потаму что наша слеглос | а лнѣ гсдрь посѣно в троєм мѣсте и в четвертом | мѣсте отдано на слабадѣ четверик да ѡставле|но гсдрь под ечмен В [= 2] десетины [...] гречихѣ гсдрь | еще не сѣли а земля гатова а что высеем и то | роспис учиним конапи гсдрь посѣнены всѣ ѡ|гароды в пору а сѣмень вышло S [= 6] четі с о|сминою да ѡгѣрцовѣ гсдрь посажено на всѣх; аво|шниках М [= 40] грят без двух а ѣсходы гсдрь хлѣбныя | хѣды потаму что у нас стал сѣхмен а казловскоі | мерин бола охрамѣл и мы приводили конавала | и ѡн вырезовал выподак і ево бѣгъ помиловал | а капуста гсдрь посажена всѣ ѡгароды [...] а прѣд гсдрь с рыбою под рощею по сю порѣ | цел (Ист. 21).

В вестях примерно того же времени, писанных, видимо, приказчиком, говорилось следующее: по твоему гсдрь приказѣ | велено сады заводить и яблоневые гсдрь пни [т.е. саженцы – И. Ф.] | принесли немногие люди [...] прикажи гсдрь к при|казнымъ людям писат чтоб они велѣли рожь молотит і везли бѣ на стругъ [...] | а хмелники гсдрь новые завелъ и старые | хмелники посоломил а всѣ были запущены і мел|ницы обои построил и пруды запрудилъ (Пам. 125).

В 70-х годах XVII в. приказчик Е. Гаврилов жаловался на крестьян: ани ярь посеели | гсдрь а кавыла [т.е. задерненная целина – И. Ф.] в те поры взала засѣха лоше|д]и гсдрь хѣды ковылы драт не силет Гришка Ши|ла приехал на лошади на хромо [так!] а товаришъ ево | Аѡнка на жеребенкѣ и ани гсдрь макот[н]о [так!] пашни не сият похат не то што ковылы я | стал им [гов]орит што ездите на хѣдых лошадей и они. мнѣ гсдрь сказали нам де укас есть што двѣм за адною лошадию ходит и с одною | сохою (Ист. 230); тот же приказчик писал: избы | гсдрю не ставили и двора гсдрь по твоемѣ указѣ не городили и ворот не делали (там же, 229).

В 1706 г. староста Д. Прокофьев наговаривал на крестьян орловской деревни: посы|лалъ с ѡльями і ѡни не послушали | не повезли да ізволилъ ты гсдрь імъ | двор строіт ѡни не слушаю [так!] не строет | і ѡсека не заплели [...] а пчелы гсдрь | починают роіца (Ист. 27).

Приведем, далее, несколько строк из письма крестьянина Ф. Федорова, писанного в 1696 г.: пощади и помилѡи сиротѡ | своего оброком своим боярским половинѡ тебѡ гсдрю дана а дѡрѡгои на нынешной годѡ пощади Мартын Василевичъ сиратѡ своего потомѡ что скѡденъ и бѡден хлѡбъ позябъ весь | а инои снѡгом запал самъ ты вѡдаеш. гсдрь [...] прикажи гсдрь овса дат на симяна своего боярскова (Гр-ки 76).

Эти фрагменты в общих чертах знакомят нас с наиболее актуальными, хотя, естественно, далеко не всеми элементами лексики сельского хозяйства той поры, показывают, с какой степенью детализации она получала отражение в грамотках. В письмах владельцев поместий и вотчин, в частности, в их распорядительных указах приказчикам, старостам и крестьянам выступает в качестве основного тот же лексический состав. Объясняется это общностью круга предметов, событий и понятий, которые вследствие разных причин так или иначе занимали господскую и крестьянскую среду.

Вот примеры хозяйственных распоряжений. В грамотке конца XVII в. помещик Д.В. Михалков наказывал старосте М. Попкову: кото|рой час са грамотка придет [...] велѡт | на бѡлые хлебы отолоч на ядро пят чети ржи | масо свиное полтевое [т.е. соленое, иногда капченое вяленое на вольном ветре – И. Ф.] по прежнему и гуси и ѡтки | и куры и поросенки шерсть и холсты и хмел по прежнему | лица и масло корове по прежнему да семени конопляного што умолоче|но все привести а гречи што ѡмолочено всю де дат въ | крупы чисто гораздо на торговую рукѡ а на семена оста|вит шесть чети (МДБП 42). В начале XVIII в. некая Марья Матвеевна осведомлялась у приказчика Г. Татарина: что у вас въ Якавьлеве і на Студе|нѡце какова хлеба радилось сколка сотѡ|ницъ ржиі сколка авѡса і всякава еравова | хлеба сколка стаговѡ паставѡлена сена | радились ли у вас агурцы і капуста і сяка аво|щъ і буде агурцы радились і ты іхъ велиі | асалить у себя въ Якавьлеве і наставить | іхъ велиі а наставить в погребѡ на дваре | да атьпиши шѡ ка мнѡ что у вас радилось гусей | і утакъ і куръ інѡдеіскиіхъ і тебѡ ка мнѡ | прислать аба вѡсемъ роспись [...] і буде | дились [так!] у тебя яблакі і ты іхъ прикажиі | упрятать (Мурз. 306–308).

Значение рассматриваемых лексических фактов заключается не только в том, что они знакомят нас с состоянием одной из актуальных лексических групп в XVII–XVIII вв., но и в том, что они вводят в историю отдельных слов и выражений, как свойственных всему языку, так и диалектных. Мы, например, узнаем, что *ковылой* называлась задерненная, целинная земля (Ист.

230), а *овощниками* называли огороды (Ист. 21), *пнями* кое-где именовали саженьцы плодовых деревьев (Пам. 125), хлеб мог *снегом западать* (Гр-ки 76), выражение *прятать хлеб, фрукты* означало: 'убирать фрукты или хлеб с поля' (Пам. 119), засушливое время было известно как *засуха* (Ист. 230) или *сухмень* (там же, 21), сено в старину могли называть *ведряным*, т.е. сухим, сушеным на воздухе, на ветру и радовались добрым дождям – *перемокам* (Гр-ки 22).

Включая в себя и общенародную и областную лексику сельского хозяйства, в том числе и сопутствовавших ему рыбного и других промыслов, материалы частной переписки открывают возможность ее изучения и с точки зрения взаимодействия народно-разговорного языка и диалектов. В свете же подобных лексических фактов история соответственных слов и выражений приобретает более конкретные очертания. Словом, грамотки существенным образом могут пополнять наши сведения о лексике сельского хозяйства в ее былом состоянии.

Кроме того, в данной переписке и в грамотах посадских людей, порой и духовенства часто мелькают наименования разновидностей приказных документов: *выпись, грамота, закладная* 'документ о залоге имущества', *купчая* 'акт о покупке недвижимого имущества', *отказная* 'духовная, завещание', *отписка, указ, челобитная* 'письменная просьба' и т.д.; названия экономических понятий: *жэребий* 'Божий суд', *подушный оклад* 'подать в казну с души податного сословия', *тягло* 'подати, натуральные налоги и повинности неслужилого населения'; обозначения юридических акций: *доправить* 'взыскивать деньги' *на ком-либо, справить* 'записывать, укреплять землю' *за кем-либо*; наименования следственных процедур: *очная ставка* 'одновременный, перекрестный допрос двух или нескольких лиц', *повальный* 'охватывающий всех или многих' *обыск*. Как видим, грамотки-письма заключают возможность исследования в лексическом отношении взаимодействия народно-разговорной и приказной разновидностей русского языка.

Когда авторы грамоток описывали осложняющие дела обстоятельства, разные житейские неурядицы, семейные и социальные коллизии, то они не довольствовались простым изложением дел, а прибегали к эмоциональному повествованию с выразительным изображением особенно волновавших их событий, фактов и состояний.

Характерно в этом отношении взволнованное письмо иконописца, не лишенного, видимо, поэтической души. Помещик И.И. Киреевский нанял его писать иконы и, не выполнив своих обязательств, поставил его в тяжелые условия. Иконописец в отчаянии, используя выразительные народные сочетания (пословицы, поговорки) и фразеологизмы народного языка, он так описал свое плачевное положение: посадиль ты меня в такю погибелнѹ и хѹдую | избѹ что ни дѣла в ней ни покою толко мѣкою замѣчили и глаза | выкурили и совсем ѿгноилис ѿт потѹ и мокреди иконные дѣла | портятся и дѣлат и

писат в ней невозможно хлѣба и соли ѿ млсти | твоей и харчу довольнова
нѣтъ хлѣбомъ и солью и дровами заставиль ты | меня скитатца и хлѣбом по
деревням побирапгца и в город для пѣчонова хлѣба таскатца и дрова на
плечах и потпоры в ызбѣ | самъ я на себѣ из рошѣ таскаль ѿ того бѣз ногъ и
бѣз рѣкъ | сталъ ты изволишь говорит такъ чтоб я жилъ а инои говорит | что
пора з двора [...] из насъ і из животинишки нашей хотят живот выклести | не
проклятова не сопьешъ ни съежъ [...] жит невозможно с воды ѿднои мнѣ
сытѣ не быть [...] кто пива и браги | варит а у меня квасѣ нѣ было а пирога нѣ
то что пшеничнова и ржаноѿва нѣ было ни заговѣтца ни розговѣтца было
нѣчем толко посмѣшище | людское всякъ дивится чем мы живимся кто лапти
плететь | тот слаще нас пьет и есть и люди твои смеютца ужо де здѣс | і
иконикъ станет лапти плести и я то вижѣ над собою что | ис сапоговъ в лапти
обуваюсь и кожи х костям присѣшили (Ист. 45).

Не менее выразительны наветы и жалобы старосты С. Лукьянова:
загналь а | баб вашей баарскоі капусты | сечь и он Казма прислал девкѣ | семи
лѣт и а взяв ее да послал | домоі а Казмина снаха ста|ла меня матерна бранит
и а | за то ее прѣтам трожда і у|риль [так!] и мужъ ее меня за вара́т | зреб
[так!] да свекар и хатели меня | абухами прибит шлюс а гсдрна | на Ѳедоткѣ
Макарава пасынка | три катки капѣсты секли семь | днеі какал гсдрна работа |
а прикащик с ними патакает | заодна (Ист. 202–203).

Эмоциональным настроем грамоток, как видим, было обусловлено
употребление в них лексических средств, необходимых для подробного опи-
сания и субъективной оценки тех событий, поступков, фактов и людей, с ко-
торыми связывались судьбы авторов. В грамотках, адресованных близким
людям, в особенности женщинам, нередко довольно подробно рассказыва-
лось о мелочах вседневной жизни, обо всем, что в общем составляло быто-
вой, домашний ее уклад. Разумеется, в них получал отражение уклад преиму-
щественно той среды, которой они принадлежали, в основном – помещичьей
и посадской (ремесленной и торговой), в меньшей мере – крестьянской.

Лексика, характерная для интимной речи, выражения душевных пере-
живаний в письменном общении той поры, кроме литературно-художествен-
ных текстов, выступает, пожалуй, только в грамотках. Колоритные лексиче-
ские элементы речевого интимного общения встречаем прежде всего в посла-
ниях, писанных женщинами или со слов женщин. Они обыкновенно звучат в
обращениях к любимым, близким людям, в изъяснениях нежной привязанно-
сти к ним, в воспоминаниях об этих людях, в изъяснениях самых разнообра-
зных чувств. Выделяем в этом отношении письма Д. Ларионовой: Гсдрю
моемѣ і дрѣгѣ сердешному Иванѣ Семеновичю, – писала она мужу, – женишка
твоя Дашка | премного чело [так!] бьет здравствуй друг мои Иванъ
Семеновичъ на мно|жество лѣт [...] не печался побереги своего здоровья

умились надо мною над такою бедною безродною і над детми а я безродная і беспомошная (Ист. 65–66), а по поводу укрепления супружеских уз далее говорила: послала я к тебѣ | друг мои связочку извол носит на здорове і связыват головушку | а я тое связочку целой днь носила і к тебѣ друг мои послала извол носит на здорове а я ей ей в добром здорове а которыя у тебя друг мои есть в Азовѣ кафтаны старья изношены и ты друг мои пришли ко мне отпоров от воротка лоскуточикѣ кам|ки и я тое камочку стану до тебя друг мои стану носит бѣдто | с тобою видятца (Ист. 66). Колорит интимного речевого общения создают такие лексические средства, как выражения *друг сердечный, свет мой, не печалься, изволь носить на здоровье, будто с тобою видеться, слова умились, беспомощная и безродная, божба ей-ей, уменьшительные образования головушка, связочка* и пр.

В другом письме Д. Ларионова пишет: как обрадовалась с детьми, узнав о здоровье мужа, а в ответ на опасения, что она больна, "печалится без рассудку", успокаивает супруга: я друг моі еі еі не пѣчалюс і в добром | здорове, сообщая далее, что дочери взамен именинного калача послали ему колечко золотое и платочек: колечко Катюшкино изволь на ручке своей носит на здорове | а Парашенкиным платочком изволь ѳтиратца на здорове (Ист. 67).

Нет необходимости умножать примеры. Особое, не восполнимое другими источниками, место писем-грамоток в исследовании словарных богатств народно-разговорного языка, особенно его интимной речи, отражающей внутренний мир человека, представляется очевидным.

Словарное богатство грамоток в тематическом плане многообразно. Кроме рассмотренных и названных выше, в них обнаруживаем заметное присутствие и таких, например, лексических групп, как термины родства *баба 'жена', бабушка, батюшка, брат, внучата, дед, дедушка, дети, детки, де-тушки, дочеришка, дочь, дядюшка, дядя, жена, женишка, зять, невестка, отец, отчим, племянник, племянница, свояк, тесть, теща* и др.; наименования различных мер: *аршин, верста, десятина, кулек, куль* 'старая торговая мера сыпучих тел, около 9 пудов', *мера* 'народная единица емкости сыпучих тел, а также сосуд для их измерения', *мешок, пуд, четверть, четь* 'четвертая часть чего-л.' и др.; отглагольные наименования отвлеченных понятий, оформленные посредством суффикса *-ние*: *веление, владение, воздание, говение, забвение*; оформленные суффиксом *-ка*: *возка, выгрузка, высылка, выторжка, грузка, задержка, кладка, конопатка, очистка, покупка, поноска, уделка* и др.; разного рода бессуффиксные образования от имен прилагательных на *-ость*: *бедность, благость, близость, бытность, верность* и т.д.; глаголы движения и говорения; обильны в грамотках и ономастические материалы.

Народно-разговорный язык, за немногими исключениями, составлял лексическую основу грамоток. Основное содержание грамоток, за вычетом

приветственных зачинов и исполненных добрых пожеланий концовок, излагалось в основном в народно-разговорном ключе. Напротив, зачины и концовки, с их нередко усложненными фразами, характеризовал порой довольно значительный, церковно-книжный элемент. При помощи лексических средств церковно-книжного языка выражались любовь, расположение к адресатам, нарочитое смирение перед ними, заверения в преданности и т.п. Употребление подобных оборотов в составе зачинов и концовок обуславливалось определенными нормами поведения и обхождения того времени. Таких примеров можно привести немало, вот некоторые из них: гсдрю многомлствому Ивану Василевичю смѣю и не смѣю | сие писаница писат вскормленик твоі гсдря моего пре|свѣтлоі трапезы Івашко Ѳеодоров пад на зземлю [так!] да лица | земного челом бую подаі тебѣ гсдрю моему многол[ет]ное здарове і со всеми детушки своими на вѣки в[е]ков (Ист. 56); гсдрю моему млстивому приятелю брату Ивану | Ѡндрѣвичю пад подножию твоему Улянко Ковѣзин | челом бьет многолѣтно гсдрь здравствуи со всѣми своими ближни [так!] приятели и з благочести|вым своим праведным домом (Ист. 83); гсдрю добросродственному ко мнѣ сердоболу и ближнему | приятелю Ивану Андрѣвичю тотка твоя Афонасева же | на Логиновича Пелагѣя челом бую здравствуи Иван Ондрѣвич съ семею своею и з детми на многія лѣта и буд покровен десницею вышняго со всѣм своим блгодат|ным домом (Ист. 84); гсдрю моему млстивому батюшкѣ | Ѳеодоту Димитриевичю снѣ твоі | Савва падъ пред четными твоими | ногами блгословения твоего оте|ческаго прося много челомъ бую до ли|ца земнаго здравие твое да сохранить | вседержащая десница вышняго бга | і впредь идѣши на лѣта многа (Ист. 119–120); детям моим Петровым Якову и Ѳеодору Петро|вичам ѡт мене вам мир и любов і вечное мое вам | блгословение буди над вами милость бжиа | всегда і во веки амин (Гр-ки 47). Концовки того же свойства: за сим бга мола о тебѣ блгодѣтелѣ своем | прося млсти челом бьемъ (Ист. 70); по сем тебѣ гсдрю | своему пад подножию твоѣм много | челом бую и з женишкою своею (Ист. 83); по сем тебѣ писавы [так!] Ѳедка Пазухин стократно | челомъ бьет (Ист. 155); за сем тебѣ гсдрю | неотступноі раб твоі Бариско паки | припадающе к ногам твоим тебѣ гсдрю рабски множественно много | челом бую (Ист. 175); А твоего здоровья слышат жаден | и много челом бую (Гр-ки 16); по том тѣбѣ гсдрю мало пишѣ а много челом | бую до лица земнаго гсдрю моему брату Михаилѣ Ѳеодоровичю да сестрице Марюшке Ѳеодоров|не братишко ваш Петрѣшка челом бую рабскіі | до лица земнаго (Гр-ки 27); по семъ бгъ мира да бѣдетъ с вами днес и на вѣки и з добротворящими к вамъ члвки здравствѣйте (Гр-ки 113); по томъ тебѣ свету

своему много | множество челом бью и буди свѣтъ мой | бгом хранимъ (МДБП 31).

Предварительные наблюдения показывают: церковнославянские элементы свободно и органически переплетаются с лексическими средствами народной речи, в том числе и с наделенными уменьшительно-ласкательными значениями.

Что касается фразеологии, то в грамотках наличествуют и приказная, и разговорная. Первая, как и приказная терминология, употреблялась в том объеме, в каком у авторов грамоток – в основном помещиков и посадских людей – вершились дела в московских приказах и периферийных учреждениях; а употребление разговорной фразеологии было более "просторным". Фразеологические же средства церковнославянского языка были богато представлены в составе зачинов и концовок. Образцов такой фразеологии, связанных с нормами поведения и обхождения того времени можно было бы привести немало, но в дальнейшем я хочу остановиться только на употреблении в письмах словосочетания *бить челом*.

Сочетание *бить челом* и возникшие на его базе сложное слово *челобитье* и субстантивированное прилагательное *челобитная* встречаются в памятниках – по доступным нам источникам и собственным наблюдениям – с XIV века. Значение древнерусского сочетания *бити челом* и слова *челобитье* так определяет М. Фасмер в своем этимологическом словаре (Vasmer 1958: 312): 'untertänigst bitten'; eigentl. bedeutet es 'Stirnschlagen, mit der Stirn den Boden berühren' (zu чело 'Stirn', бить 'schlagen'). Первоначально сочетание *челом бити* означало: стоя на коленях, униженно кланяться так низко, чтобы челом (лбом) доставать до земли, до пола (см. Молотков 1967: 37), т.е. 'отвешивать земные поклоны, почтительно кланяться, приветствуя кого-л.' или 'униженно просить, хлопотать о чем-либо'. На основе этого основного значения сочетания *бить челом* возникло сложное слово *челобитье*, производное с суф. *-j-* (< *-uj-*), ныне устаревшее, имеющее значение: 'поклон до земли с прикосновением лбом к земле', 'приветствие', 'подача письменной просьбы, жалобы'. Слово *челобитная* (письменное прошение обычно на имя царя или местным властям в Русском государстве XV – начала XVIII века) является собственно русским. Образовалось в результате субстантивации прилагательного на базе фразеологического оборота *челобитная грамота*. Прилагательное *челобитная* образовано с помощью суф. *-n-* от *челобитье* (Шанский и др. 1971: 489).

Интересно отметить, что в венгерском языке сочетанию *бить челом* соответствуют *vkit alázattal, hódolattal köszönt; vkihez alázattal folyamodik; könyörög, esedezik (esdekel) vmiért*. Рассматривая этимологию венгерских слов *könyörög, esküszik, esedezik, esdekel*, исследователи обратили внимание на то,

что эти слова первоначально также обозначали действия: припадать к чьим-л. ногам, просить стоя на коленях, кланяться, что, по-видимому, свидетельствует о подобном способе выражения униженной религиозной просьбы, с которой предки русских и венгров обращались к своим божествам-идолам еще в языческие времена, как это наблюдалось еще в прошлом веке у народов ханти и манси. (Об этом см. Mészöly 1982, а также Mokány 1980: 30–32.)

Для иллюстрации употребления словосочетания *бить челом* в различных значениях, мы используем материалы частной переписки.

1. В зачинах изучаемых писем встречаются многочисленные примеры, в которых значение сочетания *бить кому челом (челом ударить)* – 'низко, почтительно, униженно кланяться, приветствуя кого-л.': Гсдрю моему Андрѣю Ильичю, Гришка Аничков челом бьет (Пам. 10); I всѣмъ премного челом бью которые при тебѣ пребывают (Пам. 9); раб млсти твоеи Ганко Алеѣвъ премного челом бью (Пам. 9); Гсдрю нашему Ивану Ивановичю да гсдрни нашей Мариі Дмитревной да гсдремъ нашим Василию Ивановичю да Настаси Ивановной Козелского уѣзду села Долбино крестьянишка твои старостишка Лаврушка Воробев челом бьет (Ист. 22); Гсдрю Ивану Ивановичю холоп твоі Пронка Прокохевъ да старостишка Петрушка Григоревъ челом бьют (Ист. 26); Гсдрю Ивану Ивановичю московска двора твоего дворник Василеі Григоревъ челом бьет в доме твоємъ все дал бгъ здорова да буди тебѣ ведома что бил челомъ тебе Афонасеі Михайловъ снѣ Растовскоі чтобы ему жит на твоємъ дваре (Ист. 31); а на меня не погневося что не приѣхол да вашей особы челомъ ударить (Ист. 30); а на меня не погневоися что не приѣхол да вашей млсти челомъ ударит толко на два дни ѡтпущень племянник вашей особы (Ист. 30).

Что касается церковнославянского влияния в частной переписке, как показывают приведенные примеры, то характерны в этом отношении церковнославянские формы слов: *паки*, *Сѣло* – а жена моя Сѣло болна (Ист. 30); Сѣлоу я благодарен за писание вашего предпочтительства (Ист. 31); а также характерно оформление зачинов грамоток, а иногда и заключений. Эти приветствия чаще всего сопровождались с пожеланиями здоровья и благополучия адресатам, с выражением нарочитого смирения перед ними: да здравствуете гсдри наши на множество лѣт (Ист. 23); или многолѣтно здравствуй со всѣмъ своимъ праведнымъ домамъ (Ист. 23); многолѣтно, и благополучно радостно здравствуй на многие лѣта (Ист. 24). Здесь довольно часто встречаем усложненные, порою затейливые фразы, или просто заимствованные из церковной литературы, или сложившиеся у русских в процессе ее чтения. Напр.: Здравие ваша да сохранить десница вышнего бга на лѣта много с млстивою моею гсдрнею с матушкою с Марьею Дмитрѣвною и сестрицаю Настасею Ивановною за писания вашей млсти

блгодарень и впретъ нас по своєі млстивоі утробе не ѡставъ чего мы завсегда сердечнѡ слышатъ жєлаємъ (Ист. 29).

2. После приветствія авторъ письма обыкновенно благодаритъ адресата за оказанную ему помощь, внимание, подарок и т.д., другими словами, употребляется предложное словосочетание *бить кому челом на чем* – 'усиленно благодарить': Челомъ бью на твоємъ гсдря моего жаловане что пожаловал по млсть своєи поиль і кормил і всѣмъ покоиль (Пам. 9); Челомъ гсдрь бью на твоємъ жаловане что ты жаловал ко мнѣ писалъ двожды о своємъ многолетнемъ здраве (Пам. 12); Челомъ бью на твоємъ жалованье что писалъ ко мнѣ ѡ своємъ здраве (Пам. 15); Челомъ гсдрь бью на твоємъ жаловане что ты будучи в Боровске [...] жаловалъ людишекъ моихъ и крестьянишекъ (Пам. 17); Челомъ гсдрь бью на твоємъ жаловане на рыбке да еще гсдрь бью челомъ на твоємъ жаловане што жаловалъ людишекъ моихъ пожаловалъ ссудилъ ихъ денгами (Пам. 18); Челомъ гсдрь бью на гостинцахъ тебѣ и Агафѣ Василевноі а на писмѣ на грамоткѣ не челомъ бью, хорошо было тебѣ повѣститца (Пам. 39); Челомъ гсдрь мои бью на пріятствѣ твоємъ на тетеревахъ что пожаловалъ меня любовію заочною не забылъ (Пам. 57).

3. Однако, часто после приветствія авторъ письма непосредственно переходитъ къ изложению своєй просьбы. Оно вводится словосочетаниемъ *бить кому челом (челомъ ударить) о чем* – 'почтительно просить, хлопотать о ком-л., о чем-либо'. Если въ просьбѣ содержится, собственно говоря, ходатайство въ интересахъ кого-л., то это выражается конструкціею *за* + винительный падежъ: я вскормленникъ твои по твоєму приказу къ нему Акимѣ ездиль и билъ челомъ о рыбѣ (Пам. 11); а мнѣ убогому тогѡ дѣла безъ млсти твоєі вершитъ і о томъ битъ челомъ невозможно (Ист. 23); а онъ Иванъ прислалъ въ Розрядъ за рѣкою челобитнѣю бьетъ челомъ о переменѣ чтобъ гсдрь ѡказалъ ево изъ Ераславца переменить (Пам. 12); и о томъ побєи челомъ боярину князь Василю Василевичю чтобъ онъ онъ послалъ съ вами слугу своєю (Пам. 20); Аврамъ Лутовиновъ билъ челомъ о томъ поместѣе о дрвни Кобозєвой (Пам. 22); да билъ я челомъ тебѣ о Иванѣ Мишкеєвѣ [...] удиви милость надъ нимъ (Пам. 24); и ты гсдрь никому не бивалъ челомъ о томъ дѣлѣ и не говаривалъ (Пам. 42); умилившись надо мною побѣи челомъ за меня думному Василю Григорєвичю (Пам. 52); да велелъ ты побитъ челомъ ѡ подводѣхъ лесѣ повозитъ (Пам. 54); а будѣ тебѣ станѣтъ салдатъ Харка о чемъ битъ челомъ по своєи млсти пожалуи гсдрь ево Харку (Пам. 55); да и думнаму дяку Василю Григорєвичю пожаљуи побєи жя челомъ за меня раба своєю (Пам. 59); да за меня жъ гсдрь мои пожалуи побєи челомъ думному дворянину (Пам. 60).

4. Какъ показываютъ примѣры, для выражения того, за что авторы писемъ выражаютъ адресату благодарность, все чаще употребляется конструкція *бить кому челомъ за что* – 'благодарить': Челомъ бью за твою премногою къ

себѣ заочною млсть что пожаловал (Ист. 23); Челом гсдрь бью за прѣмногою твою къ бе милосѣтъ что [...] учнилъ мне въ людехъ указъ (Пам. 17); челомъ гсдрь бью за прѣмногою твою гсдря моего к себе млсть что жалуешъ людишек моих и крѣстьяннишек (Пам. 22); за прѣмную твою к себѣ млсть стократно челомъ бью (Пам. 24); Челомъ гсдрь бью за прѣмную твою гсдря моего к себѣ млсть что ты по млсти своеи меня работника своего в забвение не ѣчинил (Пам. 26); Челомъ гсдрь бью за милость твою гсдря моего что пожаловал велел допросит арленина сына боярскова Микиту Арнаутова (Пам. 28); за всякая милосердие твое Ѡетка Бѣзобразовъ челом бьет (Пам. 42); Челом гсдрь бью за твое жалованя что пожаловал меня ѣбогова поискать прислал великого гсдря грамоту о моемъ окладе (Пам. 49); а я тебѣ гсдрю бѣдѣ бит челом за твою млсть (Пам. 51), аже дасть бгъ увижу твои гсдря моего очи і я за вся твоя блгая буду бити челом (Пам. 54).

5. Довольно часто встречается в письмах предложное словосочетание *бить кому челом на кого* – 'жаловаться кому-л. на кого-л.': и ты прикажи члвченку моему побит челом на поручников чтоб их поставили к суду (Пам. 40); брат ево Яковлев Григорей бил челом на батюшка и на дядю об межеване [...] будет Яков станет на нас бит челом и ты изволь на нево бит челом государевым указом (Пам. 43).

6. Так как в частных письмах довольно часто излагается несправедливость к незащитному маленькому человеку, когда ему остается об этом только доносить, докладывать вышестоящему своему господину, или попросить его заступаться за него, то конструкция *бить кому челом* 'доносить, докладывать' представляет собой частое явление: Изволил ты гсдрь писать паметку с Савою Лукьяновым что бить челом Ивану Головкову обо всем и он меня и на очи не пустит ни сказки ничего не слушает [...] никоими мерами нельзя побить челом ни о чем, и я бил челом воеводе і воевода посылал досматриват (Пам. 13); а многое гсдрь мне розорение учинили [беглые люди – И. Ф.] и я бил челомъ великому гсдрю и мне дана великого гсдря грамота к етъману к Ивану Самоиловичю велено гсдрь тех моих беглых людей сыскать (Пам. 19); прашѣ гсдрь млсти побѣи челом моим словомъ батькѣ Андрею Дмитриевичю чтоб пожаловал с тобою приѣхал ка мнѣ х празнику (Ист. 19); да послал гсдрь я на Вологду члвка своег Михаила Онтипова а велел ему бит челомъ Ивану Ѡеодоровичю Нашокину о убитом своем крѣстьянине (Пам. 33); і ты пожалуй гсдрь зделаися с нимі какъ я тебѣ гсдрь бил челом (Пам. 40); и я за тем делам ходил и Василию Семеновичю Семенову бивал челом чтобы он побил челом околничему (Пам. 42); а как Ѡеодор Леонтьевич мимо Белев ѣхал и я к нему приходил челом ѣдарит (Пам. 48).

7. Из других источников нам известны примеры, в которых конструкция *бить кому челом* чем имеет значение 'поднести в дар, дарить, одаривать'.

В изучаемых нами письмах, мы встретили следующие примеры: И он Акимъ тебѣ гсдрю бѣет челом ис своего прѣда триста корасеи, полторасти linee извол гсдрь прислать по рыбѣ (Пам. 11); А я ѡбога тебѣ же гсдрю ис своего ѡбогова прѣдишка челом бѣю пятьдесять корасеи (Пам. 11); челом гсдрь бѣю тебѣ парѣ гончих собакъ вышлеца да сѣкѣ (Пам. 50). Из контекста ясно, что конструкция *бить челом* + винительный падеж или количественное сочетание имеет значение 'поднести в дар, посылать в дар'.

8. Как уже говорилось, известную стандартизацию можем наблюдать не только в зачинах, но и окончаниях писем. Авторы таким же униженным и нарочито смиренным тоном заканчивают свои письма, как и начинали. Приведем несколько характерных заключений писем: за симъ Митка Яблочков премнога челом бѣю (Ист. 19); За семъ гсдрь много челом бѣю (Пам. 10); А семъ писав вскормленикъ млсти твоеи Калинка Бахметев покорно челом бѣю (Пам. 11); за семъ писаниемъ Панка Яблочкав стакротн премнога челом бѣет (Ист. 24); за семъ искател ѿ вскормленикъ млсти твоеи калинка Бахметев челомъ бѣет (Пам. 13); А семъ писав вечной твои работник Андрюшка Бѣзобразов челомъ бѣю (Пам. 17); а семъ писав вечной твои работник Андрюшка Бѣзобразовъ со ѡпрошениемъ челомъ бѣю (Пам. 21); по семъ тебѣ гсдрю своему млству корѣмилцѣ челомъ бѣю да лица земнаго (Пам. 36), о семъ тебѣ гсдрю пад на землю со слезами челом бѣю (Пам. 49); за семъ тебѣ гсдрю своему рабски о землю челомъ бѣю (Пам. 61); по сем тебѣ гсдрю своему пад подножию твоѣмъ много челом бѣю и з женишкою своею (Ист. 83); по сем тебѣ писавы [так!] Ѳедка Пазухин стократно челомъ бѣет (Ист. 155); за сем тебѣ гсдрю неотступноі раб твоі Бариско паки припадающе к ногам твоим тебѣ гсдрю рабски множественно много челом бѣю (Ист. 175); и употребляющиеся в них словосочетания (*челом бѣю да лица земнаго, пад на землю челом бѣю, о землю челом бѣю*) хорошо отражают, что сочетание *бить челом* первоначально действительно означало: 'стоя на коленях, униженно кланяться до земли, до пола'.

Как показывают приведенные нами примеры (они, конечно, не претендуют на полноту), сочетание *бить челом* широко употреблялось и играло важную роль в передаче разных форм человеческого обхождения, отраженных в частных письмах XVII–XVIII веков. Затем, с изменением общественного строя и в результате с изменением человеческих отношений в обществе, это сочетание устарело и вышло из употребления.

* * *

Уважаемому юбиляру, прекрасному преподавателю и специалисту Йожефу Юхасу мы, венгры не только за Толковый словарь венгерского языка

(ÉKsz.) искренне благодарны, но и за чудесный перевод "Житий" протопопа Аввакума и Епифания на венгерский язык (Avvakum–Jepifanyij 1971), а автор этой скромной статьи ему премного бьет челом на добром слове и на поддержке, желает ему здравствовать на многие лета, пребывать в творческой силе и во всяких радостях вместе с теми, кто его любит и ему всякого добра желает.

ЛИТЕРАТУРА

- Гр-ки – *Грамотки XVII – начала XVIII века*. Издание подготовили Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова. Под ред. С.И. Коткова. Москва: Наука, 1969.
- Ист. – С.И. Котков, Н.П. Панкратова, *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века*. Москва: Наука, 1964.
- Котков, С.И. 1964, Материалы частной переписки как лингвистический источник. В кн.: С.И. Котков, Н.П. Панкратова, *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века*. Москва: Наука, 3–13.
- Котков, С.И. 1980, Старинная русская частная переписка. В кн.: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. Москва: Наука, 155–238.
- МДБП – *Московская деловая и бытовая письменность XVII века*. Издание подготовили С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. Москва: Наука, 1968.
- Молотков, А.И. (ред.) 1967, *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.
- Мурз. – Н.И. Тарабасова, Частные письма из Мурзихинского архива. В кн.: *Восточнославянские языки. Источники для их изучения*. Москва: Наука, 1973, 306–308.
- Пам. – *Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А.И. Безобразова)*. Издание подготовили С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. Москва: Наука, 1965.
- Шанский, Н.М., Иванов, В.В., Шанская, Т.В. 1971, *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва: Просвещение.
- Avvakum–Jepifanyij 1971, *Avvakum protopópa önéletírása. Jepifanyij szerzetes önéletírása*. Fordította és a jegyzeteket írta Juhász József. Az utószót Török Endre írta. Budapest: Magyar Helikon.
- ÉKsz. – József Juhász, István Szőke, Gábor O. Nagy, Miklós Kovalovszky (szerk.), *Magyar értelmező kéziszótár*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972.
- Mészöly, Gedeon 1982, Az esküszik szó eredete. In: Gedeon Mészöly, *Népünk és nyelvünk. Válogatott tanulmányok*. Budapest: Gondolat, 80–89.
- Mokány, Sándor 1980, *Magyar szófejtések*. Budapest: Akadémiai Kiadó. (Nyelvtudományi értekezések 105.)
- Vasmer, Max 1958, *Russisches etymologisches Wörterbuch IV*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

СТАТИКА, ДИНАМИКА, ИСТОРИЯ ЯЗЫКА
(ФЕРДИНАНД ДЕ СОССЮР И И.А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ)

Имре Х. Тот

(Н. Tóth Imre, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Фердинанд де Соссюр и Бодуэн де Куртенэ – крупнейшие фигуры структуралистского языкознания. Они открыли целую эпоху в истории науки о языке. Хотя эти ученые работали далеко друг от друга, в их языковедческих системах можно найти явные аналогии и соответствия. Ссылаясь на эти общие элементы, историки науки называли Бодуэна де Куртенэ "славянским Соссюром" (Laziczius 1932: 5). Такое определение исходит из завуалированного предположения о том, что русско-польский языковед смог подняться до столь же крупных открытий в языкознании (разделения синхронной и диахронной теории языкознания, открытия дихотомии языка и речи, а также функционального исследования звуков речи), что и женевский ученый, но позднее, а может быть и не без знакомства с работами последнего. Однако, несмотря на кажущуюся меткость определения, оно не имеет обоснования в истории языкознания. До наших дней остается открытым вопрос о том, насколько самостоятельны были взгляды Соссюра, и насколько вероятно предположение о влиянии на их формирование Бодуэна де Куртенэ. Это предположение было высказано Ласло Деме, который считает, что в вопросе о влиянии Соссюра на Бодуэна следует "сменить направление", то есть заняться исследованием вопроса об обстоятельствах влияния русско-польского ученого на женевского профессора. На этом основании Деме (Deme 1980: 360) предлагает, вместо "славянского Соссюра" говорить "скорее о женевском Бодуэне".

История языкознания должна раскрыть особенности научных систем двух этих больших ученых, воссоздать последовательность их формирования, установить источники, а затем, если это потребует, решать вопрос о приоритете.

Следует подчеркнуть, что вопрос о первенстве имеет значение исключительно с точки зрения истории науки. Фердинанд де Соссюр, который писал на французском языке и работал в культурных центрах "сердца" Европы, безусловно оказал большее влияние на развитие языкознания, чем его русско-польский коллега, скитавшийся по университетам Росси и Польши и, если не считать казанского периода, работавший в довольно трудных условиях. К этому следует добавить, что большинство работ Бодуэна де Куртенэ написано на русском и польском языках, в то время, когда, к сожалению, в научных кругах бытовал девиз "*Rossica et Polonica non leguntur*".

Есть еще два фактора, затрудняющих изучение научного наследия Бодуэна де Куртенэ, а именно:

1) Большая часть публикаций замечательного ученого вышла в свет мало того, что на русском и на польском, но к тому же в труднодоступных в настоящее время изданиях. Множество идей, мыслей не были им подробно разработаны, а были лишь набросаны в программах университетских лекций. Печально, но факт – до сих пор не опубликован полный текст ни одного из этих набросков. Довольно объемное двухтомное московское издание (Бодуэн де Куртенэ 1963) также содержит лишь отрывки из этих столь важных для истории науки источников.

2) Другая трудность, с которой приходится сталкиваться, объясняется долгой научной карьерой и особенностями личности Бодуэна де Куртенэ. Этот прекрасный ученый ради более полного познания истины часто менял свои взгляды. Он сам говорил о том, что часто не разрабатывал свои мысли и идеи, а поручал их оформление ученикам. Таким образом становится понятно, что за 64 года научной деятельности его точка зрения менялась по многим вопросам. Это привело к тому, что в произведениях Бодуэна де Куртенэ одна и та же проблема решается по-разному. Историки языкознания обращают недостаточно внимания на данное обстоятельство и не учитывают зависимости выводов, сделанных ученым в определенный момент, от его предшествующих или последующих взглядов.

Несмотря на перечисленные трудности, мы не должны отказываться от изучения наследия Бодуэна де Куртенэ. В этом вопросе "напрашивается" следующая последовательность. Во-первых, необходимо установить источники (если таковые имелись) важнейших взглядов ученого, их формирование, изменение. В завершении этой фазы исследования следует выяснить, насколько его позиция по отдельным вопросам совпадает, сходна или лишь на первый взгляд похожа на подход Фердинанда де Соссюра. Только после этого, во-вторых, мы можем приступить к сравнению и противопоставлению выводов двух ученых, что обещает немало сюрпризов уже на данном этапе исследования.

Настоящая работа представляет собой часть такой серии исследований. Ее цель – получить представление о том, как Бодуэн де Куртенэ в течение своего научного пути рассматривал понятия статики и динамики и их отношение к истории языка.

Общеизвестно, какое большое значение придавали Фердинанд де Соссюр и Бодуэн де Куртенэ разделению **синхронного** и **диахронного** аспектов языкознания. В связи с этим возникает два вопроса.

Первый относится к тому, какую роль при разработке вышеупомянутой дихотомии сыграло их лингвистическое образование, лингвистическая школа. Не пришли ли ученые к дихотомии благодаря общей лингвистической

школе? Ответ будет отрицательным. Несомненно, что русско-польский языковед, исследуя склонение древнепольских существительных с помощью важных для младограмматиков аналогий, хотя и опередил своих современников, был близок к младограмматической школе. Однако, несомненно и то, что глубокий и самостоятельный ученый не во всем мог принять выработанные новым направлением принципы. Он шел своим путем и медленно, но решительно отошел от младограмматизма. Немного упрощая можно констатировать, что в формировании взглядов Бодуэна де Куртенэ важную роль сыграло противостояние учению и догмам младограмматиков, их критика. Фердинанд де Соссюр, хотя и учился в Лейпциге, где преподавали блестящие представители нового направления, сохранив идейную независимость, в полной мере от них дистанцировался. Эта дистанция между Фердинандом де Соссюром и младограмматиками увеличилась еще более после того, как он написал свою знаменитую работу об индоевропейских гласных.

Упомянутые биографические факты исключают возможность наличия общего источника.

Второй вопрос заключается в том, должен ли ученый при решении научной проблемы, в данном случае в определении синхронии и диахронии, исходить из анализа изучаемого предмета, в нашем случае языка, или для этой цели можно применить сопоставления и аналогии с другими областями знания (естественными, общественными науками). Насколько нам известно, в специальной литературе уделялось недостаточно внимания тому факту, что как Бодуэн де Куртенэ, так и Фердинанд де Соссюр при определении понятия дихотомии синхронии и диахронии исходили не непосредственно из фактов и явлений языка, а из аналогий с другими областями науки.

Бодуэн де Куртенэ в своей словарной статье *Языкознание*, написанной для знаменитого энциклопедического словаря Брокгауза-Эфрона, подчеркивал, что языкознание — это психологическая и социологическая дисциплина. Затем, ссылаясь на аналогии с другими науками, в первую очередь естественными, он указывает на то, что и в этих науках наблюдается **одновременное и последовательное** существование явлений. В соответствии с этим и в языкознании мы можем наблюдать явления, отвлекаясь от их временной последовательности. Однако, если рассматривать языковые явления во временной последовательности, мы получаем историю языка (Бодуэн де Куртенэ 1963: II, 98). Хотя Бодуэн де Куртенэ в тот момент не стал развивать эту мысль, несомненно, что из данного заключения можно вывести представление о двойственности синхронии и диахронии. Заслуживает особого внимания тот факт, что Соссюр приходит к понятию двойственности **статичности** и **эволютивности**, также ссылаясь на внешние аналогии. Исследуя внутреннюю двойственность наук, оперирующих понятием значимости, он пришел к выводу о том, что в языке следует разделять ось **одновременно существующих явле-**

ний и ось явлений, следующих одно за другим. Явления, относящиеся к первой оси, составляют статическое языкознание, а на второй оси размещаются предметы изучения эволютивной лингвистики. Подчеркивая эти две противоположности, можно говорить о синхронном и диахронном языкознании (Сосюр 1977: 112–114). Разумеется, обоих ученых привела к разделению синхронии и диахронии не только аналогия с другими науками, но и анализ самих по себе языковых явлений. В дальнейшем мы хотели бы выяснить, как исследование фактов и явлений языка привело Бодуэна де Куртенэ к изучению взаимоотношений **синхронии, диахронии и истории языка**.

Впервые Бодуэн де Куртенэ подробно изложил свои взгляды на язык и задачи языкознания в декабре 1870 года в петербургском университете, где им была прочитана приватная лекция "Некоторые общие замечания о языковедении и языке", напечатанная затем в 1871 г. Здесь Бодуэн де Куртенэ впервые касается отношений статики и динамики.

В ходе обзора различных областей языковедения, исходя из анализа языковых фактов, Бодуэн де Куртенэ делит грамматику на три большие части: фонологию (фонетику), словообразование (в самом широком смысле слова) и синтаксис. Фонетика также делится на три части, а именно на **физиологическую фонетику, функциональную фонетику**, которая занимается функцией звуков и связана со словообразованием и морфологией, а также на **историческую фонетику**, занимающуюся генетическим развитием звуков. Отношения между ними автор характеризует следующим образом: "Первая физиологическая и вторая морфологическая части фонетики исследуют и разбирают законы и условия жизни звуков в состоянии языка в один данный момент (статика звуков), третья же часть – историческая – законы и условия развития звуков во времени (динамика звуков)" (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 67). Из приведенной цитаты видно, что поначалу Бодуэн де Куртенэ различал статику и динамику только в фонетике (фонологии).

Вероятно, такое различие не удовлетворяло молодого ученого. В процессе дальнейшего осмысления проблемы перед ним открылись более сложные взаимоотношения языковых феноменов. Об этом говорит план университетской программы, который он разработал во время научной поездки 1872–1873 года и опубликовал в Казани в 1875–76 учебном году.

В этом плане под заголовком *Статика звуков* выделено две большие научные области: 1) акустически-физиологическая и 2) психическая (функциональная). Обращает на себя внимания тот факт, что акустически-физиологическая часть разделена на две подгруппы: а) **физиологическую статику** и б) **динамические моменты**. К динамическим моментам относятся звуковые явления, которые происходят из физиологических особенностей звуков в определенных обстоятельствах (ассимиляция, диссимиляция и т.п.) За акустически-физиологической частью следует психическая (функциональная).

После обзора под названием *Статика звуков* помещен план части *Динамика звуков*, в которой рассматриваются звуковые перемены и их закономерности. На основании тематики можно рассматривать эту часть как настоящую историю звуков (историческую фонетику).

В этом плане лекций новаторским является то, что Бодуэн де Куртенэ, наряду с чисто статическими фонетическими явлениями, замечает скрытые в статике **динамические** возможности, которые в определенный момент в определенной звуковой системе приводят к переменам, независимо от того, как складывается дальнейшая судьба изменений (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 81). О дальнейшем развитии взглядов Бодуэна де Куртенэ свидетельствует *Подробная программа лекций в 1876–77 учебном году* в Казани. В части *Статика звуков* этой программы читаем следующее: "Звуковые законы и соответствия звуков: 1) статические, проявляющиеся в один момент существования языка; 2) динамические, проявляющиеся в развитии языка" (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 81). Для правильного понимания этого места следует знать, что Бодуэн де Куртенэ разделял **индивидуальный** и **общинный**, коллективный язык. Индивидуальный язык, по его мнению, имеет развитие, но не имеет истории, а коллективный – имеет историю, но не имеет развития. Для понимания заключенного в статике динамизма ключевым является анализ понятия 'развитие'. Если динамические явления проявляются в развитии языка, значит речь идет о звуковых явлениях, происходящих в индивидуальном языке, которые лишь опосредованно проявляются в общем языке, хотя может случиться и так, что они вообще не окажут на него влияния. Отдельную часть упомянутой программы составляет раздел *Динамика звуков*, т.е. историческая, этимологическая часть фонетики. Здесь мы сталкиваемся с новым понятием, которое Бодуэн де Куртенэ называет **устойчивостью звуков**. Эта устойчивость присутствует как в статике, так и в динамике звуков, ее задачей является ограничение, сдерживание изменений. Переменяемости звуков положен известный предел (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 89).

По сравнению с предыдущей, в этой программе новым является расширение динамики, динамических моментов на область морфологии, а также синтаксиса. Здесь идет речь о морфологической статике и морфологической динамике. В отношении синтаксиса автор ссылается на то, что, как и в фонетике, здесь есть две части – статика и динамика. Все это приводит Бодуэна де Куртенэ к мысли о том, что существует параллельное развитие и одинаковые законы языка с точки зрения фонетики, морфологии и синтаксиса (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 101). Обобщая свои взгляды в отношении грамматики, он делает следующее заключение: "Законы и силы: 1) статические, т.е. действующие в одновременном положении (состоянии) языка, 2) динамические, обуславливающие развитие языка" (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 102).

В программе лекций на 1877–78 год Бодуэн де Куртенэ в главе о фонетических явлениях приходит к положению, которое (в дальнейшем) станет применимо ко всему языку в целом. Эта фраза звучит следующим образом: "Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка – динамика" (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 110). Хотя Бодуэн де Куртенэ делает этот вывод в отношении фонетики, мы в праве предположить, что дихотомия статики и динамики относится и к другим областям, более того, ко всему языкознанию.

Вопрос статики и динамики и позднее занимал Бодуэна де Куртенэ. Кажется, что его решение можно найти в лекции об отношении славянских языков к другим индоевропейским языкам, которая была прочитана уже после того, как ученый покинул казанский университет, в 1883 г. в Юрьеве. Особое место в лекции занимает исследование фонетических фактов, в связи с чем делаются следующие заключения:

1) Состояние звукового состава может быть characterized описательно, **статически**.

2) Нужно обратить внимание на **динамику** звуков, т.е. исследовать, чем и как было обусловлено их возникновение в каждый данный момент.

3) Как результат длинного ряда таких динамических моментов возникает третий вид звуковой характеристики языков, именно характеристика **исторического процесса развития** языков (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 133).

Из этого следует, что для Бодуэна де Куртенэ существовала двойная возможность исследования как звуков речи, так и языка: **статическая** (описательная) и **историческая**. Исследование **динамики**, движения не составляет отдельный аспект внутри языковедения. Вероятно, причиной тому служит наличие в данном **состоянии** языка динамических моментов, которые существуют в первую очередь в индивидуальном языке. Когда эти моменты переходят из индивидуального языка в коллективный, на что требуется определенное время, динамические моменты становятся фактами истории языка. Необходимо подчеркнуть эту дихотомию потому, что в специальной литературе распространилось мнение о том, что позднее Бодуэн де Куртенэ **двоичность** статики и истории заменил на **троичность** статики, динамики и истории. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не указывают на наличие такой троичности.

Ф.М. Березин, который разработал эту гипотезу, исходит из работы выдающегося представителя казанской школы, одного из самых известных учеников Бодуэна де Куртенэ Н.В. Крушевского *Очерк науки о языке*. Березин (1968: 186) считает, что так как Крушевский последовательно подчеркивает троичность статики, динамики и истории языка, он мог перенять это деление только от Бодуэна де Куртенэ. В случае Бодуэна де Куртенэ это

предположение не может быть подтверждено источниками. И.А. Бодуэн де Куртенэ дает краткое, но насыщенное резюме своих взглядов в автобиографии 1897 года.

Здесь мы приводим отрывок из этого столь важного для истории науки документа: "Нет неподвижности в языке... В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики. В языке происходит вечное перемещение мест сцепления дальше неделимых языковых единиц. То известная единица языка увеличивается за счет другой, то наоборот, известная единица лишается известной части своего состава в пользу другой. Одна единица исчезает, другая рождается" (Бодуэн де Куртенэ 1963: I, 349).

Из процитированного отрывка, в котором выдающийся ученый указывает на изменчивость языка, как на самую характерную его черту, логично следует важность историчности языка. В то же время постоянное движение и перемещение выводит на первый план **динамику**. В этом аспекте статика – это лишь видимость. Своеобразный взгляд Бодуэна де Куртенэ на сущность языка, напоминающий знаменитое изречение Гераклита Эфесского о постоянном движении в природе, не исключение в современном ему языкознании. К сходному выводу пришел его выдающийся современник Х. Шухардт, который, критикуя подход Ф. де Соссюра к отношениям синхронии и диахронии, в 1917 г. писал: "Покой и движение (последнее в самом широком смысле слова) не противоречие: только движение – реальность, покой – только видимость. Покою соответствует моментальный фотографический снимок, движению – взаимосвязанность, которую можно наблюдать, например, в кинематографе" (Шухардт 1950: 189).

Как уже упоминалось, для лингвистических взглядов Бодуэна де Куртенэ характерна постоянная их коррекция, изменение; для получения более точных представлений о языке выдающийся ученый часто формулировал их заново. Уже в ранних лекциях Бодуэна де Куртенэ упоминаются процессы, обеспечивающие **равновесие в языке**, постоянство и стабильность, которые противодействуют изменениям. В казанский период молодой Бодуэн де Куртенэ подчеркивал динамические моменты в статике, а в динамике (истории языка) обеспечивающие постоянство статических тенденций. Более подробное освещение этих вопросов содержится в статье *Фонетические законы*, написанной как опровержение учения младограмматизма о "безисключительности фонетических законов". Отправной точкой для этой работы послужило утверждение младограмматиков о том, что долгий ряд происходящих в индивидуальном языке (речи) еле заметных артикуляционных и акустических изменений в конце концов приводит к **определенному фонетическому измене-**

нию. Признавая наличие таких процессов, Бодуэн де Куртенэ подчеркивает противостоящие изменениям, **обеспечивающие равновесие** моменты. В связи с этим он приходит к следующему выводу: "Тем не менее, несмотря на эти колебания и постоянную изменчивость, мы можем констатировать известный "консерватизм". Говоря: "постоянно что-либо меняется", мы должны были бы прибавить "постоянно что-либо сохраняется и остается неизменным"" (Бодуэн де Куртенэ 1963: II, 201). Этот консерватизм, наблюдаемая в динамике статика, обеспечивает постоянство, позволяющее языку осуществлять свою основную, коммуникативную функцию.

Одним из процессов, противодействующих происходящим на разных уровнях языка изменениям, являются прогибительные (в современной терминологии компенсационные) процессы, важность которых подчеркивается в той же работе (Бодуэн де Куртенэ 1963: II, 198). Не вдаваясь в подробности, укажем на то, что в современной структуралистской лингвистике процессам прогибительным или компенсации отводится важная роль. Основным принципом исторической морфологической школы славистики, представленной В.И. Георгиевым и Ю. Журавлевым, являются как раз особенности компенсации.

Имея в виду положения Бодуэна де Куртенэ, относящиеся к изменениям и стабилизации в языке, можно сказать, что он рассматривал язык как стабильную систему, которая характеризуется тем, что, несмотря на постоянные изменения (динамические тенденции), сохраняет стабильность и постоянство, необходимые для выполнения своих функций. Это основное свойство языка напоминает, пользуясь современной естественнонаучной терминологией, биологический гомеостаз. Стабильность, проявляющаяся наряду с изменениями, проистекает из структурных особенностей языка.

Наши рассуждения не могут считаться плодотворными с точки зрения истории науки, если мы не обратим внимание на связи, несомненно существующие между взглядами "славянского Соссюра" и Ф. де Соссюра. Такое сравнение тем более необходимо, что сопоставление теорий этих двух выдающихся ученых является предметом нашей работы.

Общеизвестно, что принято сравнивать важные в учение Бодуэна де Куртенэ понятия статика и динамики (истории языка) с теорией статичности и эволютивности (диахронии) Фердинанда де Соссюра (Jakobson 1971: 421). Однако, в наследии Ф. де Соссюра существуют менее известные понятия, которые более подходят для сравнения, чем упоминавшиеся ранее синхрония и диахрония.

В формировании эпохального *Курса* Фердинанда де Соссюра важную роль сыграли оставшиеся в рукописи заметки, опубликованные Р. Энглером в 1974 г. В этих заметках для нас очень интересны мысли Соссюра о состоянии и движении (*status* и *motus*), записанные в 1897 г. Соссюр считал, что весьма важно различать в языке *status* и *motus*. Швейцарский ученый подчеркивает,

что язык в действительности невозможно познать без различения *status'a* и *motus'a*. Status (состояние) и motus (движение) языка представляют две разные стороны. Мы не получим правильного представления о фактах языка, если не будем ясно сознавать, что состояние (*status*) данного языка складывается из событий (Соссюр 1990: 113). В связи с этим различием в издании Энглера можно прочитать следующее: "Статус и мотус. Все частные и общие явления, ареной для которых может стать язык, либо являются частью **состояний** [выделено Соссюром], каждое из которых они характеризуют в соответствующий момент времени, или же они предстают перед нами в виде **событий** [выделено Соссюром]" (Соссюр 1990: 114). Соссюр подчеркивает, что мотусу исследователями придается обычно большее значение, чем статусу. Соотношение состояния и события Соссюр объясняет тем, что событие (мотус) является причиной состояния (статуса) и предполагает, что "в каком-то смысле" объясняет состояние (Соссюр 1990: 115). Однако тем, что слова *в каком-то смысле* стоят в скобках, Соссюр подчеркивает, что мотус, историческое движение языковых фактов только в ограниченных случаях может служить объяснением особенностей статуса. Этим ограничением женеvский ученый отделяет свою точку зрения от положений младограмматиков, которые считали единственным источником объяснения новых фактов в жизни языка историю языка. В противоположность формуле младограмматиков о роли исторических моментов в жизни языка Соссюр настаивает на том, что статус должен рассматриваться сам по себе потому, что в языке только состояния обладают способностью к означиванию, без нее язык как таковой перестал бы существовать (Соссюр 1990: 116).

Соссюр вводит новый термин для обозначения лингвистических единиц на разных уровнях языка – это слово *факт*. По его мнению *факт* самый подходящий термин для тех, кто хочет разделить этим словом результаты статичных и диахронных методов в жизни языка. Исследовавший языковые явления в их взаимной (структурной) связи Соссюр предлагает рассматривать язык как состояние и событие, причем состояние вызвано событием. Соссюр обобщает свои мысли по поводу разграничения статуса и мотуса в четырех пунктах: 1) необходимо различать состояние и событие; 2) следует противопоставлять эти два различия; 3) следует отделять друг от друга статус и мотус; 4) не учитывающая статус и мотус точка зрения в языкознании не имеет права на существование и не может привести к соответствующим результатам (Соссюр 1990: 119).

Сопоставляя подход Бодуэна де Куртенэ и Ф. Соссюра к фактам языка, можно установить, что оба ученых согласуются в том, что различают синхронию и диахронию в структуре языка. Бодуэн де Куртенэ употребляет для их обозначения термины *статика* и *динамика*, Соссюр – термины *статус* и *мотус*, *состояние* и *событие*. Невозможно не заметить сходства кон-

цепций двух ученых. В системе Бодуэна де Куртенэ статика является не пассивным состоянием, а системой, которая скрывает в себе элементы изменения, склонность к ним. По Соссюру состояние и событие представляют собой два фундаментальных понятия, которые невозможно игнорировать. Женевский ученый не только отличает событие и состояние, но подчеркивает необходимость их противопоставления, даже подчинения одного другому. Бодуэн де Куртенэ, разграничивая статику и динамику, не противопоставляет их друг другу, так как дихотомия этих понятий растворяется в динамике. Статика и динамика – в противоположность Соссюру – в концепции Бодуэна де Куртенэ являются **комплементарными понятиями**, которые следует различать. Их неразличение привело бы к панхронии, которая сделала бы невозможным изучение языка, языковых фактов.

ЛИТЕРАТУРА

- Березин, Ф.М. 1968, *Очерки по истории языкознания в России*. Москва: Наука.
- Бодуэн де Куртенэ, И.А. 1963, *Избранные труды по языкознанию I–II*. Составил В.И. Григорьев и А.А. Ломтев. Москва: Академия наук СССР.
- Соссюр, Ф. де 1977, *Труды по языкознанию*. Переводы с французского языка под редакцией А.А. Холодовича. Москва: Прогресс.
- Соссюр, Ф. де 1990, *Заметки по общей лингвистике*. Перевод Б.П. Наумова. Москва: Прогресс.
- Шухардт, Х. 1950, *Избранные статьи по языкознанию*. Перевод с немецкого А.С. Бородича. Москва: Издательство Иностранной литературы.
- Deme, L. 1980, Egy kérdés visszafordítása. *Nyelvtudományi Közlemények* 82, 358–360.
- Jakobson, R. 1971, The Kazan' school of Polish linguistics and its place in the international development of phonology. In: Jakobson, R., *Selected writings II*. The Hague – Paris: Mouton.
- Laziczius, Gy. 1932, *Bevezetés a fonológiába*. Budapest: Nyelvtudományi Társaság.

АСИММЕТРИЧНОСТЬ ЭКСПЛИЦИРОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Илона Эрдеи

(Erdei Ilona, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék
H–6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Сопоставительный анализ перевода инфинитивных конструкций с русского на венгерский и с венгерского на русский язык, проведенный нами на материале художественных и публицистических текстов, показывает, что частота инфинитивных конструкций в венгерском языке в два-три раза меньше, чем в русском языке. Кроме того, наши данные показывают некоторую **асимметричность** в зависимости от направления перевода, при этом асимметричность в частоте употребления инфинитивных конструкций больше при переводе с венгерского на русский.

Мы провели сопоставительный анализ инфинитивных конструкций в переводах с русского на венгерский и с венгерского на русский язык на материале художественных и публицистических текстов. В каждом случае мы проанализировали по 100 русских инфинитивных конструкций, всего 400, и сравнили их с соответствующим венгерским переводом (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Количество венгерских инфинитивных конструкций на 100 русских в переводе художественного текста		Количество венгерских инфинитивных конструкций на 100 русских в переводе публицистического текста	
Русский →	Венгерский	Русский →	Венгерский
100	42	100	50
Русский	← Венгерский	Русский	← Венгерский
100	36	100	34

Кроме этого, обращает на себя внимание асимметричность применяемых при переводе с русского на венгерский и с венгерского на русский переводческих трансформаций. Ниже приводятся сводные таблицы частоты употребления различных типов переводческих трансформаций при переводе публицистических текстов с русского на венгерский и с венгерского на русский язык в процентах от количества инфинитивов в русском тексте, независимо от направления перевода.

Таблица 2. Перевод инфинитивных конструкций в публицистических текстах с русского на венгерский

	Формальный эквивалент	Обязательная трансформация	Факультативная трансформация	Переводческое эксплицирование
ВСЕГО:	51%	32%	17%	0%

Таблица 3. Перевод инфинитивных конструкций в публицистических текстах с венгерского на русский

	Формальный эквивалент	Обязательная трансформация	Факультативная трансформация	Переводческое эксплицирование
ВСЕГО:	16% ¹	49%	16%	19%

Ниже мы попытаемся найти объяснение для вышеуказанных преобразований с точки зрения теории асимметричности переводческого эксплицирования, выдвинутой К. Клауди (Klaudy 1999).

Эксплицированием в переводе называют явление, когда то, что в исходном языке (ИЯ) выражено в свернутом, имплицитном виде в переводящем языке (ПЯ) передается в более развернутой, эксплицитной форме. По мнению некоторых теоретиков это явление выражается в том, что переводные тексты, как правило, длиннее, многословнее оригинала, что объясняется психолингвистическими причинами. Другие авторы вместо терминов *эксплицирование* и *имплицитирование* говорят о добавлении и опущении. Одни считают, что эксплицирование объясняется структурными и стилистическими особенностями ИЯ и ПЯ, другие используют этот термин только в тех случаях, когда то, что в ИЯ подразумевалось, в ПЯ вскрывается и подчеркивается.

К. Клауди различает следующие виды эксплицирования: 1) обязательное эксплицирование; 2) факультативное эксплицирование; 3) прагматическое эксплицирование; 4) специфическое переводческое эксплицирование.

1. Под **обязательным эксплицированием** мы понимаем случаи, когда у переводчика нет возможности выбирать: морфологические, синтаксиче-

¹ 16% от всех (100) русских инфинитивных конструкций переводного текста. Однако, если учесть, что в соответствующем исходном венгерском тексте общее количество инфинитивных конструкций было 34 единицы (см. Таблицу 1), то сопоставляя эти две цифры, мы видим, что процентное соотношение между 34 и 16 составляет 47%. Итак, мы можем сказать, что 47% венгерских инфинитивных конструкций переведены на русский с помощью формального эквивалента. Таким образом частота применения формального эквивалента примерно одинакова ($P \rightarrow B$: 51%, а $B \rightarrow P$: 47%) в обоих направлениях.

ские или семантические различия между двумя языками заставляют его применять переводческую трансформацию. В противном случае полученный текст ПЯ не будет соответствовать языковым нормам ПЯ.

1.1. Сначала рассмотрим примеры обязательного эксплицирования на материале перевода инфинитивных конструкций с венгерского на русский: ВЯ → РЯ.

В случае инфинитива таким **морфологическим** отличием можно считать

а) наличие в венгерском языке суффикса **-hat, -het**, выражающего потенциальность, которая в русском языке передается эксплицированием с помощью модального глагола **мочь** + **инфинитив**. (По статистическим данным среди модальных глаголов **мочь** встречается чаще всего.)

képzelheted	можешь себе представить
nem vihetlek magammal	тебя ... я взять не могу

б) Или наличие в венгерских каузативных глаголах суффикса **-tat, -tet**, который в русском языке эксплицируется глаголами модального оттенка: **дать, позволить, приказать, велеть, заставить, попросить, принудить** и т.д. + **инфинитив**.

tudatták a dolgot	дали знать
-------------------	------------

Отчасти обязательные эксплицирование и имплицирование объясняется тем фактом, что на морфологическом уровне венгерский язык является синтетическим языком, в то время как русский язык – скорее аналитическим. При переводе с венгерского на русский комплексное значение венгерских глаголов обычно расщепляется на несколько слов: *Megnézhetem?* → *Могу я его посмотреть?* / *Можно (мне) его посмотреть?*

На **синтаксическом** уровне, наоборот:

а) развернутым придаточным предложениям венгерского языка соответствуют емкие причастные, деепричастные или инфинитивные обороты русского языка. Например:

Az Egyesült Államok ma bizonyára akkor is minden igyekezetével <i>azon lenne, hogy a lehető legbarátibb viszonyt alakítsa ki Moszkvával.</i>	Соединенные Штаты сейчас все равно <i>будут стремиться установить</i> с Москвой наиболее дружеские отношения.
--	---

б) Либо тому, что в ВЯ выражается спрягаемым глаголом или существительным, в РЯ соответствуют вербоиды двойного характера, в том числе и инфинитивы. Например:

<i>Fütyülők rátok.</i>	Мне на вас <i>наплевать</i> .
abbahagyta a <i>sírást</i>	она перестала <i>плакать</i>

1.2. Примеры обязательного эксплицирования, взятые из перевода инфинитивных конструкций с русского на венгерский: РЯ → ВЯ

С типичным обязательным эксплицированием при переводе с русского на венгерский мы имеем дело в случае перевода

а) **сочетания существительного с инфинитивом.** Так как в ВЯ существительные, как правило, не сочетаются с инфинитивом, несогласованные определения, стоящие после существительных, также очень редки, такие конструкции переводятся на венгерский язык обязательной трансформацией. В нашем первом примере в ВЯ стоит прилагательное, образованное от существительного.

Мы, взрослые, несем полную ответственность за каждую <i>попытку</i> молодых людей <i>свести счеты с жизнью</i> .	Mi felnőttek, teljes mértékben felelősek vagyunk minden fiatal <i>öngyilkossági kísérletéért</i> .
--	--

Очень часто в таких случаях вместо русского словосочетания существительного с инфинитивом стоит развернутое придаточное предложение.

Однажды пастору Гарри Уоррену передали <i>просьбу</i> незнакомой женщины, ночевавшей в маленькой гостинице – <i>привести</i> к ней служителя церкви.	Egyszer Harry Warren lelkipásztornak átadták egy ismeretlen nő <i>kérését</i> , aki egy kis szállodában éjszakázott, s azt <i>szerette volna, ha a pap felkeresi</i> őt.
--	--

б) Другим типичным примером обязательного эксплицирования может служить перевод **инфинитива в вопросительных предложениях.**

Как <i>спасти</i> человека, решившегося на роковой шаг?	Hogyan <i>menthető meg</i> az az ember, aki a végső lépésre szánja el magát?
---	--

Так как в венгерском инфинитив не сочетается с вопросительными местоимениями, в переводе переводчики эксплицируют имплицированную

модальность русского инфинитива и развертывают "эллиптичность" русского предложения. См. **Как можно спасти человека?* → *Hogyan lehet megmenteni azt az embert?* → *Hogyan menthető meg az az ember?*

в) Другим примером обязательного эксплицирования может служить перевод **объектного инфинитива**.

В моей смерти <i>прошу</i> никого <i>не винить</i>	Halálomért senkit se <i>okoljanak</i>
--	---------------------------------------

Как правило, в ВЯ в большинстве случаев русским объектным инфинитивам соответствуют придаточные предложения со спрягаемыми глаголами в повелительном наклонении.

служащая порта поставила штампик и <i>пригласила пройти</i> на предполетный досмотр	a repülőtéri alkalmazott ráütötte a bélyegzőt a jegyre, és <i>megkérte</i> az utast, <i>hogy menjen</i> biztonsági ellenőrzésre
---	---

2. В случае **факультативного эксплицирования** у переводчика есть выбор: русское/венгерское предложение может быть правильным и без эксплицирования, но в этом случае переводной текст не будет соответствовать языковой норме и стилистическим требованиям ПЯ, и будет восприниматься носителями переводящего языка как "квазиправильный".

2.1. Сначала рассмотрим примеры факультативного эксплицирования в переводе инфинитивных конструкций с венгерского на русский: ВЯ → РЯ.

A WTO-bebocsáttatáshoz a pusztai politikai <i>szándék</i> természetesen <i>kevés</i> .	Для вступления в ВТО, естественно, <i>недостаточно</i> просто <i>проявить политическую волю</i> .
--	---

В русском переводе мы имеем дело с факультативным эксплицированием. Переводчик как бы раскрывает смысл предложения, добавляя инфинитив.

Moszkva hat évvel ezelőtt <i>kérte felvételét</i> a szervezetbe	Москва <i>просила принять</i> ее в ВТО еще шесть лет назад
---	--

В данном предложении у переводчика есть выбор, он мог бы перевести венгерское отглагольное существительное формальным эквивалентом *просил своего принятия в организацию* или заменить его инфинитивом или придаточным цели *чтобы приняли ее в организацию*. Однако, учитывая язы-

ковые нормы и типичность для русского языка объектного инфинитива, он прибегает к факультативному эксплицированию.

2.2. Примеры факультативного эксплицирования, взятые из перевода инфинитивных конструкций с русского на венгерский: РЯ → ВЯ

Следующее предложение может служить примером факультативного эксплицирования на уровне семантики: В качестве примера взят заголовок статьи, в которой речь идет о самоубийствах среди молодежи.

<i>Остановить</i> у последней черты	<i>Segítség az utolsó pillanatban</i>
-------------------------------------	---------------------------------------

Здесь мы имеем дело с явным эксплицированием: русский глагол *остановить* переводится на венгерский как *помощь*.

В случае безличных инфинитивных конструкций при переводе с русского на венгерский, как правило, происходит **эксплицирование лица**:

Можно сидеть в белую ночь, на таком дворике под ивой за врытым в землю старым столом, пить чай из самовара, лениво брать из вазочки прозрачный мед, вздыхать, покуривать... Можно свернуть с улицы Виноградова, пойти по любому переулку, и через 200 метров очутиться как бы в глубокой провинции и в прошлом веке. Можно слушать и не слушать, можно бросить недописанную фразу на полдороге, чтобы прислушаться к другой, можно захлопнуть тетрадь, выпить водки и самому ввязаться в горячий спор, почему банка Окдена называется банкой Окдена. (Ю. Казак)

Автор давал переводить этот отрывок группе студентов (из 16 человек) II-го курса Сегедского университета. В данном отрывке 15 инфинитивных конструкций, которые выражают потенциальность действия и имеют обобщенно-личное значение. Большинство венгерских студентов при переводе эксплицировали лицо и передавали на венгерском языке

а) через 1-е лицо множественного числа спрягаемых глаголов: *Fehér éjszakán elüldögélhetünk az udvaron a fűzfa alatt, egy öreg, földbe ázott asztalnál, szamovár mellett, lustán kanalizhatjuk az átlátszó mézet a tálkából, sóhajtozhatunk, rágyújthatunk...*;

б) через 2-е лицо единственного числа: *Üldögélhetsz a fehér éjszakában, egy kis udvaron a fűzfa alatt, a földbe ázott öreg asztal mellett, szamovárból teát ihatsz, lustán mézet kanalizhatsz az üvegből, mélyeket lélegezhetsz, rágyújthatsz...*;

в) некоторые почувствовали, что любой способ эксплицирования может оказаться слишком монотонным, если повторить его 15 раз подряд, и пытались варьировать, заменяя инфинитивные конструкции спрягаемыми глагольными формами 1-го лица множественного числа, употребленными в об-

общенно-личном значении: *Lehet hallgatni és nem hallgatni, el lehet kapni egy mondatot félúton, hogy meghallgassuk, mit mond a másik, becsaphatjuk a füzetet, kiihatjuk a vodkát, és magunk is bekapcsolódhatunk a heves vitába, hogy miért is nevezik az Okden üveget Okden üvegnek;*

г) или меняя инфинитивные конструкции 2-м лицом единственного числа: *Le lehet fordulni a Vinogradov utcáról bármelyik mellékutcába, és 200 méterrel odébb ott találhatod magad a város elhagyatott részén, a múlt században...*

Вместо 15 инфинитивных конструкций, в переводах студентов количество инфинитивных конструкций колебалось от 6 до 14, при этом самые слабые студенты старались передавать русские инфинитивы формальными грамматическими эквивалентами, в то время как самые сильные пытались переводить текст согласно нормам венгерского языка, эксплицируя лицо, заменяя аналитические русские инфинитивные конструкции (можно + инф.) синтетическими глагольными формами с суффиксом *-hat, -het*, учитывая меньшую терпимость венгерской стилистики к повторам, пытаясь разнообразить выражение обобщенно-личного значения лица.

3. Для перевода инфинитивных конструкций не типично **прагматическое эксплицирование** или имплицирование. Этот вид эксплицирования применяется в первую очередь при переводе реалий.

4. В случае **переводческого эксплицирования**, переводчики развертывают скрытые конструкции оригинала не из-за различий языковых систем. Ими руководит принцип кооперации и желание "перестраховаться", быть уверенным в том, что адресат поймет переводной им текст. А также, желание привести переводной текст в соответствие с языковыми и стилистическими нормами оригинала.

По нашим подсчетам, в переводе с венгерского на русский, приблизительно 20% составляют случаи, когда "непонятно", почему русский переводчик (носитель языка) выбирает инфинитив, ведь в оригинале "ничего" не указывает на необходимость переводческой трансформации. Нам кажется, что именно в этих случаях мы можем говорить о так называемом **переводческом эксплицировании**.

Ниже мы приводим примеры переводческого эксплицирования из художественного перевода романа Гезы Отглика "Школа на границе" (перевод: В.А. и А.В. Смирновых) с венгерского на русский: ВЯ → РЯ

1. ezt már mondta egyszer	он уже пытался говорить
2. ki szedelőzködik komolyan	человек, который всерьез намеревается покинуть пляж

3. mint akiről váratlanul kiderül, hogy folyékonyan beszél	я могу бегло <i>говорить</i>
4. csak mordultam egyet dühösen	я мог всего лишь сердито <i>проворчать</i>
5. az irataim minden igazolást kibírtak	мои бумаги <i>могли выдержать</i> любую проверку
6. én ugyan előbb körbejártam az udvart	я <i>умудрился</i> обойти весь дом
7. pontosan 6 hónapod van hátra	<i>жить</i> тебе <i>осталось</i> ровно 6 месяцев
8. nem az én véleményemre volt kíváncsi Szeredy	Среди <i>захотел</i> <i>выяснить</i> не столько мое, сколько свое мнение
9. A valósághoz teljesen hűen foglalta szavakba	он <i>старался</i> <i>передать</i> события
10. ezt sem jól mondom	я и это не <i>сумел</i> <i>выразить</i>
11. legalábbis úgy értettem	насколько я <i>смог</i> <i>разобрать</i>
12. ezt próbálgatta a kürtös	<i>пытался</i> <i>вывести</i> горнист

Данные венгерские предложения выражают эмоциональность (4), оценочность (8, 9, 10), потенциальность (3, 5), иногда потенциальность действия в независимости от воли его потенциального субъекта (7) и т.д. действия – одним словом, модально-окрашенное действие. Однако, модальность скрыта в контексте, и выражается порядком слов, чаще без формальных, лексических или синтаксических указаний. Если сравнить данные отрывки, мы видим, что в русском тексте появляются глаголы модального оттенка: *пытаться, надеяться, мочь, умудриться, остаться, захотеть, стараться, суметь*. Переводчик "вскрывает" имплицитную модальность, и делает ее маркированной. Если учитывать, что "выражение модального отношения к действию-инфинитиву составляет основное содержание разнообразных конструкций, формирующихся с участием инфинитива" (Золотова 1982: 258), то не удивительно, что русские переводчики прибегают в данном случае к модальным глаголам в сочетании с инфинитивом. Это в полной мере соответствует языковой норме русского языка.

В конкретных случаях замена инфинитивом может показаться случайной, не мотивированной. Однако общая тенденция закономерна, так как соответствует русской языковой норме.

Рассматривая расхождения в грамматическом строе любых двух языков, А.В. Федоров (1958: 186–187) выделяет 3 основных случая:

а) В исходном языке (ИЯ) встречаются элементы, которым нет формально-грамматического соответствия в переводящем языке (ПЯ).

б) В ПЯ есть элементы, не имеющие формально-грамматического соответствия в ИЯ.

в) В ПЯ есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам ИЯ, но отличающиеся от них по выполняемым функциям.

К этой классификации И. Васева (1982: 151) добавляет четвертый случай, связанный с расхождением в норме обоих языков: в ИЯ и ПЯ есть элементы, формально и функционально соответствующие друг другу, но различающиеся по частотности.

Вернемся теперь к сводным таблицам переводческих трансформаций, чтобы сделать выводы из полученных результатов.

1. Формальный эквивалент. Хотя перевод никогда не ставит себе целью воспроизводить грамматические формы подлинника, переводчики подсознательно придерживаются грамматической структуры оригинала, если она не противоречит системе и норме переводящего языка. При переводе с русского на венгерский обращает на себя внимание высокая процентность формального перевода. Это показывает, что мы имеем дело с 4-м случаем: в большинстве случаев венгерский инфинитив формально и функционально соответствует русскому инфинитиву, поэтому под влиянием русского языка переводчики часто прибегают к формальному переводу. Несмотря на то, что при переводе с венгерского языка на русский формальный перевод составляет 16% от русских инфинитивов, по отношению к количеству инфинитивов в венгерском тексте, частота употребления формального эквивалента гораздо выше. Из 34 венгерских инфинитивов 16, т.е. 47%, переведены с помощью формального эквивалента. Таким образом частота применения формального эквивалента примерно одинакова в обоих направлениях (см. сноску 1).

2. Обязательная переводческая трансформация. Результаты сводной таблицы переводческих трансформаций с венгерского на русский показывают, что русские переводчики чаще всего прибегают к обязательной переводческой трансформации, в первую очередь из-за модальных суффиксов *-hat*, *-het*. Это указывает на то, что в венгерском языке инфинитив далеко не так широко используется для выражения модальности, как в русском языке. И хотя соответствующий русский глагол *мочь* может быть переведен на венгерский язык формальным эквивалентом, глаголом *tud*, в силу "семантической занятости" этого глагола, типичным венгерским эквивалентом служит суффикс *-hat*, *-het*.

3. Пропорция факультативных переводческих трансформаций приблизительно одинакова в обоих направлениях.

4. Переводческое эксплицирование. При переводе с венгерского на русский 19% составляют случаи, когда ни грамматические ни лексические элементы не указывают на модальность, тем не менее русские переводчики прибегают к переводческому эксплицированию и раскрывают скрытую в

венгерском тексте модальность. Бросается в глаза, что при переводе русских инфинитивов на венгерский, не выявлено ни одного случая переводческого эксплицирования. Таким образом в данном случае наблюдается наибольшая асимметричность применения переводческих трансформаций. Нам кажется, что эту асимметричность можно объяснить различной частотностью употребления инфинитива в русском и венгерском языках. Применяя переводческое эксплицирование с помощью инфинитивных конструкций, русский переводчик приводит частотность употребления инфинитива в русском тексте в соответствие с русской языковой стилистической нормой. Можно предположить, что из-за сравнительно низкой по сравнению с русским языком частотности употребления инфинитива в венгерском (9,6% от всех глагольных конструкций в венгерском и 27,4% в русском), применения формального эквивалента, а также обязательной и факультативной переводческой трансформации оказывается недостаточно, чтобы получить нормальное для русского языка количество инфинитивов. Чтобы избежать квазиправильности текста перевода, переводчик дополняет количество инфинитивов с помощью переводческого эксплицирования. В то же время, для достижения нормальной частотности инфинитива в венгерском тексте, достаточно применения формального эквивалента и обязательной и факультативной переводческой трансформации. "Нарушение нормативной частотности не ведет к смысловым недоразумениям, но считается грубой стилистической ошибкой, так как портит язык и оказывает отрицательное влияние на "языковое чутье" читателей. Подобные количественные ошибки свидетельствуют о недостаточной языковой культуре переводчика, о незнании родного языка, о неумении отграничивать его нормы от норм чужого языка" (Васева 1982: 169).

Переводческое эксплицирование является корректировочным средством, помогающим переводчику привести переводной текст в соответствие с нормой переводящего языка, то есть по существу оно относится к области стилистики.

ЛИТЕРАТУРА

- Васева, И. 1982, *Теория и практика перевода*. София.
 Золотова, Г.А. 1982, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва.
 Федоров, А.В. 1958, *Введение в теорию перевода*. Москва.

Klaudy, K. 1999, Az explicitációs hipotézisről. *Fordítástudomány* I, № 2, 5–22.

РЕЦЕНЗИЯ

István Fenyvesi, *Orosz–magyar és magyar–orosz szlengszótár. Русско-венгерский и венгерско-русский словарь сленга*. Budapest: SYCA Kiadó, 2001, 640 pp.

Читателям современной русской литературы известно, что постсоветская литература, так же как бывшая самиздатовская, лагерная литература, не брезгает непристойными, арготическими словами, ведь нельзя же писать о чернухе на стерилизованном языке. Сегодня уже многочисленные профессионально сделанные словари отдельных социальных диалектов помогают зарубежным читателям расшифровать слова, найденные в этих произведениях или на страницах газет. Заметим однако, что эти слова напрасно будем искать даже в новейших русских толковых словарях, хотя они – вопреки запретам корректоров и редакторов – широко употреблялись и в советскую эпоху в неофициальном общении, и, в отличие от практики прошлого, их сегодня все чаще можно слышать и со сцен театров и также с экрана.

В России во второй половине 90-х годов книжные прилавки буквально заполонили разного уровня словари русского мата, русской брани, лагерной лексики, молодежного сленга и т.п. Их хватали не только иностранные русисты, любители курьезов, но и отечественные читатели, для которых такие лексикографические работы долгие десятилетия были недоступны, они относились к категории запретных плодов. В советских словарях, как правило, не было обценных слов, также арготических, встречались лишь бранные слова, и то "проверенные" художественной литературой. Нецензурные слова, лексика лагерников и преступного мира не обрабатывались лексикографами. Лингвисты под ненормативной лексикой подразумевали лишь городское просторечие и молодежный жаргон. Они исследовали, например, роль английских заимствований в формировании студенческого сленга, и то только в конце 70-х, в начале 80-х годов (см., например, в сборнике статей: Скворцов–Шварцкопф 1983).

В ряду словарей, устраняющих белые пятна лексикографии, вышел словарь Иштвана Феньвеша. Этот двуязычный словарь уникален по различным аспектам. Прежде всего надо подчеркнуть, что в нем собрана богатейшая внелитературная лексика русского языка. Автор словаря в своей работе опирался не только на имеющиеся словари нестандартной лексики, на произведения "нестандартных писателей" (см. в предисловии список цитируемых писателей), но и на живую устную речь носителей языка. Он пользовался и

методом анкетирования, выясняя значение сленговых слов с помощью как русских, так и венгерских студентов и филологов.

В словаре имеется около 13000 словарных статей. Они включают в себя около 16000 сленговых слов и более 3 тысяч фразеологизированных выражений. Итак, венгерский читатель имеет в руках чрезвычайно богатую коллекцию слов и выражений некодифицированной русской речи. Мы должны заметить, что в Венгрии издан лишь англо-венгерский словарь сленга (András-Kövesscses 1994), однако по богатству обрабатываемого материала не стоит даже сравнивать этот словарь со словарем И. Феньвеша.

Рецензируемый словарь необычайно ценен и потому, что заглавные слова помещаются вместе с исходным микротекстом. Пользователь словаря, таким образом, может сам "проверить" значение данного слова, а также может почувствовать его "смак", определить его новизну, остроту.

Особым достоинством словаря является и то, что в случае сленгизмов, связанных с советским режимом, указывается время их особой распространенности, кроме того, мы находим необычно важные сведения о советской действительности, о репрессивной системе, а также о бытовых традициях того времени. Например, автором объясняется, что такое *литерная статья*, откуда происходит понятие *адмиральский чай*, что значит в прямом и переносном смысле *ромовая баба*, какие ассоциации вызывают у определенного поколения такие аббревиатуры как ОСО, ЦПШ и т.п. Без таких фоновых знаний непонятен юмор, скрытая ирония многочисленных сленговых выражений.

Русско-венгерский словарь сленга может заслужить внимание и венгерских лингвистов невероятно богатой коллекцией венгерских нестандартных слов. Ознакомившись со словарем, мы можем установить ограниченность своих знаний в отношении венгерских сленгизмов. Венгерские эквиваленты – это не только слова, употребляемые мужчинами в состоянии аффекта, это и сокровище полузабытых слов и выражений довоенного городского просторечия, столичного арго или же деревенского фольклора. Вряд ли знакомы современному поколению такие слова, как *prostinger, póter, jergli, bika-kötél, csörögde, orrfirhang, zamekol* и т.п.

Иштван Феньвеша для названия исследуемого им особого пласта лексики предпочитает упорядочивать термин *сленг*. В своих публикациях он дает обширное определение этого понятия, которое в его интерпретации объединяет по существу разнородные лексические явления. Как мы уже видели, в словарь включены кроме "традиционных" сленговых слов и арготические, обценные, а также просторечные, даже разговорные слова. В понимании автора словаря сленг – "это лексика с высокой степенью непринужденности, относящаяся к области нонстандарта, которая состоит из случайно или наме-

ренно измененных, переосмысленных или вновь созданных слов и выражений, усечений, аббревиатур, заимствуемых нередко из языка улицы, из городского просторечия, из арго, жаргонов, а также из других языков. Сленг не брезгует и обращением к словам грубым, а то и обценным. В сленг входят также слова разговорного языка, не нашедшие еще кодификации в толковых словарях" (Fenyvesi 1998: 127). Заметим, что в современной русской лексикографической практике *сленг* как стилистическая категория не встречается (также в новом академическом русско-венгерском словаре), она заменяется то пометой *жарг.* (Кузнецов 1998), то пометой *argó* 'арготизм, жаргон' (Gáldi-Uzonyi 2000).

Несмотря на бесспорные достоинства данного словаря, мы должны обратить внимание и на его некоторые недостатки, и сделать мелкие замечания сначала в связи с подбором словарных единиц. Нам думается, что некоторые слова, имеющие в словаре стилистическую помету *biz* 'разговорное', уже освоены устной разговорной речью, о чем свидетельствует стоящая рядом с ними стилистическая помета *разг.*, например, в Большом толковом словаре (Кузнецов 1998) и частично в Толковом словаре русского языка, составленном Ожеговым и Шведовой (1996). См., например, *положить на книжку, отвальная, от и до, особист, отказник/отказница, подписант* и т.п. На наш взгляд, эти и подобные им слова можно было бы пропустить при составлении словаря.

С другой стороны, некоторые слова, имеющие в словаре Феньвеши стилистическую квалификацию *biz* 'разговорное', мы отнесли бы к категории просторечных слов, например, *севера, сенсуха*.

В современной лексикографии и по сей день является спорным место просторечия в стилистической квалификации. Некоторые лексикографы как, например, Г.Н. Скляревская (1998), а также составители БТС (Кузнецов 1998) категорически отказываются от употребления пометы *прост(оречное)*. Нам думается, что несмотря на современные лексикографические веяния, в случае грамматического (см. последние два примера), фонетического просторечия (как *обнаковенно*) мы встречаемся с собственно просторечными словами, и их включение в ряд сленгизмов уместно лишь в том случае, если они являются в речи говорящего средством языковой игры и не только выражением бескультурья, сигналом происхождения из простого народа. Мы полагаем лишним ставить помету *пр* 'просторечное', например, рядом с таким словом как *путана*, которое происходит из итальянского языка и распространено в мире проституции. На многообразие стилистических оценок, а также на несогласованность, неразработанность, следовательно на неоднозначность стилистических квалификаторов указывает и то, что упомянутое слово в БТС (Кузнецов 1998) имеет помету *жарг.*, в Толковом словаре Ожегова и Шведо-

вой (1996) – *прост.*, а в Русско-венгерском словаре (Gáldi–Uzonyi 2000) – *biz* 'разговорное'. Данное слово прежде всего является сленговым или, пользуясь термином В.С. Елистрарова (1994), арготическим словом. В случае некоторых слов помету *pr* 'просторечное' можно было бы уже заменить пометой *biz* 'разговорное' из-за их распространенности в устной разговорной речи, например, *закладывать/заложить* 'выпивать', *залапать* 'захватать', *мотня* и т.п. (БТС уже отражает передвижение этих слов по стилистической шкале, квалифицируя их разговорными.)

Построение словарных статей логично и последовательно. После грамматической характеристики заглавного слова (отнесенность к частям речи) следует тематическая категоризация, затем стилистическая квалификация слова. В связи с тематическими указаниями мы должны обратить внимание на некоторые неточности. В словарных статьях мы находим пометы, которые указывают скорее всего на сферу употребления и которых нет в списке сокращений, например, *ért, hom, hum, könyvt, szib, sz, szgép, nep*. Другие сокращения употребляются не всегда последовательно, например, мы встречаем *gyűjtő – gyűjt, dél – déli, V.ö – Vö.*, или же такие варианты как *szpv – SZPV – Szpv (Szentpétervár 'Санкт-Петербург')*. Мы считаем не совсем удачными венгерские определения, служащие социолингвистической характеристике слов, как *családi nyelvi, nepper nyelvi, főiskolás nyelvi, filmművész-nyelvi* и т.п.

В каждой словарной статье после квалификации русского сленгизма следует крупным шрифтом его венгерский вариант, который является обобщенным названием данного явления или предмета в литературном языке. Таких обобщающих понятий около 4000, которые являются одновременно исходными словами в венгерско-русской части словаря. Настоящий эквивалент русского сленгизма мы находим лишь после этих обобщающих названий. Для того, чтобы найти и в стилистическом плане, и по эмоциональному накалу подходящее острое, грубое, грубоватое и т.п. венгерское слово к исходному русскому – необходимо в одинаковой мере блестяще владеть всеми тонкостями сниженных пластов этих двух языков. Мы можем убедиться в том, что автор словаря овладел ими прекрасно.

Вчитываясь в словарь И. Феньвеши, мы постепенно входим в некий заколдованный мир, где не признают никаких авторитетов, где нет никаких табу, где единственное средство самозащиты, иллюзии вольности – острое словцо, высмеивание своих врагов, аномалий бытия. Ощущение существования вне закона, позиция постоянной оппозиции вдохновляет словесное творчество обитателей этого мира. Созданные им слова и выражения носят отпечаток народного юмора, балагурства, интеллигентского остроумия, они выражают то беспардонное, то наплевательское отношение к властям, к своим противникам. Мы то и дело убеждаемся в том, что переосмысление общеупо-

требительных слов, перенос их значения по метафорической связи, также возможности словообразования безграничны в русском языке. См., например, переносные значения слов *особняк*, *одеяло* или *стакан* и т.п.

Однако необходимо предупредить тех пользователей словаря, которые хотят во второй, то есть в венгерско-русской части словаря найти венгерские сленгизмы и их русские эквиваленты. Им придется потрудиться. Дело в том, что там заглавными словами являются стилистически нейтральные слова с обобщающим значением, например, *beszél* 'говорить', *bolond* 'сумасшедший', *iszik* 'пить', *ellenszenves* 'несимпатичный' и т.п., а не сленгизмы. К этим нормативным словам примыкает ряд внелитературных русских синонимов.

Со словарем И. Феньвешчи стоит непременно познакомиться, чтобы с его помощью окунуться в речевую стихию "нелегального" русского языка, понять механизмы народного речетворчества, истоки народного юмора. Данный словарь мы можем предлагать вниманию как филологов-русистов, так и переводчиков современной русской литературы, также всем любителям острых языковых ощущений.

ЛИТЕРАТУРА

- Елистратов, В.С. 1994, *Словарь московского аргю*. Москва: Русские словари.
- Кузнецов, С.А. 1998, *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Скворцов, Л.И. – Шварцкопф, Б.С. 1983, *Литературная норма в лексике и в фразеологии*. Москва: Наука.
- Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю. 1996, *Толковый словарь русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ.
- Скляревская, Г.Н. 1998, *Толковый словарь русского языка конца XX в.* Санкт-Петербург: Фолио-пресс.
- András, L.T. – Kövecses, Z. 1994, *Angol–magyar szlengszótár*. Budapest: Eötvös Kiadó, 2. kiadás.
- Gáldi, L. – Uzonyi, P. 2000, *Orosz–magyar szótár*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Fenyvesi, I. 1998, Работа над русско-венгерским словарем сленга (проблемы эквиваленции). In: *Nyelv – stílus – irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára*. Budapest: Argumentum, 127–132.

Каталин Куглер
(Kugler Katalin, SZTE, Orosz Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Десять лет новым славянским специальностям

На историко-филологическом факультете Сегедского университета в декабре 2003 г. состоялось торжественное собрание Кафедры славянской филологии, посвященное десятилетию открытия болгарского, сербского и украинского отделений. На этом собрании приняли участие, помимо сегедских славистов, и представители других венгерских вузов.

В нашем университете славистическое образование до 1993 г. проводилось только на отделении русского языка и литературы. Но это далеко не значит то, что объект научных исследований наших коллег ограничился бы тематикой русистики. Еще в 70-е годы значительных результатов достиг в отрасли староболгаристики Имре Х. Тот. Благодаря его деятельности на Кафедре русского языка и литературы в 1980 г. был открыт болгарский лекторат. Последователи И. Х. Тота, в первую очередь, Иштван Феринц и Габор Балаж из года в год публиковали свои статьи по староболгаристике. Сотрудники кафедры Агнеш Кацiba и автор данного сообщения в первой половине 80-х годов, по окончании отделений сербской и украинской филологий Будапештского университета, стали заниматься проблемами сербского и украинского языкознания. Следовательно, когда в самом начале 90-х годов кафедра была переименована в Кафедру славянской филологии, зачатки новых специальностей уже были живы в почве сегедской славистики. Этот факт отражался и в тематике научных конференций, организованных у нас.

В марте 1992 г. ученый совет нашего университета принял решение об открытии трех новых славянских отделений, образование на которых было начато в сентябре следующего года. Во время подготовки, до 1993 г., заведующими кафедрой были Адам Фейер, а потом И. Феринц. В период 1993–96 гг. во главе нашего коллектива стоял И. Х. Тот, его последователем стала Эдит Саламин. В 1997 г. бывшая кафедра превратилась в Институт славяноведения, имеющий две организационные единицы: Кафедру русской филологии и Кафедру славянской филологии, и в дальнейшем последняя несла ответственность за новые специальности.

В течение десяти лет, точнее, в период начиная с июня 1997 г. вплоть до конца 2003 г., в Сегеде были выданы 62 университетских диплома по новым отделениям: 11 – по болгарскому, 31 – по сербскому и 20 – по украинскому языкам и литературам. За этот прекрасный результат мы должны благодарны, в первую очередь, нашим иностранным лекторам, список которых следует здесь: Иван Харалампиев, Константин Босилков, Лиля Мончева, Елена Балчева, Савелина Банова, Пламен Панайотов, Мария Жерева (болгар-

ский язык), Павле Папулин, Милана Мразовић (сербский язык), Микола Зубов, Сергій Красножон, Наталя Вдовиченко, Оксана Ковальчук, Тетяна Дашковська (украинский язык). В первые годы в образовании по сербской филологии приняли участие как преподаватели-гости Јосип Буљовчић и Иван Мокутер; уже много лет учат наших сербистов профессора из Воеводины Мирјана Бурзан, Мирјана Стефановић и Јован Јерковић; циклы лекций прочитали венгерские ученые других вузов проф. Иштван Ньомаркаи, Карой Гадани и Иштван Удвари. Наша кафедра обеспечивает студентам целого университета изучение не только упомянутых выше, но и других славянских языков, благодаря работе коллегам Йан Пешина и Марта Дршатова (чешский язык), Андреа Генат (болгарский язык), Наталя Шайтош (украинский язык), преподавателям-гостям Гизелла Кешерю (польский язык), Пал Бача (словацкий язык).

Нашим коллективом был организован ряд научных конференций, материалы которых, правда, лишь отчасти, вышли и в свет, см. тома *Hungaro-Bulgarica V* (Сегед, 1994), *Az ortodoxia története Magyarországon a XVIII. századig* [История православия в Венгрии до XVIII века] (Сегед, 1995), *Hungaro-Ruthenica I* (Сегед, 1998) и *II* (Сегед, 2001), *Пятьдесят лет сегедской славистики* (Сегед, 1999). Живые и плодотворные творческие отношения сложились с некоторыми зарубежными и отечественными учреждениями (корни одних контактов восходят к далекому прошлому). Из наших партнеров выделяются Софийский университет им. Климента Охридского, Институт болгарского языка Болгарской Академии наук, Новосадский университет, Народная библиотека Сербии, Одесский Государственный университет им. Мечникова, Киевский Национальный университет им. Драгоманова, брненский Университет им. Масарика, славянские институты, кафедры будапештского Университета им. Лоранда Этвеша, Института Даниела Бержени (г. Сомбатхей) и Ниредьхазского института.

Торжественное собрание, начатое с приветственного выступления декана Историко-филологического факультета Сегедского университета проф. Арпада Берты, было закончено на поздравительных словах заведующего Кафедрой украинской филологии Университета им. Лоранда Этвеша доц. Андраша Золтана, который, от имени всех гостей мероприятия, выразил свои пожелания нам, его сегедским коллегам.

Михай Кочиш
(Kocsis Mihály, SZTE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

НЕКРОЛОГ

Благой Шклифов

(30 януари 1935 г. – 24 септември 2003 г.)

Преждевременната смърт на известния български езиковед Благой Шклифов е оргомна загуба за българското езикознание и за диалектологията на славянските езици. В негово лице българската диалектология изгуби въодушевен и неуморен изследовател, който беше посветил живота и научната си дейност за изучаване на диалектите на родното му място в Костурско (Кастория). Като записва диалектите на това място, чиито корени са дълбоко във вековете, той ги съхранява за бъдещите изследователи, които без да се запознаят с постиженията на Благой Шклифов не биха могли да пресъздадат достоверно езиковата картина в тогавашната област, Костурско. Произходът и съдбата на професор Шклифов, както му ги е подготвил живота, са посветени на изследвания за езика на предишната му родина. Това е живот, пълен с неочаквани обрати и изпитания.

Благой Шклифов е роден на 30 януари 1935 г. в село Черешница (на гръцки Поликерасос), тогавашно Костурско (сега Кастория). Започва училище в родното си село и се учи на родния си език, докато вятърът на историята не променя съдбата му. През 1948 г. гръцките партизански власти ЕЛАС, опасявайки се от отмъщението на правителствените отряди, по предложение на гръцката комунистическа партия, изпращат 4000 деца в различни градове на Унгария, Полша, Румъния и Съветския съюз.

Така Благой Шклифов се оказва „сирак-бежанец от Гърция“ в Унгария. Възпитаван е в унгарски детски домове и е учил в гръцко училище като „гръцки поданик“, където говорещото на роден диалект дете научило гръцки език. Средното си образование завършил в Дебрецен, а висшето – в университета „Лорант Йотвъош“ в Будапеща, откъдето получава диплома за преподавател по руски език и литература, а през 1962 г. завършва и българска филология в същия университет.

Няма да сгрешим, ако предположим че точно заниманията по българистика в Будапеща са изиграли решителна роля за решението му да посвети живота си на диалектите на родния си език. Решителна крачка към това решение става отпътуването му за България през 1964 г. От тогава той става аспирант в Софийския университет „Св. Климент Охридски“ под ръководството на видния български езиковед и диалектолог Стойко Стойков. През 1969 г. Шклифов защитава кандидатска дисертация на тема „Костурският говор“ която е издадена и като книга („Костурският говор.“ София, 1973). След защитата става сътрудник на Института за български език към Българската

Академия на Науките, където от 1970 г. до 1981 г. се занимава с комплексни изследвания на югозападните български диалекти. През 1981 г. заради критиките му към „Уводен том на общославянския лингвистичен атлас“, издаден през 1977 г. в Москва, е преместен в Центъра за научна информация при БАН. От тук той успява да се върне в Института за български език към БАН едва в 1988 г., където работи на различни длъжности до смъртта си. През 1995 г. той става доктор на филологическите науки. Резултат от многогодишната му изследователска работа е неговият труд „Проблеми на българската диалектна и историческа фонетика с оглед на македонските говори“, издадена през 1995 г. Целта на работата му е на основата на съобщения от живи носители на диалектите възможно най-пълно да опише съществуващия само виртуално и съхранен само в устната реч костурския диалект, както в неговата цялост, така и негови отделни части. За монографията му „Пастирската лексика в района на Вич планина“ през 2000 г. му е присъдено званието професор.

Той привлича към изследователската си работа и съпругата си Екатерина Шклифова, заедно с която събира материали и издава през месец юли 2003 г. диалектоложки сборник, който съдържа ценни текстове и факти под общото название „Български диалектни текстове от Егейска Македония“. Това е последното му издание приживе. На 24 септември 2003 г. в село Волтарен след автомобилна катастрофа той неочаквано умира.

Благой Шклифов смята за цел на своя живот изследването на македонските говори с всичките трудности на изборния от него път. От тази си цел той никога не отстъпва, на нея той посвещава целия си научен живот. Без да щади себе си, упорито и целенасочено той се стреми към най-пълното и щателно изпълнение на задачите, които си е поставил. В литературознанието съществува понятието автор на една книга (*homo unius libri*). За професор Шклифов също можем да кажем, че той е изследовател на една тема. Давайки такова определение, ние искаме да изразим нашето уважение към неговия последователно осъществен творчески път. Той упорито се стреми към осъществяване на своята научна програма, без да признава никакви компромиси. Това му дава възможност да постигне големи резултати в своята област. Безкомпромисната дейност на учения е дала богати плодове – в библиографията на неговите научни трудове се съдържат 6 книги, един речник „Речник на Костурския говор“, 29 научни работи и 3 рецензии.

Известно е, че в изследванията по история на езика са формулирани две основни направления, които в славистиката са представени като школата на А.И. Соболевский и направлението на А.А. Шахматов. Разликата между двете направления се състои в източниците за историята на езика: А.И. Соболевский смята за основни източници езиковите паметници, чиито данни той потвърждава като използва живия език и говорите. А.А. Шахматов поставя на

първо място говорите. Като сравнява материали от говорите със свидетелства от паметниците и като проверява този материал, той го е изпозвал в своите произведения. Благой Шклифов представлява направлението на А.А. Шахматов, което е напълно разбираемо, защото на изследвания от него диалект няма езикови паметници.

В същото време при възможност той придава голямо значение на систематичната, последователна съпоставка на материала със славянските езици. Техниката на изследване, която прилага професор Шклифов е отразена най-добре в неговата книга, посветена на българските говори и въпросите на историческата фонетика „Проблеми на българската диалектна и историческа фонетика с оглед на македонските говори“ (София, 1995).

Професор Шклифов разработва свой метод за изследване на фонетичния фонд на анализирания от него диалекти. Същността на подхода му се състои в това, че той обяснява историята на отделните фонemi, изхождайки от характерните особености на звукообразуването, като взема под внимание и други тенденции на звукоизменението в изследвания езиков пласт. Системният характер на неговите изследвания осигурява надеждността на резултатите и възможността за тяхното по-нататъшно използване. От гледна точка на историята на езика и даже от гледна точка на сравнителното изучаване на славянските езици заслужават внимание неговите твърдения за фонемата, означена с буквата ѝ, а също и за съдбата на носовите гласни *q*, *ę*. Но тези въпроси вече излизат от рамките на историческата диалектология и са проблеми на общата славистика.

В книгата на Благой Шклифов най-важните въпроси на историята на българската фонетика са получили ново обяснение, благодарение на обединението на изследването на говорите със системния подход към явленията. Тук могат да се срещнат такива езикови факти, които по-рано са убягнали от вниманието на учените и поради това представляват съвършено ново явление в тази област на науката. Има и проблеми, чието решение и досега предизвиква дискусии и които не можем да считаме за разрешени. Може да се каже, че тази книга, макар и построена на материал от диалекта на село Черешница, представлява голям принос в българската историческа диалектология и в изследването на македонския диалект. Със своите интересни предложения и открития тя безусловно е оказала влияние на историческата и описателната диалектология.

Особената ценност на монографиите на професор Шклифов, посветени на костурския и долнопреспанския говор, се определя преди всичко от тяхната обективност, съобщенията на точни и достоверни данни. Може би в оценките на споменатите езикови явления ще настъпят някакви изменения, но фактическите данни, които привежда професор Шклифов ще останат действени в историята на нашата наука.

Като говорихме за биографията на професор Шклифов, споменахме, че в детството си той попада в Унгария. Тук той се е възпитавал, учил се и е започнал работа. Той е овладял не само гръцки, но и унгарски език, запознал се е с унгарската литература и култура. Но най-главното е, че той е обикнал Унгария и унгарците и никога не е скривал това. Затова той взема активно участие за задълбочаване на българо-унгарските връзки. Той е помагал на унгарци, оказали се в България, като много от тях е приемал в своя дом. Той е съдействал на много унгарски студенти да получат стипендия в България. Колегата Благой Шклифов беше човек, на чиято помощ можеха да разчитат всички унгарци, пристигнали в България. Това хуманно отношение той проявяваше винаги, когато някой от унгарците е заболявал или е попадал в друга беда. Той винаги се е притичвал на помощ. Нашият любим приятел Благой Шклифов стана неофициален посланик на българската култура и българистиката в Унгария. Той винаги е поддържал провежданите в Унгария изследвания по българистика. Без да щади сили, време и здраве, той се стремеше да разширява базата на нашите българистични изследвания. Той разбираше, че трябва да се поддържат не само столичните изследователи, но и извънстоличните. Така той установи контакт с изследователите от катедрата по руски език и литература в Сегедския университет, на които предложи да се занимават с българистика. Той постоянно посещаваше тази катедра, четеше тук лекции на студентите, вземаше активно участие в научни конференции, организирани от катедрата. С помощта на Българския културен център той се старееше да осигури специализирана литература за сегедските изследователи. Той популяризираше в България работата и постиженията на нашите изследователи и така съдействаше за установяването на връзките между сегедските и българските специалисти. В резултат на неговите усилия известни български учени постоянно посещаваха сегедските колеги и поддържаха тяхната работа. Той имаше огромна роля в редовното изпращане на български лектори в Сегед в рамките на българо-унгарските културни връзки. Благодарение на цялата тази дейност ние успяхме да създадем в нашия университет специалност българска филология, която и до ден днешен съществува и работи успешно. Професор Шклифов помагаше според силите си унгарски специалисти да бъдат поканени на Софийския летен семинар, на семинарите по старобългаристика, както и на първия и втория Конгрес по българистика.

Колегата Шклифов разбираше важността на старобългарския (старославянския) език и българо-унгарските езикови връзки. Ето защо той поддържаше изследванията по история на българския език, които се извършват в Унгария. Но той не се ограничи само с теоретични изводи, за което свидетелство е неговият труд „Старобългарският субстрат в унгарския език“, който излиза на унгарски в сборник, посветен на 1300-та годишнината от създаване-

то на българската държава, но също е отпечатан и на български в сп. „Отечество“, брой 158, 1982 г.

Благой Шклифов беше деен и общителен човек. С всички значителни българисти в нашата страна той имаше не само колегиални, но и приятелски отношения. Той заслужи любовта и уважението на унгарските си колеги. Познавайки неговата научна дейност и човешки качества, можем да кажем, че както българските му колеги, така и унгарските българисти признават научните му заслуги, ползват се от неговите постижения и съхраняват паметта за него.

*Преподаватели от Института по славистика
в Сегедския университет*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, издающемся Институтом славистики Сегедского университета (Венгрия), публикуются работы (объемом макс. до 12 страниц) по вопросам теоретико-описательного, сравнительно-исторического исследования славянских языков, а также сопоставления их с венгерским языком на английском, немецком, русском и других славянских языках. Рукописи присылаются в редакцию по адресу Института славистики: *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica, Szegedi Tudományegyetem, Szláv Intézet, H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. szlav@primus.arts.u-szeged.hu*. Рецензирование рукописей – в случае, если автор пишет не на родном языке – входит в обязанность автора. Рукописи, посланные в другие редакции или уже опубликованные, не принимаются. Авторам опубликованных рукописей бесплатно высылаются по 10 оттисков статей/рецензий. Корректурa авторам не высылается. Рукописи не сохраняются и не возвращаются.

Рукописи должны быть представлены в двух видах: и как файл формате (Word for Windows) и как распечатанный текст. (В этом регламенте далее имеются в виду рукописи, написанные кириллицей, однако употребление латиницы в основном не изменяет порядка оформления.)

I. Заголовок статьи пишется прописными буквами. Под ним указываются имя, (отчество) и фамилия автора (на кириллице, в таком порядке без сокращений). Затем приводятся сведения об авторе для научной корреспонденции (на языке или на одном из языков страны, в которой живет автор).

При оформлении статей авторы должны руководствоваться следующими условными обозначениями:

1. Примеры длиной в целое предложение (включая примеры из художественной литературы) нумеруются и приводятся в отдельных строках. Напр.:

(1) а. Петр ушел из университета около 10 ч. утра.

б. Петр ушел из университета в начале семидесятых годов.

Ссылки на примеры такого типа в тексте оформляются так: Пример (1а) показывает, что...

Слова, словосочетания языка-объекта, входящие в состав предложений метаязыка, не нумеруются, и их принято давать курсивом. Смысловые выделения обозначаются жирным шрифтом. Для указания значений употребляются сингулярные кавычки.

Знаки " ", " " и " ", т.е. дефис, тире (без интервалов и с интервалами) отчетливо отграничиваются друг от друга. Знаки, которые не могут быть обозначены на компьютере, аккуратно оформляются ручным способом.

Любые пропуски в цитатах (из худ. или спец. литературы) обозначаются многоточием в квадратных скобках. Объясняющие вставки в цитатах, не относящиеся к оригиналу, обязательно заключаются в квадратные скобки.

2. Ссылки на литературу приводятся сокращенно, т.е. с указанием фамилии автора, года издания и страниц (если последнее необходимо) в самом тексте по следующим образцам: Ю.Д. Апресян (1986: 66–67) отмечает... В работе Ю.Д.

Апресьяна (1986: 66–67) отмечается... В специальной литературе (Апресьян 1986: 66–67) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом см. еще Апресьян 1986); Ф. Кифер (Kiefer 1983: 34) отмечает... В работе Ф. Кифера (Kiefer 1983: 34) отмечается... В специальной литературе (Kiefer 1983: 34) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом подробнее см. Kiefer 1983).

3. Подстрочные примечания имеют сквозную (консекутивную) нумерацию.

4. Список библиографических единиц, которые в сокращенном варианте фигурируют в ссылках, оформляется – под заглавием ЛИТЕРАТУРА – по следующим образцам (первые три из них служат примером для книг, а остальные в отдельности – для статей в сборниках, в ежегодных сборниках, в журналах без указания на том, в журналах с указанием на том (с сквозной нумерацией страниц в одном томе)):

Белошапкова, В.А. (ред.) 1989, *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, изд. 2-е, испр. и доп.

Kiefer F. 1983, *Az előfeltevések elmélete*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Lakoff, G. – Johnson, M. 1980, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press.

Ружичка, Р. 1988, Скрытый субъект и пустое подлежащее. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.) *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 216–219.

Бархударова, Е.Л. 1991, Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* XXII. Szeged, 3–10.

Апресьян, Ю.Д. 1986, Интегральное описание языка и толковый словарь. *ВЯ* № 2, 57–70.

Булыгина, Т.В. 1981, О границах и содержании прагматики. *ИАН СЛЯ* 40, 333–342.

Сокращения названий журналов см.: *Вопросы языкознания* 2004, № 2, 158–159. Не перечисленные там журналы даются без сокращения.

При наличии у одного автора нескольких библиографических единиц одного и того же года издания должны быть использованы (после года издания) буквы: а, б, в... или а, b, c...

Сначала приводятся публикации на кириллице по алфавиту, затем – работы на латинице.

II. Что касается рецензий, то должны быть учтены следующие отличительные черты. Название содержит полное библиографическое описание рецензируемой работы. Автор рецензии и сведения о нем указываются в конце текста. Образцы заглавий рецензий:

В.А. Белошапкова (ред.), *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, 1989, изд. 2-е, испр. и доп., 800 с.

G. Lakoff – M. Johnson, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press, 1980, xiii + 242 pp.

Szövegszerkesztés és tördelés: Gy. Login Adrienne

Készítette a JATEPress
6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.
<http://www.jate.u-szeged.hu/jatepress/>

Felelős kiadó: Dr. Ferincz István egyetemi docens, intézetvezető
Felelős vezető: Szőnyi Etelka kiadói főszerkesztő
Méret: B/5, példányszám: 200, munkaszám: 40/2005.